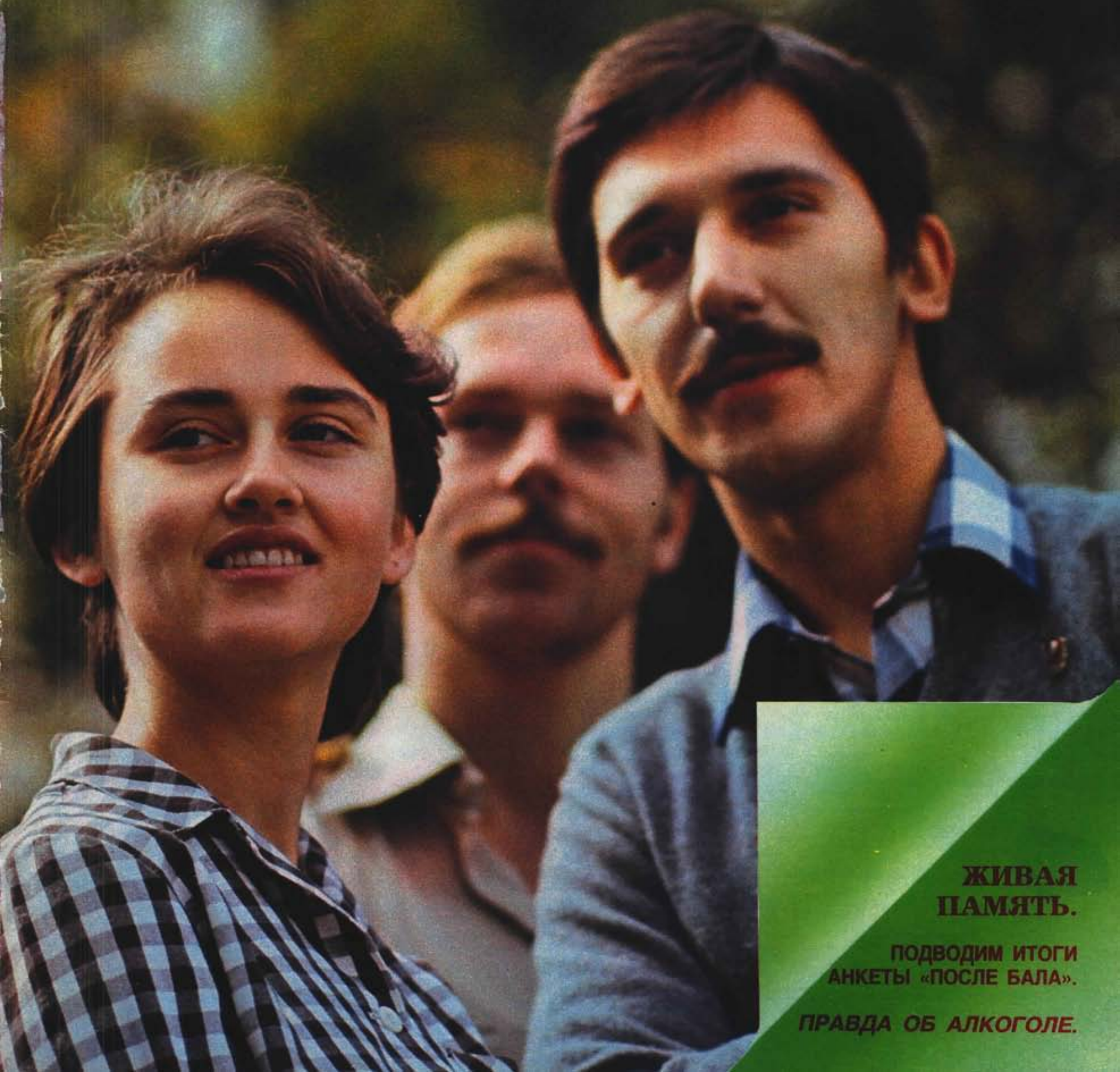

СМЕНА

№ 10 (1392) МАЙ 1985

ISSN 0131-0009

**ЖИВАЯ
ПАМЯТЬ.**

ПОДВОДИМ ИТОГИ
АНКЕТЫ «ПОСЛЕ БАЛА».

ПРАВДА ОБ АЛКОГОЛЕ.

Алина ЧАДАЕВА

У обочины дороги Брянск — Орел взнесены на постаменты две военных лет полуторки. Наново покрашены их пробитые осколками кузова и кабины, залатанные жестью; белой краской обведены внутренние ободы колес. Так радный мундир ветерана скрывает рубцы и шрамы, оставшиеся от ран.

А по широкому шоссе слышат машины и салютуют собратьям на постаментах долгими гудками. Второе десятилетие не умолкают здесь их голоса. Так не угасает вечный огонь на могилах павших за Родину, живой и горячий, как наша о них память.

Мы едем по дороге Брянск — Орел вместе с бывшим военным корреспондентом газеты Брянского фронта «На разгром врага» Александром Карловичем Лапиным. По этой дороге 3 октября 1943 года мчал капитан Лапина редакционный «виллис» и по просеке свернул в лес, к поляне, где в августе 41-го базировалась на автомашинах типография армейской газеты и где при отступлении наших войск были зарыты ящики со шрифтами.

«Виллис» вел редактор газеты полковник Александр Михайлович Воловец. Он подписывал свои корреспонденции псевдонимом «капитан Андреев». И бойцов, и сотрудников редакции он удивлял своей неутомимостью руководителя и зоркостью журналиста. Его перо было жестким и требовательным, когда «капитан Андреев» писал о замеченной им на конкретных участках фронта беспечности; беспощадным, когда обличал злодеяния фашистов на оккупированной ими земле; страстным, когда в коротких передовых и повременному сжатых очерках рассказывал о героизме советских солдат.

Он был рядовым пера, «капитан Андреев», и в рядах бойцов сражалась его газета «На разгром врага». Чем ближе к Брянску подходили наши войска, тем яростнее становились газетные строки. И сейчас, сорок с лишним лет спустя, с пожелтевших страниц нам слышится

«тугой удар — начало канонады, пехоту поднимающий сигнал».

«Вперед, брянцы! Брянск перед нами!» — газетные шапки, заголовки, сводки тех сентябрьских дней 43-го года разящи, как хорошо пристрелянное оружие.

Несколько скупых строк из тех сентябрьских номеров газеты: «Парторг роты Н-ского соединения, ведущего бои на берегах Десны, гвардии рядовой Кукунин повторил подвиг тов. Матросова. Во время боя в немецких траншеях он заметил, что за вражеским дзотом собирается для контратаки группа немцев. Кукунин метнул гранаты в амбразуру, но укрепление оказалось прочным. Тогда он подбежал к дзоту и закрыл телом амбразуру, лишив врага возможности стрелять. Геройской смертью рядовой Кукунин завоевал батальону победу».

Сколько солдатских глаз прочли тогда эти строчки, похожие на рапорт, сколько сердец отозвалось подвигу гвардии рядового!

Еще в мае 43-го, перед началом великой Орловской битвы, полковник Воловец был уверен, что непременно разыщет то место под Брянском, где зарыты шрифты для заголовков, и украсит ими газету.

В тот третий день октября в «виллисе» вместе с редактором ехали Зоя и

Владимир Хмелевские, его соратники по перу. Зоя было двадцать восемь. Двух маленьких дочек она оставила в тылу, у матери, и ушла в армейскую газету, чтобы быть рядом со своим больным мужем. В первые месяцы войны журналист Владимир Хмелевский отложил подальше свидетельство об освобождении от воинской службы по состоянию здоровья и стал ответственным секретарем газеты «На разгром врага», заменив погибшего А. Я. Митлина.

Чаще всего газета версталась ночью в наскоро поставленной палатке или подвернувшейся на фронтовых дорогах избе, и в бессонные эти ночи Зоя — сестрой милосердия, сиделкой — с лекарствами наготове страховала больного мужа, а днем обрабатывала для очередного номера солдатские письма. Каждое было адресовано всем и ей лично, потому что не было в те годы судьбы, не затронутой войной, и не было большего долга, чем освобождение родной земли.

...Еще засветло они добрались до знакомой поляны. Вчетвером откопали покрывшиеся плесенью ящики со шрифтами. Сфотографировались счастливые, молодые у заросшего травой блиндажа. Тронулись в обратный путь.

...Когда капитан Лапин очнулся от удара взрывной волны, он увидел, что недалеко от него, на земле, истекал кровью Владимир Хмелевский. «Где Зоя?» — первое, что он спросил, пока Лапин переязывал ему ноги. В подорвавшемся на mine «виллисе» Лапин нашел мертвого Александра Михайловича Воловца и, контуженный, попытался искать Зою. На ветках висела ее косынка, а у дерева лежала она сама, казалась, невредимая и спящая, только на виске, наливавшемся смертной синевой, был виден осколочный след.

Узкая, почти заросшая молодыми деревцами просека впадает в асфальтовое русло дороги Брянск — Орел. Майор в отставке Александр Карлович Лапин, грузный, седой, снял шапку, стоит, осутившись, возле того места, где сорок два года назад останавливал полупные военные машины, чтобы доставить в госпиталь Владимира Хмелевского, а потом довести до города своих убитых товарищей. Несколько дней спустя их будут хоронить на главной площади Брянска и возле могилы поставят носилки с тяжелораненым майором Хмелевским, прощавшимся с женой и другом. Потом Лапин будет сопровождать своего ответсекретаря в тыловой госпиталь на военном самолете, не приспособленном для перевозки пассажиров.

В последние годы войны дороги этих людей разойдутся. В. А. Хмелевский после ранения останется в Москве с дочерью; военный корреспондент А. Лапин догонит свою мобильную — на колесах — редакцию, вместе с фронтом двинувшуюся все дальше, на запад, и встретит Победу в поверженном Кенигсберге. Кочуя по дорогам войны, чудом сохранит все 720 номеров газеты Брянского фронта «На разгром врага».

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — писал уроженец Брянщины поэт Ф. И. Тютчев.

Предугадать действительно не дано. Но если слово истинно и служит благородным целям, «золотое слово, со слезами смешанное», — через века или десятилетия — оно воскреснет и отзовется в потомках.

«В брянской школе № 56 совершенно настоящее чудо, единственное пока в стране: создан музей военной журнали-

стики. Не пепел, а огонь должны мы сохранить от наших предшественников...» — так взволнованно и восхищенно говорил об увиденном Виктор Дмитриевич Портнов, в прошлом секретарь партийного бюро редакции газеты «На разгром врага».

В один из дней 74-го года на кладбище, куда с главной площади города уже давно перенесли прах погибших военных журналистов, встретились дети, которым райком комсомола поручил ухаживать за могилами, и незнакомый ребятам пожилой человек, Александр Карлович Лапин. Каждый год 3 октября он приходил сюда почтить память своих боевых друзей. Один, а иногда с женой Татьяной Васильевной. «корректором всех его военных строк», как написала она в юбилейном адресе мужу и однополчанину. Шаг в шаг прошла корректор Таня Козлова трудный и славный путь фронтовой газеты.

С той встречи А. К. Лапина с ребятами из 56-й школы потянулась и начала разматываться живая нить памяти. Оживало, становилось зримым и кровно близким давнее и не пережитое юным поколением время Великой Отечественной войны.

Время не имеет свойства умирать. Оно становится прошедшим, но непременно оставляет о себе зарубки, заметки, чтобы пытливые потомки могли заглянуть сквозь толщу веков и вернуть к жизни канувшие в беспмятное небытие драгоценные крупинки минувшего.

Не рутятся камни, не ржавеет металл, и неопалимыми вышли из огня Великой Отечественной советские знамена. На выгоревших полотнищах вышито: «Брянской пролетарской стрелковой дивизии», Бежицкого, Мглинского «партизанских отрядов», «Клетнянской 5-й партизанской бригады». Неутомимый летописец — история высекает, гравировывает, вышивает, печатает и пишет от руки избранные, нетленные для русского сердца Слова и Даты.

Одна из таких дат для 56-й школы Брянска — 3 октября — день памяти военных журналистов. В торжественной тишине выстраиваются и замирает общешкольная линейка.

«Музей» — применительно к напряженной поисковой работе школьников, пожалуй, звучит неточно. Скорее штаб, который руководит двенадцатью экспедиционными отрядами. Собранные ими документы, письма, фотографии, номера фронтовых газет, издававшихся тогда — в полевых условиях — не только на русском, но и на нескольких языках союзных республик, открывают ребятам, воссоздают образ газетчика военных лет. Обретают плоть известные каждому из них слова Михаила Кольцова, пером и винтовкой сражавшегося против фашизма в Испании: «Быть журналистом — значит не только ездить, смотреть, отбирать, писать — это значит особым образом жить».

Виктор Дмитриевич Портнов, парторг фронтовой газеты, передал школьному музею свои корреспондентские блокноты, где сохранились записи военных лет. Краткие, порой не оконченные фразы передают пульс напряженной фронтовой обстановки. Но в них же сила противостоит, несомненность духа, умение подчинить сложные условия цели. По школьному радио, на классных часах, у стендов музея члены совета будут читать этот бесценный документ: «Тезисы доклада к партийному собранию 10 октября 41-го года — о работе коммунистов на марше».

«5.10.41. в 2 ч. 30 мин. дивизионный комиссар Пигурнов вызвал к телефону редактора газеты и сообщил о переезде на новое место. Мы совершили трехуточный марш. Самоотверженно работал весь коллектив в ночь с 6 на 7 октября, тогда в Белеве... В пургу заправляли машины бензином. Наборный цех продолжал работу до самой последней минуты. Организующая роль Лапина и Морякина. Коллектив в походе вел себя спокойно. Холод, дождь со снегом, недостаток питания не отразились на самочувствии людей. Пример с наборщиками, которые на привале в Хвастовичах быстро развернули работу, завершили верстку 4-й полосы и правку остальных полос. Все полосы сохранены, не рассыпаны!»

«Не пепел, а огонь должны мы сохранить от наших предшественников...»

Сохранить животворный, неугасимый пламень духа, ставший залогом победы советского народа, и значит, для ребят из 56-й школы Брянска «по-особому жить». Они составили карту перемещений редакции газеты «На разгром врага» (позже, с ликвидацией Брянского фронта, она стала называться «Суворовец») и проделали тот же маршрут: Тула, Ясная Поляна, Москва, Рига, Калининград, — чтобы там через четыре десятилетия расслышать рокот армейской ротационной машины и, если повезет, найти новые следы редакции. Им повезло: одиннадцать «неразгромовцев» из технического цеха газеты встретили ребята в Калининграде. Цинкограф, шофер, повара, выпускающий газеты на языках республик. И была общая встреча, и слезы, и бесконечно дорогие и тем, кто говорил, и тем, кто слушал, воспоминания, как на своих плечах иногда носили тираж газеты в части; как двуручной пилой распиливали пополам чересчур широкие рулоны бумаги; как не сорвали ни одного номера и ни на один день не оставили бойцов без газеты, столь же насыщенной, как хлеб и винтовка.

«На всю жизнь оставили след встречи с интереснейшими людьми, журналистами Брянского фронта, — написала в сочинении выпускница 56-й школы Лена Грошева и добавила главное: — Я научилась любить людей, быть к ним внимательной и терпеливой».

Не просто «шефствуют» — любят ребята престарелых ныне родителей самого молодого корреспондента газеты «На разгром врага» Виктора Шуровского, к которым привел их неустанный поиск. Виктор был их земляком и до войны учился в школе № 2. Прибывшись к фронтовой газете, юноша помогал ей, чем мог, а потом его привлекли к литературной работе, и на полосах стали появляться его статьи. Виктор Шуровский погиб в Германии в январе 1945 года двадцати двух лет от роду. Он был единственным сыном у Антона Адамовича и Клавдии Родионовны.

Но вот спустя десятилетия в их дом пришли другие дети, и старые, очень старые люди перестали чувствовать свое горькое сиротство. Веселые и делкатные, дети стали их руками: мыли, чистили, убрали квартиру, читали им вслух журналы, газеты, рассказывали о своем музее, приносили цветы и продукты. Дети хлопотали вокруг них и заботились, как заботились бы их сын Виктор, не по красным дням календаря, не от случая к случаю — постоянно! И вглядывались в старые лица.

«Передо мной пожилой худощавый человек невысокого роста, с лицом,

ДЛЯ ЧЕГО ДЕР

МУЗЕЙ ВОЕННОЙ

Журналистики

иссеченным морщинами и рубцами ран, полученных еще на гражданской войне. Но в глазах его — живой огонь, он не угасает ни на минуту, как вечный огонь неизбывной памяти» — так скажет об Антоне Адамовиче Шуровском школьница Оля Русанова, и из этих слов мы поймем, что тот же «живой огонь» доброты и памяти зажегся и не угаснет в душе девочки.

Вырастают дети и покидают стены школы. За десять лет существования музея сменилось несколько школьных поколений. Но дом Шуровских все так же полнится звонкими, юными голосами, все так же ухожен и так же целительно в нем тепло ребячьей заботы. 8-й «Б» и 5-й «А», кто бы в них ни учился, по давней и славной традиции, «прописаны» в этом доме.

И по традиции 1 сентября члены совета музея ведут первоклассников к надгробиям погибших военных журналистов, рассказывают им об Александре Воловце, о Зое Хмелевской и чтят их память минутой молчания. А накануне выпускного вечера, в июне, сюда приходят поклониться памяти павших окончившие школу и оставляют на могилах цветы...

Юноши и девушки уносят с собой в жизнь не только ставшие дорогими имена, но и связанные с ними нравственные идеалы. Им, вчерашним школьникам, посчастливилось быть свидетелями необыкновенной любви и верности, которой уступила сама смерть.

Одним из первых, чей московский адрес подсказал ребятам А. К. Лалин, был Владимир Александрович Хмелевский. Они написали ему и взрослым уже его и Зои дочерям Наталье и Галине. Он ответил. Но в Брянск не приехал. По фотографиям вся школа знала его в лицо: светлые, с умным прищуром глаза за стеклами очков, впалые щеки, неизменная трубка во рту. Знали, что он работал в «Известиях» и занимался литературной обработкой военных мемуаров крупных советских военачальников, помогал молодым писателям. Но о том, почему он все-таки не приезжал в Брянск, узнали после телеграммы, присланной дочерьми Владимира Александровича в мае 1976 года: «Умер папа. Приедем к вам». Он завещал похоронить себя рядом с погибшей женой.

До самой последней своей минуты Владимир Александрович жил так, словно Зоя была с ним вместе. С ним и с дочерьми. Он хотел, чтобы девочки помнили ее живой. И каждый день рождения Зои отмечался в семье как праздник, и тогда, в феврале, дом благоухал нежным запахом белой сирени, потому что это были любимые цветы Зои, и он дарил их ей, как всегда дарил в молодости.

...В канун славной даты освобождения Брянска от фашистов, 16 сентября 1976 года, от школы № 56 до кладбища стояла в почетном карауле нескончаемая шеренга детей. Торжественная и скорбная тишина была высокой музыкой прощания, когда мимо строя ребят несли урну с прахом Владимира Хмелевского его фронтовые друзья и среди них — Александр Лалин.

Неизменный наставник юных следопытов, неутомимый сотоварищ их поиска, педагог Алевтина Евдокимовна Пастухова еще на заре существования школьного музея спрашивала себя: как научить ребят памяти, гордости за свой народ? Как научить их ненавидеть насилие и ложь, поверить в то, что активная жизненная позиция каждого из них тоже много значит для истории? Покидая школу, ей ответил бывший председатель совета музея Сергей Тимченко, теперь — студент исторического факультета Брянского педагогического института: «Мы счастливы, что нам дано ощутить и почувствовать личную причастность к трудному и героическому времени в жизни нашей страны».

Лично причастен — деятельной памятью ума, сердца, рук. Давно мечтают об обелиске на Поляне журналистов дети 56-й школы. Рисуют его проекты, «к штыку приравнивая перо»...

ИЩА СЧАСТЛИВЫ

Подготовка к XXVII съезду партии — это время большой, напряженной работы. На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС было подчеркнуто, что резервы имеются на каждом предприятии, стройке, в каждом трудовом коллективе. Следовательно, очень многое зависит от отношения к делу, умения, активности всех тружеников. Задача комсомола — добиваться, чтобы молодежь на своих местах работала добросовестно и с полной отдачей.

Максим АЛЕКСЕЕВ
Фото Вадима НЕКРАСОВА.

Что и говорить, ситуация для Саулова и его товарищей сложилась не из легких. Смежники задержали подачу ротора на сборку, вот и крутись теперь, бригада, ведь установленный срок сдачи готовой турбины никто не отменял. А собрать ротор «миллионника» — турбины мощностью миллион киловатт для атомной электростанции — это, согласитесь, дело куда как не простое, требующее отнюдь не слешки, а выверенной ювелирной точности, высшего рабочего мастерства. Бригада Героя Социалистического Труда Николая Корнеевича Саулова должна была, не меняя условий производства, не добавляя механизмов (откуда они на сборке), резко ускорить монтаж. Как решить непростую эту задачу? Можно бы, конечно, было объявить очередной аврал — всей командой, всей бригадой они бы вывезли, сдали б заказ без опозданий. Но Саулова беспокоили не только сроки...

На том недавнем комсомольском собрании Николая Корнеевича никто не обязывал присутствовать: из комсомольского возраста бригадир вышел четверть века назад. Просто решил Саулов сказать молодым о наблевшем. Поднялся и, словно отрубая слова, заговорил горячо и строго. О том, что скучно живут ребята и работать скучновато стали, а ведь должны ветеранов в спину подталкивать, идеи подбрасывать, темп задавать. Бригадир заметил, как нахмурились лица присутствовавших, но не стал сглаживать острых углов. А ребята

досадовали на себя: уж если Николай Корнеевич о них такого мнения, значит, и правда отставать от «стариков» стали. Бригадир зря не скажет.

Бригадир... За плечами его не только многие годы работы на Харьковском турбинном заводе. За плечами его война.

...Коля Саулов закончил войну в Берлине тринадцатилетним мальчишкой. Как сейчас видит: тощие, трясущиеся руки жителей бывшей столицы бывшего рейха протягивают ему пустые миски, а он, маленький советский солдат в ладно подогнанной гимнастерке, раздает им порции дымящейся каши.

В те дни остра была боль утрат, и не то что кормить, даже смотреть на немцев становилось порой невыносимо. Не выдержала повараха, разревелась и убежала, уприсив Колю заменить ее. И он согласился, хотя ему было, возможно, тяжелее, чем многим. Ведь еще в сорок первом на Смоленщине, в деревне Овсянники, фашисты сожгли в избе вместе с другими жителями, помогавшими партизанам, и пасечника Корнея Саулова. А потом лютой зимой, когда оккупанты гнали колонну детей и

женщин в Германию, мать Анастасия Григорьевна, уже умирая в сугробе, прошептала Коле последние свои, как завещание, слова:

— К людям иди. Выручат...

Права оказалась мать, люди спасли. Белорусская женщина вытащила мальчишку из колонны, назвав своим сыном. Не побоялась ни автоматчиков немецких, ни лишнего рта в доме в то голодное время. Крестьяне из ближайших деревень обогрели, вывели.

Коля вернулся на Большую землю. Вернулся, чтобы стать сыном полка и, надев солдатскую форму, пойти с нашими частями на Запад, в ту самую Германию, куда пытались его угнать гитлеровцы. Свой тринадцатый день рождения он встретил в Берлине.

...После того комсомольского собрания ребята решили всерьез помериться силами с ветеранами.

Несколько дней бригадир обдумывал решение, а потом подзвал одного из опытейших сборщиков, Анатолия Скоморохо:

— Пиши фамилии. Лавриненко, Вертель, Яковлев... Молодые все. Это твоя бригада. Бригада в бригаде. Ставлю вас на ротор низкого давле-

ния. Творите, выдумывайте, а мы поможем.

Такого еще не случалось за четверть века его работы в цехе: внутри бригады создавалась еще одна, молодежная. Но иного выхода Саулов не видел. Пусть попробуют самостоятельно справиться с одним из блоков ротора «миллионника», пусть дерзают.

Саулов рисковал, конечно. А вдруг не справятся молодые с заданием, сорвут сроки сдачи турбины? Но парням своим он верил и решился.

ЛАВРИНЕНКО

Спешка его все же подвела. Хотел как лучше, быстрее, а вышло... Сверлили отверстия под штифты, напарник, что поопытней, отлучился за инструментом, Валерий попробовал справиться сам и...

Монтаж, установка лопаток на стальном сердечнике ротора — дело крайне сложное, требующее артистизма. Говорят, специалистов такого профиля по всей стране сотни две с половиной наберется, разве немногим больше, чем космонавтов. И цена их оплошностей бывает велика.

Уже на монтаже, когда устанавливали лопатку, обнаружился перекос, ошибка при сверловке, штифт полез в сторону. Если так его и оставить, потом в работающей турбине штифт выбьет из ротора, считай, верная авария.

Деталь стала негодной, лишних нет, да и стоит лопатка из нержавеющей стали недешево. Администрация вполне могла применить к виновнику санкции. Но не об этом думал Валерий, направляясь к Саулову, чтобы сообщить о случившемся.

Работа у них и без того срочная, а ЧП грозило еще дальше отодвинуть окончание монтажа. Ошибкой своей он подводил бригаду, и это было обидней всего. Уж, наверное, Юрка

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ
СО СТАЛЬЮ НА «ТЫ».

Яковлев или Саша Вертель такого не допустили бы, а он... Эх, да что там!

Вдруг представил, как отнесется к случившемуся отец. Усмехнется, наверное, головой покачает: «Мальчишка, торопыга...»

...Тогда, в сорок втором, отец с бабушкой Валерия, Ульяной Михайловной, наткнулся у околицы деревни на двух наших танкистов, пытавшихся выйти из окружения. Малая Писаревка кишела гитлеровцами, поэтому решили они укрыть парней в сарае возле дома. Высаживали их, еду носили, а сами жили, словно на пороховой бочке: ведь фашисты часто заглядывали в их двор. Когда деревню освободили, танкисты, прощаясь, плакали, обнимая Ульяну Михайловну и ее сына.

А потом... Потом был голодный сорок четвертый. Коля Лавриненко отправился как-то в лес грибов собирать. Дернул случайно за ветку — и тут взрыв! Лес был набит минами. В шестнадцать лет стал отец Валерия инвалидом. Инвалидом войны.

Легко было отчаяться, потеряться в круговороте голода и смертей, в мутной тоске госпиталей. Что помогло не

сломаться, выкарабкаться — упрямый характер или доброе слово кого-нибудь из оказавшихся рядом старых солдат?

В конце концов каждый должен выиграть свой бой, где бы ни довелось принять его: в окопе врага или на больничной койке. Лавриненко-старший сумел одолеть обстоятельства. Вернулся к жизни. Стал отличным специалистом, позже был награжден орденом Трудового Красного Знамени, и сегодня он среди передовых рабочих одного из харьковских заводов.

Валерий понял, что теперь его очередь побеждать в своем бою, а для этого нужно... Он не успел додумать, потому что на участке появился бригадир Саулов.

Поговорили... Саулов остро чувствовал сейчас каждую потерянную минуту, а тут, чтобы исправить брак, требовались часы. Но не слишком упрекал он Валерия, видел — переживает парень.

Пожалуй, именно в тот момент дошла до Валерия мысль, которую ему не раз внушали ветераны. Не производственных подвогов ждет от всех

МОНТАЖНИК ВИКТОР КОРНЕВ:
«НА ТУРБИНОМ Я НАШЕЛ СЕБЯ».

БРИГАДА
СИЛЬНА
ВЗАИМОВЫРУЧКОЙ
И НАДЕЖНОСТЬЮ
КАЖДОГО.

ДОВЕРЯТЬ МОЛОДЫМ —
ПРИНЦИП
НИКОЛАЯ КОРНЕЕВИЧА
САУЛОВА.

ВЫСОК АВТОРИТЕТ СТАРШЕГО МАСТЕРА АЛЕКСАНДРА ОНИЩЕНКО.

КОГДА
МОЛОДОСТЬ
ЗНАЕТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 10 (1392) МАЙ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
наследники
победителей.

Фото
Сергея ВЕТРОВА.

- 1** ЖИВАЯ ПАМЯТЬ.
Алина ЧАДАЕВА. «ЛИЧНО ПРИЧАСТНЫ».
- 2** «КОГДА МОЛОДОСТЬ ЗНАЕТ».
Фотоочерк Максима АЛЕКСЕЕВА и Вадима НЕКРАСОВА.
- 5** Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. «ГОД ПОСЛЕ ШКОЛЫ».
Подводим итоги анкеты «Смены».
- 7** Леонид ПЛЕШАКОВ. «МОЙ АЭРОДРОМ».
Рассказ о военном детстве.
- 12** Иван ПАДЕРИН. «КАК САМА ЖИЗНЬ».
- 14** Владимир РЕЗЧИКОВ. «УРОКИ НА ЗАВТРА».
- 16** НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ.
«ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ПЛАКАТ «СМЕНИ».
- 18** Федор УГЛОВ, академик.
«ПРАВДА И ЛОЖЬ ОБ АЛКОГОЛЕ». Беседа первая.
- 20** «ЛИПЕЦКАЯ ЛЕПОТА».
Репортаж Эдуарда ЕФРЕМОВА и Вадима ОПАЛИНА.
- 21** НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС.
«ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА».
- 22** НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Мария БАРСУКОВА. «МЕДВЕЖЬЯ ШКУРА».
- 24** КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 26** Евгений ВИНОКУРОВ. «ПОЭЗИЯ УЧИТ И УЧИТСЯ».
- 28** «СПОРИТЬ С СУДЬБОЙ».
- 29** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Уильям КОТЦВИНКЛ. «ИП».
Сатирическая фантазия.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

молодых бригада, не рекордных темпов. Ждет простого и вроде бы скучного — чтобы учились. Каждой отдельной операции, тонкостям ее, хитростям, а в итоге мастерству.

Принимая в коллектив, Саулов никому не обещает легкой жизни. «Быстрого успеха не жди, в передовики сразу не лезь. Будь ты семи пядей во лбу, а долго «сырой» будешь, считай, в учениках ходить. И не дуйся — такая уж работа».

Выходя из конторки мастера, Валерий вновь подумал, что специальность у них редкая, почти как у космонавтов. Авторитет здесь с наскока не завоеешь, и две нормы вместо одной, поднатужившись, не выдашь.

Хочешь подвигов — учись точности часовщиков и аккуратности аптекарей в жестких авральных условиях сборки. Вот их высота. И если возьмешь ее, подойдет после очередной смены Саулов, хлопнет по спине: «Нормально. Растешь, парень». Возьмет еще свою высоту и Валерий. Упрямства для этого у него хватит, оно у Лавриненко семейное.

Между прочим, это он выступил сразу после Саулова на том памятном комсомольском собрании. И как группкомсорг предложил ребятам отработать целую смену в Фонд мира. Поддержал их сначала цех, потом и весь завод.

Да, еще. Вместо злосчастной лопатки, что заперол в спешке, они подобрали другую. Отстрогали, отшлифовали, чтобы подходила по габаритам. Справились без смежников и администрации.

ВЕРТЕЛЬ

Поначалу Александру в бригаде было сложнее, чем другим. Пришел сюда с завода «Поршень» уже квалифицированным наладчиком, а тут его первой же фразой огорошили: «Начнешь со второго разряда. И следующего скоро не жди».

— Есть такая практика в цехе, идущая вовсе не от консерватизма, — объясняет секретарь партбюро Николай Смольняков. — Производство требует особой квалификации. Порой являются к нам с шестым разрядом, а получают в бригаде второй, третий. Разумеется, по взаимному согласию. Обижаются люди? Бывает, особенно молодые. Но тут-то и проверяется человек. Пожертвует престижем ради коллектива — значит, годится в бригаду. Она ведь у нас сама новичков подбирает. Партбюро или администрация только посоветовать могут, а не приказать. Слово бригады — решающее.

Саша Вертель не мучился выбором, готов был на любые условия. И в зарплате не выигрывал (те же 250, что и на заводе «Поршень»), и с дисциплиной здесь куда круче, да и престиж второго разряда невысок. Но когда приняли, обрадовался.

— На заводе, где я прежде работал, каждый наладчик будто сам по себе. Закончилась смена — бросил все и домой. Хоть потоп в цехе. Скучно получалось. Ведь если лишь для себя стараешься, значит, за рубли только, за оклад. Но разве в этом только удовольствие? Надоело, сюда подался...

Саша улыбается, разводя тяжелыми, сильными руками, нетерпеливо оглядывается на стенд. Как там ротор?

— Здесь все другое: и люди, и работа, и настроение. Вот задумался я, почему во время войны один солдат грудью на амбразуру шел, а другой за спины товарищей прятался? Ведь одинаковые с виду ребята были, росли рядом, может, и за партией одной сидели. Ответ нашел, когда в бригаду попал. С какой меркой к человеку товарищи подходят — высокой или усеченной, по такой шкале он и поступки свои мерить будет. Не потребуешь от него по максимуму, подведет в трудную минуту...

Каждый должен выиграть свой бой. Но сумеет это, лишь чувствуя за спиной дыхание друга.

Хитер все-таки Николай Корнеевич. Создав внутри бригады на время аврала еще одну, молодежную, учел он, что

трудиться ей придется в стороне от всех, на площадке другого корпуса. За советом к старичкам оттуда не очень-то побегаешь, своим умом до всего доходи.

До сдачи «миллионника» оставалось всего десять дней. Саше поручили прорубать специальные пазы для балансировочных грузов. Прежде по две смены высверливали эти отверстия в неподатливой вязкой нержавеющей особой бормашиной, он же решил сделать быстрее. Нашел удобную точку опоры и принялся не сверлить, а буквально врезаться в металл, действуя инструментом, словно фрезой. И вместо полных двух смен управился за четыре часа, сэкономив целых двенадцать, которые многого стоят при спешной работе.

Саулов удивился. До такого не додумывался прежде никто из самых опытных сборщиков. Саулов обрадовался: пошла наука на пользу. И на собрании партгруппы не забыл отметить Вертеля даже в сумасшедшей гонке аврала.

ЯКОВЛЕВ

Дом, куда он возвращается с завода, выстроен еще дедом, Иваном Григорьевичем, который первым из Яковлевых попал в сборочно-испытательный цех Харьковского турбинного. Юру в цехе сразу спросили: «Не Иванов ли внучок? А, тогда годишься. Крепкое семейство».

Он не был бы среди лучших учеников Саулова, если бы заботился только о своем успехе или даже о судьбе конкретной турбины. Николай Корнеевич всегда учит смотреть шире и глубже. А взглянув, можно и нахмуриться.

Хотя уже ясно, что с нынешним заказом для АЭС они управятся раньше всяких норм, героям их называть не стоит. Юрий убежден в этом так же, как и бригадир, как и все их товарищи. Потому что победно трубить после очередного аврала — значит мириться с неорганизованностью производства. Покрывать тех, кто срывает сроки поставок и подводит смежников. Фактически узаконивать то, что давно уже осуждено.

Несладко в этой ситуации «героям». Кому охота работать по отживающему распорядку (точнее — непорядку) вчерашнего дня? Но как быть: по примеру смежников тоже сорвать сроки? Подтолкнуть дальше снежный ком опозданий?

— Турбина создается долго, от проектирования до пуска проходит не один год, — говорит секретарь партбюро цеха Смольняков. — Порой на ребят-сборщиков сваливаются конструкторские ошибки десятилетней давности, просчеты той поры, когда кое-кто из них еще за школьной партией сидел.

Так можно ли здесь кого-то наказать демонстративным отказом от «экстренной и спешной» работы?

— Бывает, срочности, спешки не избежать. Тут мы всегда готовы, — разъясняет Юра Яковлев. — Но вот если начальник цеха прибегает на участок и просит скорее, за ночь закончить ротор, а потом этот ротор еще неделю лежит в цехе без движения — здесь никакой срочностью не оправдаться. Обычная перестраховка, причем за счет сборщиков. И такое случается часто. Хотя то же самое мы могли сделать спокойно, ритмично, получая от работы истинное удовольствие. Да и потеря от брака было бы меньше. Может, причина многих авралов в инерции мышления некоторых руководителей?

Есть вопросы, которые сами по себе свидетельствуют о зрелости того, кто ими задается. Думается, этот вопрос Яковлева из таких. Видится в нем уверенность молодого сборщика, что перемены близки.

Александр Вертель, Валерий Лавриненко, Юрий Яковлев... Вместе со своими сверстниками из бригады Героя Социалистического Труда Николая Корнеевича Саулова они собирают сегодня новый «миллионник» для очередной АЭС. И новые проблемы встают перед ними, заставляя, как и прежде, брать на себя нелегкую ношу.

До и после послешколы

Виктор
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат
экономических наук

Окончание средней школы — заметный рубеж в жизни современного молодого человека. Это время важнейших решений и практических поступков, которые скажутся на всей последующей жизни.

Год назад в нашем журнале была опубликована анкета «После бала» (№ 12, 1984 г.). Мы хотели взглянуть на проблемы первого послешкольного года глазами самих выпускников. Получили примерно 1100 ответов на вопросы анкеты, и вот теперь можем подвести итоги и высказать по этому поводу некоторые соображения.

Скажем сразу, что это анкетирование (как и любое журнальное исследование) не было достаточно представительным. Хотя заполненные анкеты получены из всех крупных районов страны, все-таки слабее представлены республики Средней Азии и Закавказья. Доля анкет, полученных от выпускников сельских средних школ, значительно меньше доли сельской молодежи среди окончивших школы страны. Девушки оказались много активнее юношей: их анкет в два с половиной раза больше. Исходя из всего этого, и анализировать полученные анкеты мы будем с известной осторожностью.

Сравнение результатов этого анкетирования с результатами других исследований показывает, однако, что основные закономерности и проблемы молодежи в начальный послешкольный период «схвачены» очень хорошо. Так, скажем, очень типичны анкетные данные об ориентации выпускников, их планах, о доле тех, кому эти планы удалось осуществить, и т. д. С этих планов мы и начнем.

Первый вопрос анкеты сформулирован так: «Каковы были ваши планы при окончании школы: учиться в вузе, техникуме, ПТУ, ТУ, работать на заводе, фабрике, стройке, в учреждении, кем?»

Учиться в вузе собиралось 59 процентов выпускников общеобразовательной школы, еще один из ста собирался совместить учебу в вузе с работой, 15 процентов хотели продолжить учебу в среднем специальном учебном заведении, 5 — в техническом училище, 9 — в ПТУ, 8 — собирались работать, прочих (учиться на курсах, окончить одиннадцатый «педагогический» класс и т. д.) было трое на сто.

Что получилось фактически?

Учиться в вузах в год окончания школы стали 28 процентов выпускников — менее половины собиравших поступить в дневной вуз. Совмещать учение в вузе с работой стали 5 процентов выпускников, в средние специальные учебные заведения поступили 10 процентов, в технические училища — 6, а в ПТУ — 13, работать стали 35 процентов выпускников.

То обстоятельство, что три выпускника школы из пяти были нацелены на вуз, частично объясняется уходом из общеобразовательной школы тех, кто был настроен на работу, а также поступивших ранее — после восьмого и девятого классов — в средние специальные учебные заведения.

Условия для поступления в вузы в 1983 году были самые лучшие за многие последние годы. В этом году был самый большой за всю историю прием в вузы, а поколение получающих среднее образование было сравнительно малочисленным; общеобразователь-

ную школу в 1983 году заканчивали преимущественно юноши и девушки рождения 1966 года, когда родилось всего 4,2 миллиона детей (против 5,3 миллиона в 1959—1960 годах); техникумы и ПТУ со средним образованием заканчивали родившиеся на год раньше, когда детей тоже было мало.

И вступительные конкурсы в большинстве вузов были незначительными.

В анкете был такой вопрос: «Если вам не удалось выполнить свои намерения, то каковы причины этого?»

Часть юношей и девушек, не сумевших поступить в вузы, отвечает на него формально: «недобрал баллов», «не прошла по конкурсу» и т. п. Многие отвечают более содержательно: «была плохо подготовлена», «не хватило знаний», «самонадеянность» и т. д.

Многие из тех, кому не удалось поступить «с первого захода», собираются поступать повторно. Поэтому одни выбирают работу, которая оставляет много времени для подготовки к экзаменам, другие выбирают работу поближе к профилю будущей специальности, третьи сознательно ставят задачу «заработать стаж». Имеется, к сожалению, и немало случаев, когда поступают не в тот институт, куда хотелось, а в тот, куда почему-либо легче попасть; потом, кстати, многие об этом жалеют.

Судя по анкетам, одни выбирают будущую специальность и соответствующий вуз продуманно и задолго до окончания школы, другие же — скоропостижно и случайно. Вот, скажем, **девушка из города Чебоксары** приняла решение учиться в вузе за месяц до вступительных экзаменов, **Н. И. из Улан-Удэ** — даже за неделю. Судя по анкетам, школа оказывает незначительное влияние на выбор жизненного пути. Выбор учебного заведения и специальности происходит главным образом под влиянием семьи, товарищей, средств массовой информации. Это еще раз подтверждает давно известное — профессиональная ориентация в нашей средней общеобразовательной школе поставлена неудовлетворительно: никакой системы в этой работе нет, школьные учителя не могут успешно вести работу по профориентации из-за слабого знакомства с миром труда. Необходима государственная служба профессиональной ориентации, которая сама работала бы на профессиональном уровне.

Из тех, кто собирался поступить в техникум, поступило большинство. Кроме того, такие выпускники с большей охотой, чем ориентированные на вуз, поступают в технические училища и ПТУ. Поэтому доля начинающих работать среди них сравнительно мала. В ТУ поступили все выпускники, хотевшие этого; те, кто хотел учиться в ПТУ, частично стали работать, а желавшие работать частично стали учиться в ПТУ. У этой сравнительно небольшой части выпускников намерения были менее определенными, более шаткими, попадались и ответы типа: «а мне все безразлично», «а мне все одно».

С началом взрослой жизни очень часто связана перемена мест проживания. По нашим анкетам, в первый послешкольный год сменили место жительства 48 процентов выпускников школы. Данные по юношам в этом отношении непоказательны, поскольку

многие из них были призваны в армию. Известно, что девушки в наше время переселяются в среднем раньше и активнее своих сверстников.

Интересны направления переселений. Все жительницы больших городов остались в больших городах, да и вообще переезды у них редки. Зато подавляющее большинство школьников из небольших городов переехали в большие — 76 процентов; там же оказалось и четыре пятых выпускниц средних школ из поселков городского типа. Из ответивших на анкету выпускниц сельских школ в деревне осталось 22 процента, примерно столько же переехало в небольшие города, а остальные оказались в больших. Здесь, однако, может сказаться малая распространенность нашего журнала в селе. Во всяком случае, сильнее притяжение больших городов, хорошо известно и по другим исследованиям, еще раз подтверждается и нашим опросом. Заметим, что из-за этого в разных местах страны возникли серьезные демографические диспропорции. Так, во многих областях Российского Нечерноземья среди молодежи очень сильно преобладают мужчины, а также очень велика в населении доля пожилых и старых людей; в крупнейших городах, наоборот, велико преобладание девушек над сверстниками.

Один из притягательных «магнитов» большого города — это как раз возможность получить желанное образование. Практически все вузы расположены в больших городах, большинство техникумов — тоже. В последнее время женщины у нас получают более высокое образование, чем их сверстники. Они «вытесняют» юношей из высших и особенно из средних специальных учебных заведений, хотя последним во многих случаях отдается предпочтение. Если в 1960 году среди студентов вузов женщины составляли 43 процента, то в 1983-м — 53, а среди учащихся средних специальных учебных заведений доля женщин за то же время поднялась с 47 до 58 процентов. Наши анкеты показывают, что девушки несколько успешнее сдают вступительные экзамены, чем юноши.

Дело, однако, не только в возможности образования. Большие города предпочтительнее других поселений и по многим другим причинам. Тут существует даже своего рода мода. **Вот девушка, работающая в Кургане** на стройке, окончившая школу в деревне, пишет: «Все едут, уехала и я».

Переезд выпускников школы в другие места ведет, естественно, к некоторым трудностям — жилищным, материальным и т. д. Однако в семнадцать лет с огромной силой влечет новое, неизведанное, да и родные места надоело, и родители тоже. «Все плохо, скучно, надоело, уехать бы куда!» Бывает, молодые поступают по известной украинской пословице: «Хоть гирше, та инше».

Пока выпускники живут в родительской семье, они пользуются всеми ее достоинствами наряду с родителями и другими членами семьи. Зарплаты и стипендии идут в «общий котел», составляют неотъемлемую часть семейного бюджета. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев «взнос» вчерашнего школьника в семейные затраты меньше его «пая» в потреблении. Впрочем, судя по анкетам, многие на первом году «взрослой» жизни над денежными вопросами еще и не задумывались: «получаю по потребности», «живу с родителями, деньги общие» и т. д. Из работающих и получающих даже довольно высокую зарплату родителям помогают немногие. Некоторые получают родительскую помощь и тогда, когда уже обзавелись собственной семьей. Судя по некоторым формулировкам ответа на вопрос «Помогают ли вам родители?», это обстоятельство даже как бы считается «уважительной» причиной такой помощи: «Помогают, так как у меня своя семья». Так ответила **двадцатилетняя студентка-заочница** (на очный не прошла по конкурсу), работающая в ателье и зарабатывающая по 120 рублей в месяц; в родительской семье трое, доход ее — 400 рублей в месяц.

Есть в этом вопросе и заметные отклонения в обе стороны.

Вот еще одна двадцатилетняя девушка, живущая в Нижневартовске и работающая в нефтяной промышленности после окончания, как она пишет, «нефтяного училища» оператором. Она пишет: «Мой средний заработок 280 рублей, все деньги отдаю маме, с которой вместе живу».

А вот картина прямо противоположная. Девушка хотела учиться в вузе, не сумела поступить, работает приемщицей в ателье с зарплатой в 80 рублей. Живет с родителями, зарплату тратит полностью на себя, родители дают «дотацию» около ста рублей в месяц, матери с отцом не помогают, поскольку «и так себе не все покупаю, что хочу».

Эти две последние анкеты поразительно ярко характеризуют их авторов.

Е. Л. из Нижневартовска, отвечая на последний вопрос анкеты («Довольны ли вы своим нынешним положением?»), пишет:

«Я благодарна судьбе, что она повернула мою жизнь так, что я поступила именно в это училище, попала по распределению именно на этот участок и в этот коллектив, а самое главное — я работаю по любимой профессии».

Е. Н. из Могилева на тот же вопрос отвечает: «Нет! Работаю только потому, чтобы соседи не говорили «туеядка», работу не люблю, хотя она легкая. Денег вечно не хватает, нечем заняться, скука, одни танцы и кино, парни все пьют и сквернословят...»

Анкетирующие свидетельствуют, что все выпускники школы, кто учится и работает, кто переехал в другое место и живет отдельно от родителей, получают регулярные денежные пособия. К сорокарублевой стипендии еще по 40—50 рублей — это наиболее часто. Но есть и по 20 рублей к тридцатирублевой стипендии, а с другой стороны — по 50—60 рублей дополнительно к зарплате в 80—100 рублей. Студенты нередко снимают комнаты или «углы», что грузом ложится на их бюджет. Многие студенты определенно нуждаются в заработках. Было бы, очевидно, правильно, если бы местные органы Госкомитета по труду и социальным вопросам наладили регулярное обеспечение их посильной, интересной и денежной работой. Представляется, что в этом отношении перспективны внедренческие «фирмы» типа знаменитого одно время новосибирского «Факела».

Разумеется, и в помощи отдельно живущим студентам есть свои «полуоса». Вот один из них.

Э. З., 1966 г. рождения (18 лет в момент заполнения анкеты), обучающаяся в Омске, в дополнение к 50-рублевой стипендии получает из Сургута от родителей ежемесячно по 250—300 рублей. Это позволяет ей снимать квартиру площадью 25 квадратных метров. Все бы хорошо, пишет она, вот только «учусь не в том вузе, где хотела».

Такие сетования часты, типичны. Из анкет, к сожалению, невозможно понять, что мешает достаточно обеспеченным людям учиться там и тому, где и чему хочется. Скорее всего, главная причина — пассивность. По некоторым анкетам можно предположить: их авторы не очень-то знают, что им нравится, что им нужно; им лучше известно, что им не нужно и что не нравится. Это опять же говорит о плохой профессиональной ориентации.

Как сами недавние выпускники общеобразовательных школ оценивают свое нынешнее положение? Довольны ли они им?

В анкетах было предусмотрено три варианта ответа: «да», «не очень», «нет». Заполнившие анкеты распределились так: довольны своим положением («да») — 46 процентов, и да, и нет («не очень») — 33, недовольны («нет») — 21 процент. Как видим, удовлетворенность довольно высокая. Особенно ясно это становится, если учесть мотивы довольства или недовольства.

Оксана К. из Хабаровска пишет: «Довольна ли я своим нынешним положением? Этот вопрос для меня очень сложный. Когда я мечтала выучиться будущей профессии (крановщицы. — В. П.), я все силы тратила на достижение своей цели. Трудно было. Несогласие матери, непривычная обстановка на работе, взаимоотношения между рабочими — все было новым, неизвестным. Приходилось искать себя и свое место в коллективе. Мне повезло. Коллектив у нас небольшой, дружный, и меня приняли, как младшую сестру. Профессией овладела быстро, стала с большим интересом работать. И в то же время стала ощущать какую-то потерю. Я добилась своей цели. А что дальше? Для полноценной жизни мне нужна какая-то большая реальная цель. А я ее пока не могу определить. ...Мне кажется, что полностью быть довольной своим положением я никогда не смогу».

Любопытно, что среди мужчин недовольных почти нет, а вот среди женщин довольно-таки много. Каковы же причины и мотивы оценок?

«Не достигла цели, о которой мечтала» (хотела поступить в медицинский институт, побоялась конкурса, учится в медучилище).

«Учусь не в том вузе, где хотела».

«Очень хочу учиться!» (работает на кафедре мед-института, почему не поступила в вуз — неясно).

«Плохие квартирные условия, жилищная проблема отнимает много времени».

«Трудно с пропиской, с жильем» (приехала в большой город из деревни поступать в вуз, не прошла по конкурсу).

«Нет определенности».

Это формулировки тех, кто недоволен. А вот высказывания тех, кто не очень доволен:

— было бы общежитие, а то на квартире очень неудобно;

— мне не нравится моя будущая специальность;
— хочется жить где-то в другом городе;
— жалею о выборе профессии;
— работа не нравится, условия быта и отдыха плохие;
— нет мест в общежитии, одной скучно;
— хочу работать по своей будущей специальности (студентка-заочница) и т. д.

А вот причины и мотивы высокой удовлетворенности:

— достигла цели, нравится работа;
— рядом верные друзья и любимая работа;
— есть хорошие друзья, легко учиться;
— получаю специальность, которая мне очень нравится;

— у меня любимая профессия, муж умница, я счастлива (19 лет, студентка, переехала из поселка городского типа в большой город).

Любопытно, что между оценкой своего положения и объективными материальными условиями жизни часто трудно усмотреть связь. Так, очень (с восклицательным знаком) довольна девушка, которой не удалось поступить в медицинский институт, учится в медучилище, получает стипендию в размере тридцати рублей и помощь от родителей примерно сорок рублей в месяц, снимает жилье. А раньше у нас шла речь о крайнем недовольстве жизнью столь же юной девушки, которая живет с родителями, тратит на себя ежемесячно примерно 180 рублей, постоянно страдает от безденежья, скуки и т. д.

Читатель, конечно, заметит, что во всех оценках своего положения — и отрицательных, и положительных — постоянно повторяется: профессия, работа, специальность. Никуда не денешься — наша жизнь неизбежно вращается вокруг работы, дело и профессия — главный ее стержень. А первые годы после школы — время профессионального самоопределения. И успехи в этой области — залог успехов во всех других сферах и сторонах жизни.

Конечно, по мере взросления выпускников школы, по мере их утверждения во взрослом мире на авансцену будут выступать и другие жизненные проблемы. В наших анкетах, в частности, почти не нашла отражения любовно-брачно-семейная жизнь, важность которой для молодежи вполне очевидна. В семнадцать-восемнадцать лет эта сторона жизни привлекательна и заманчива, а время тревог и разочарований для большинства еще впереди.

В какой мере планы выпускников средней общеобразовательной школы и их выполнение зависят от родительской семьи?

Молодежь в целом, как показывают анкета и другие исследования, ориентирована на получение высшего образования, однако этот настрой сильно зависит от образования родителей.

Оказывается, что в семьях, где оба или один из родителей имеет высшее образование, хотели поступить в вуз 79 процентов выпускников. В семьях родителей со средним специальным образованием — 51 процент, со средним общим и неполным средним — 41, с начальным — 26 процентов.

В семьях родителей с высшим образованием никто не хотел сразу после школы работать; 16 процентов их детей хотели получить среднее специальное образование и только 5 процентов — поступить в ТУ и ПТУ.

В семьях родителей со средним специальным образованием поступить в средние специальные учебные заведения хотели 38 процентов выпускников, 12 процентов хотели учиться в ТУ и ПТУ, а работать тоже никто не хотел.

Мы видим, следовательно, что подавляющее большинство выпускников средней школы из семей интеллигенции хотели бы получить образование не ниже родительского и, значит, остаться в том же социальном слое.

В семьях же родителей со средним общим и более низким образованием треть выпускников хотела сразу после школы начать работу, а четвертая часть — поступить в средние специальные учебные заведения или училища профтехобразования.

В целом, как видим, сильно выражено тяготение выпускников к социальному слою своих родителей.

Но с социальным положением семьи связаны не только намерения выпускников школы, но и возможности их реализации.

Так, среди тех, кто хотел сразу после школы поступить в вуз, детям родителей с высшим образованием это удалось в двух случаях из трех, у родителей со средним специальным образованием — в половине случаев, у родителей со средним общим и менее высоким образованием — четверть из десяти.

Все это, вместе взятое, то есть различия выходцев из разных семей в ориентациях, а также разная

вероятность достижения своих желаний, приводит к тому, что социальные слои нашего общества в значительной мере самовоспроизводятся, то есть в новых поколениях этих слоев в той или иной степени преобладают люди, родившиеся и воспитанные внутри этих слоев.

Однако в семьях интеллигентов очень мало детей. Судя по нашим анкетам, преобладают семьи однодетные и очень мало семей с тремя и более детьми. С другой стороны, численность специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве страны, увеличилась с 6,9 миллиона человек в 1970 году до 13,5 миллиона в 1983-м, то есть за 13 лет выросла вдвое. Поэтому в интеллигенцию в громадном числе вливаются выходцы из рабочего класса и крестьянства, то есть в ее составе очень много интеллигентов первого поколения. Это говорит о самой тесной, в прямом смысле слова, кровной связи нашей интеллигенции с рабочими и крестьянами.

Что касается материального положения семьи и его влияния на намерения выпускников школы и их реализацию, то заметных связей между ними не обнаруживается. Это, несомненно, связано с тем, что доходы интеллигенции у нас не выше, чем доходы рабочих, и существенно ниже, чем квалифицированных рабочих. Кроме того, в анкете не было сведений о полном составе семей выпускников, так что данные о материальном благосостоянии недостаточно полны.

Суммируем в заключение некоторые важнейшие выводы и следствия, полученные на основе анализа писем, пришедших на анкету, опубликованную в материале «После бала».

Подавляющее большинство выпускников средней общеобразовательной школы ориентировано на продолжение образования в высших и средних специальных учебных заведениях, особенно в вузах.

Это означает, что они ориентированы на умственный труд и социальное положение интеллигента. Сразу скажем, что такие ориентации неизбежно корректируются жизнью, поскольку обществу требуется много меньше новых интеллигентов и гораздо больше, чем это следует из намерений выпускников, работников физического труда.

Жизненные планы значительной доли выпускников недостаточно сформированы, неопределенны, неустойчивы. Это говорит о том, что школа оказывает недостаточное влияние на выбор выпускниками жизненного пути, значительно уступая в этом семье. Одна из главных причин этого — неудовлетворительная постановка в средней школе профессиональной ориентации. Слишком большая доля студентов выбирает будущую профессию недостаточно осознанно, случайно, не любит ее и жалеет о своем выборе.

Проводящаяся сейчас в стране реформа средней общеобразовательной и профессиональной школы должна привести к значительным изменениям в подготовке учащихся к будущей взрослой жизни. В частности, все выпускники будут иметь при выходе из школы профессии, что значительно облегчит им начало трудовой жизни. Значительно возрастет доля получающих фундаментальную профессиональную подготовку в учебных заведениях профтехобразования.

Должны в конце концов оказать свое благотворное воздействие и меры по улучшению профессиональной ориентации школьников. Есть положительный опыт уже созданных центров профориентации в Ленинграде, Новосибирске, Омске, этот опыт нужно всемерно распространять. Существенный вклад могут внести студенты педагогических вузов, уже сегодня получающие знания по профориентации и, следовательно, способные вести эффективную профориентационную работу в школе. Но нужна и государственная система профессиональной ориентации, укомплектованная специалистами этого дела, то есть работающая профессионально. Это тем более необходимо, что будет резко повышена доля тех, кому придется принимать решение о будущей профессии в 15 лет (при переходе из общеобразовательной школы в средние ПТУ), когда знакомство самих школьников с миром труда и жизненный опыт еще крайне недостаточны.

В заключение отметим, что, несмотря на существенные проблемы начала «взрослой» жизни, большинство выпускников школы к исходу первого года после выпуска настроено очень оптимистично. Это, несомненно, определяется общими социальными свойствами нашей социалистической системы, в частности, отсутствием безработицы, открытостью для молодежи всех жизненных путей, равноправием всех направлений среднего образования и т. д.

Для молодых у нас открыты все дороги жизни. И пройти по любой из них необходимо собственными ногами.

МОЙ АЭРОДРОМ

Мне и моим товарищам здорово повезло, оттого что в нашем детстве был собственный аэродром.

Он находился в Подмоскowie и был отгорожен от стороннего взгляда высоким, выкрашенным в зеленый цвет дощатым забором и несколькими тесными шеренгами молодых елок за ним. Самолеты заходили на посадку перпендикулярно к шоссе и, теряя высоту, в последний момент перед полосой просто ныряли за эту двойную зеленую стену, и нам никогда не удавалось увидеть их бегущими по земле. Они исчезали будто в никуда, только надрывный взрев моторов, доносившийся оттуда, говорил, что летчики гасят скорость.

С этой стороны к автомагистрали подходило колхозное поле. Дальним концом оно упиралось в опушку леса, еще двумя сторонами — в торцы улиц нашего поселка. Так что, возвращаясь на аэродром всегда одним и тем же маршрутом, самолеты обязательно проходили над самыми крышами наших домов, денно и ночью напоминая о беспокойном соседе.

Как ни странно, но этот не смолкающий в небе рев вовсе не раздражал. И дело, думаю, не в том, что ухо, адаптировавшись к его постоянному присутствию, перестало его замечать. Скорее все-таки это происходило потому, что шла война и наш аэродром с бесконечными посадками и взлетами самолетов был для нас, если можно так выразиться, одним из материализованных образов войны. Его голос был отголоском той жестокой битвы, что откатывалась все дальше и дальше на запад. И каждодневные встречи с крытыми машинами, которые возвращались «оттуда», чтобы, чуть передохнув, снова улететь «туда», давали нам некоторое право считать и себя сопричастными к их боевым делам. Наверное, именно поэтому нам не мешало, что они постоянно утожили небо над самыми головами, их рев был родным для нас звуком.

Наша школа стояла в конце поселка. Из окон классов, смотревших в сторону поля, было хорошо видно, как самолеты, сделав левый разворот, с уже выпущенными шасси прицеливались к посадочной полосе. Они пролетали так близко от нас, что было невозможно не проводить их взглядом. Иногда они проходили точно над нашими головами, и тогда согласно каким-то законам резонанса стекла окон и даже предметы в классе начинали мелко-мелко вибрировать. Мы отлично разбирались в марках машин и умели только по гулу, когда самолет находился еще за пределами нашего обзора, определять, кто летит: мордастенький ли «лавочкин», юркий «Як», элегантный «Пе-2», пузатый «дуглас» или с высоко задранной килем «бостон». Существовала даже игра: заслышав гул мотора, кто-нибудь заранее называл марку, а через несколько мгновений мы сверяли, верно ли угадано. Не помню, чтобы кто-нибудь хотя бы раз ошибся. Иногда в привычной полифонии раздавались малознакомые тона. Это случалось, если к нам наведывались редкие залетные птицы вроде «Пе-8» или «ТБ-3». Четверки их моторов издавали такой густой сглаженный рев, что от него сам воздух начинал как бы басовито гудеть. В такие моменты мы всем классом кидались к окнам, и наши бедные учительницы даже не пытались призывать нас к порядку.

Удивительно, но в ту суровую пору, когда все имевшее хотя бы какое-то отношение к войне держалось в строгой тайне, о нашем аэродроме, объекте особой секретности, мы знали очень много.

Мы умели отличать самолеты слушателей академии, совершавших учебные полеты, от машин, возвращавшихся с боевых заданий. Первые старательно

выполняли положенные фигуры высшего пилотажа, гонялись за «колбасой» — мишенью, буксируемой бомбардировщиком, имитировали воздушный бой, пикирование, «бреющий полет» и потом подчеркнуто правильно, с неким щегольством садились. Вторые, утомленные опасным рейдом и долгой обратной дорогой, совсем не заботились о том, как внешне будет выглядеть их возвращение домой. Без лишних кругов, прямо с курса они заходили на посадку, будто торопились побыстрее припасть к такой надежной земле.

Мы дружили с аэродромом. Живи в те времена нынешние социологи, они отнесли бы наш поселок к категории так называемых «поселков невест». Завод и фабрика были единственными его экономическими опорами. Производству лекарств, а тем более ткачеству всегда требовалось много женских рук, а тогда, во время войны, они вообще являлись главной рабочей силой. Короче, летчики были желанными гостями наших многочисленных невест, хотя, я думаю, далеко не всякий из них рассматривался в качестве потенциального мужа. Просто поселку нужны были мужчины. Само их присутствие. Особенно мужчины, которые прилетали «оттуда», куда ушли, и, как мы уже знали, многие навсегда, наши отцы и братья, мужья и женихи наших матерей и сестер.

А как любили летчиков мы, мальчишки, даже те немногие, чьи отцы по брони оставались работать в тылу или уже вернулись с фронта домой после ранений.

Среди преподавателей нашей школы было всего два мужчины, оба непризывного возраста: географ Борис Степанович и математик Алексей Васильевич. Свои предметы они вели только в старших классах, а у нас в шестом даже военную подготовку отдали учительнице алгебры и геометрии Лидии Васильевне, худенькой, нервной женщине, которая как-то очень быстро переходила от веселья к слезам. Ее муж, артиллерист, сам бывший учитель математики, был на фронте и уже с полгода как не подавал о себе никаких вестей. Иногда, наверное, в сотый раз объясняя нам устройство мосинской трехлинейки, Лидия Васильевна задумывалась, и на ее глазах навертывались слезы. Смотреть на плачущую учительницу было невыносимо тяжело, а вертеть в руках старую винтовку с просверленным патронником — бесконечно глупо, и как единственный спасительный выход мы предлагали:

— Лидь Васильевна, может, сделаем марш-бросок до леса... там пеньков порвем...
— Ни в коем случае, — сразу забывала она свои горестные раздумья. — Об этом и речи быть не может. У вас только шалости на уме...

Лидия Васильевна ошибалась: «шалости» у нас были не только на уме. Мы таскали их о собой: патроны, толовые шашки, запалы к ним, куски бикфордова шнура. Каким-то невероятным образом (сейчас уже не помню, каким) один из нас оказался, на зависть всем, обладателем настоящего парабеллума. Когда удавалось раздобыть патроны к нему (а достать патроны к немецкому пистолету, сами понимаете, было гораздо труднее, чем к нашим «ТТ» или «нагану»), мы забирались в уже никому не нужное бомбоубежище и при свете коптылки стреляли в фанерные силуэты фашистов. Но все-таки больше всего мы любили взрывать пеньки на опушке леса. Где брали взрывчатку? Для ясности расскажу о нашей школе.

Строго говоря, школа, о которой я рассказывал до этого, была не совсем нашей. В настоящей нашей школе — ее четырехэтажный белокирпичный корпус был самым большим зданием поселка, — в настоящей нашей школе в 1942 году был размещен военный госпиталь, а саму ее перевели в двухэтажное помещение бывшей начальной. Конечно, при нормальном контингенте нам бы сюда ни за что не втиснуться. Но в то время одни ученики еще не вернулись из эвакуации, другие

сразу после семилетки уходили работать на завод или фабрику, так что оставшимся — при трехлетней учебе, разумеется — места кое-как хватало. Более того, в этой неимоверной тесноте мы умудрялись не отставать от новых педагогических веяний, которые в тот период явились в образе раздельного обучения. Даже в городах, где было много школ, деление их на мужские и женские доставило, говорят, немало хлопот. У нас же, при единственной средней школе, к тому же занятой под госпиталь, при малочисленных старших классах, где осталось всего по десять — пятнадцать учеников, решать такую задачу было все равно, что отгадывать ребус, в котором допущено сразу несколько опечаток... Но, как всегда в подобных случаях, выход оказался гениально простым: там, где количественно учащихся оказывалось достаточным для раздельного обучения, организовывались мужские и женские классы, если же учеников не хватало — все оставалось по-прежнему. Нам, шестиклассникам, выпало заниматься отдельно от своих сверстников, и мы постоянно стремились доказать всеми доступными способами обоснованность такого официального причисления нас к сильной половине рода человеческого. Само собой, на переменах мы старательно игнорировали ровесниц из параллельного класса и никогда не опускались до их детских затей вроде «ручейка» и всяких там «баба сеяла горох». Накопившуюся за урок энергию мы выплескивали в бешеных футбольных потасовках, гоня из конца в конец коридора тряпичные мячи и пустые консервные банки, в играх в чехарду, жучка, кучу-малу, зоску. И в этих чисто мужских потехах девочкам не находилось места. Но были у нас занятия и менее безобидные.

Летом сорок четвертого в прежней нашей школе разместился штаб какой-то воинской части, прибывшей с фронта. К этому времени госпиталь начал постепенно сворачиваться, так что под одной крышей хватило места для обоих. Вновь прибывшие поставили у входа в школьный двор будку с часовым и ни в какие контакты с нами не вступали. Но мы все равно быстро разведали: саперы. Утром повозводно или поотделенно они уходили на опушку леса, а когда к обеду возвращались в поселок, мы обследовали места их занятий и находили свежерытые траншеи, ходы сообщений, блиндажи, множество небольших аккуратных лунок, прикрытых квадратами дерна. В некоторых лунках оставались металлические коробки учебных противопехотных и противотанковых мин, и наших, и немецких.

Саперы исчезли из поселка так же неожиданно, как и появились. Просто в один прекрасный осенний день мы не увидели в будке привычного часового.

Теперь, с дистанции в сорок лет, я отлично вижу, как было тяжело управляться с нами нашему феминизированному преподавательскому составу, хотя, впрочем, хорошо помню, что и нам, ученикам, было не легче от полного непонимания нашей собственной бесшабашной, хлещущей через край энергии.

Общий язык мы находили только с летчиками. Они приезжали с аэродрома обычно ближе к вечеру, молодые, крепкие, отважные. С их приходом дома сразу наполнялись шумным весельем скромных пирушек с парящей картошкой, мисками квашеной капусты, с толстыми ломтями непеченного хлеба и розоватыми листиками прозрачно нарезанного американского бекона из золотистых жестяных банок. Они танцевали под легкомысленные веселые мотивчики затертых, еще довоенных грампластинок, под трофейные аккордеоны. К нам, мальчишкам, летчики относились с пониманием и с той любовью, какую в обычное время отдавали своим детям и младшим братьям. И чувства эти были взаимны. У нас не было друг от друга никаких тайн. Наверное, еще и поэтому каждый из мальчишек стремился иметь «своего собственного» летчика.

Был такой и у меня — молоденький лейтенант, штурман дальнего бомбардировщика Саша. Честно говоря, приходил он к нашей восемнадцатилетней соседке, но и я, и ее младший брат Колька, мой друг и сверстник, были уверены, что визиты Саши предназначены только нам. Иначе зачем бы он так интересно рассказывал о налетах на военные цели в глубоком тылу врага, о стычках с «мессерами», о преодолении зон зенитного огня и еще об очень многом, о чем не говорили дребезжащие черные тарелки местной радиотрансляции.

И настоящие трофеи первым нам показал Саша. Правда, еще до знакомства с ним мы видели в Москве, на набережной Парка культуры и отдыха имени Горького, выставку вражеского трофейного оружия. Танки, самоходки, пушки, шестиствольные минометы, самолеты, кучи автоматов, винтовок, пулеметов, сработанных в Германии, Италии, Бельгии, Франции, Чехословакии, Норвегии, собранные по всей Европе и брошенные убивать нас, теперь понуро стояли и лежали там: с проломанным боком, с погнутыми лопастями, побитым щитом, развороченным дулом — враги, укрошенные нашими солдатами. Но те выставочные трофеи были как бы отчужденными свидетельствами наших побед, ибо не было рядом солдат, что прошивали бронированные корпуса фашистских танков и самоходок, что сбивали эти самолеты со свастикой на хвостах, заставляли замолкать эти пушки, минометы, пулеметы.

Сашины трофеи смотрелись иначе. То были зажигалки, губные гармошки, авторучки. Как-то он принес бинокль с делениями внутри, и куда бы ты бинокль ни наводил, все было видно только через их аккуратную сеточку.

— Это для измерения углов, — объяснил Саша.

Потом был офицерский планшет с карманчиками для компаса и карандашей и пачкой цветных открыток. На открытках в основном были изображены либо красивые девушки с корзинами цветов, либо уютные деревушки с красными черепичными крышами у подножия лесистых гор. На обороте — мелкая готическая скоропись и почтовые марки с суровыми лицами Гинденбурга и Бисмарка. Одно письмо начиналось так: «Майн либер Ганс!» — «Мой любимый Ганс!»

Поначалу я и Колька никак не могли взять в толк, каким образом Саша добыл свои трофеи. Знали, что летает он и на Берлин, и на Кенигсберг, и на Штеттин. Но ведь летает — не по земле ходит. Оказалось, все просто. Это раньше бомбардировщики нашего аэродрома ходили на задание прямо отсюда: под Смоленск, Вязьму, Гомель, Сталинград, на Курскую дугу. Но теперь фронт так далеко откатился на запад, что работать по целям приходится с аэродромов «подскока», используя для этого бывшие немецкие. И свои трофеи Саша обнаружил в брошенных казармах и блиндажах фашистских летчиков. Наверное, поэтому немудрящие открытки, зажигалки, губные гармошки говорили нам о наших победах больше, чем исковерканная трофейная пушка или сожженный танк. Ведь разбитая техника не годилась для дела, ее не было жалко оставить на поле боя. А вот личные вещи бросают только при паническом бегстве. И наш старший друг видел это своими глазами.

Однажды, вернувшись с задания, Саша привез кортик в серебряных ножнах с витой рукояткой из желтоватой слоновой кости. Стилизованное перекрестие кортика было выполнено в виде раскинувшего крылья орла с фашистской свастикой в лапах, а сам клинок сверкал зеркальной полировкой.

— Генеральская штука, — с гордостью сказал Саша. — Дня парадов готовилась. Нам с Колькой этот трофей очень понравился. Примеряя его к стеганым штанам, мы чувствовали себя парнями хоть куда. Нам было весело сознавать, что кто-то «там» готовился с этой изящно-хищной штучкой пройтись парадом по нашей Москве, а она вот оказалась теперь у нас, и мы можем делать с нею что захотим, даже щепить из поленьев лучину на растопку.

В тот вечер Саша был особенно щедрым. Перед уходом он протянул нам кортик, сказав:

— Оставляю на временное хранение. Только уговор: на улицу не выносить и не баловаться, оружие все-таки.

Обычно Саша улетал недели на две, но прошел месяц, потом второй, а молоденький лейтенант все не возвращался. Сначала мы объясняли это тем, что Красная Армия так быстро продвигалась в глубь Германии, что теперь нашим летчикам летать на отдых стало слишком далеко, вот они и перебазировались поближе к фронту, но обязательно рано или поздно вернутся сюда. Ждали писем. Их тоже не было. И вообще больше о Саше мы не имели никаких вестей. Никогда. Его трофейный кортик я видел в последний раз через несколько лет, когда, окончив школу, уезжал учиться в Москву. Колькина мать вытащила его со дна своего огромного сундука, где под пронафталиненными валенками, клубками шерсти и всяким другим нехитрым скарбом он терпеливо дождался своего хозяина. Его серебристые ножны потускнели, витая ручка слоновой кости пошла мелкими трещинками, и даже зеркальный прежде клинок словно подернуло дымкой. Я повертел в руках некогда такую желанную вещь, но почему-то не испытал того чувства радости, какое она вызывала раньше. Я вогнал клинок в ножны и услышал привычный мягкий щелчок.

— Храните его, вдруг Саша объявится, — сказал я Колькиной матери.

Она промолчала, но по ее вздоху я понял, что она в это не верит, но все равно будет хранить — как память о своем несостоявшемся зяте. И я вот тоже храню все эти годы подаренные Сашей цветные открытки с видами горных деревушек и готической скорописью на обороте: «Майн либер Ганс!» Удивительно, сорок лет прошло, но я, зная немецкий язык, кроме этой единственной фразы, не прочел в тех открытках ни одной строки. Не потому, что нелюбопытно, просто не хотелось лишний раз убеждаться, что подарок моего старшего друга раньше принадлежал кому-то еще. В моей же памяти они должны быть связаны только с ним.

Странно, но мысль о том, что Саша мог погибнуть, никогда не приходила в голову ни мне, ни Кольке. А уж кто лучше нас, мальчишек, знал, что такое могло случиться. Мы не раз видели возвращение израненных самолетов. Даже с земли на их крыльях, хвостах, фюзеляжах были видны заплатки, а то и раневые пробоины. Зеленый деревянный забор с часовыми на вышках, что отгораживал аэродром от шоссе, был непреодолимо преградой для кого угодно, только не для нас. Мы знали в нем заветные лазейки, прошмыгнув через которые уже легко было пробраться к огромной свалке чуть правее взлетного поля. Тут покоились останки машин, которые, как поется в песне, на честном слове и на одном крыле сумели все-таки дотянуть до родного порога, где силы навсегда покинули их. Все, что еще можно было использовать, с них сняли, а пустые гулки тела, покореженные крылья и стабилизаторы сволокли сюда. Среди этих бесформенных груд металла мы разыскивали нужные нам куски плексигласа, шарикоподшипники для самолетов, стреляные гильзы. По пробоинам мы научились определять, как самолету были нанесены смертельные раны. Пулеметные и винтовочные пули оставляли в дюрале небольшие круглые отверстия с мятыми краями на входе и вывернутыми на вылете. По этим признакам было легко определить, стреляли с земли или сзади, с наседавшего истребителя. Пробоины от авиационной пушки были значительно большего размера и рваными по краям. Осколки зенитных снарядов раздирали металл в клочья. И все-таки мы не верили, что эти пули и эти снаряды могли настичуть и нашего друга.

Поездки в Москву были для нас проблемой. Казалось бы, и расстояние небольшое, но автобусы в ту пору не ходили, а если везло и подбирал попутный грузовик, то удовольствия от этого было немного. Гражданские автомобили тогда редко ездили на бензине — все больше на дровах. Высокие газогенераторные баки крепились рядом с кузовом на подножках кабин. Их загрузили дровами, поджигали, и образовывавшийся при этом газ подавали в двигатель. Видимо, энергии в газе было мало, потому что нахохлившись машины ездили неохотно и медленно, они постоянно чихали, задыхались в угаре, останавливались, требовали все новые и новые порции дров. Этими мелко напыленными чурбачками всегда было завалено дно кузовов, так что негде было сесть и всю дорогу до Москвы нужно было трястись на корточках.

А в Москву нам было необходимо, потому что там почти каждый вечер бывали салюты. Смотреть их мы обычно ездили на электричке. До ближайшей станции идти приходилось километров шесть, так как из-за аэродрома нужно было делать большой крюк по лесу. В одном месте тропа шла через кладбище летчиков — всего двадцать — тридцать могил под вековыми елями. На некоторых могилах стояли красные пирамидки с клееными деревянными пропеллерами от настоящих аэропланов. Иногда даже в полном безветрии пропеллеры начинали почему-то тихо вращаться. И от их необъяснимой тревоги в этом угрюмом лесу становилось еще более жутко.

Тот факт, что могил в лесу было совсем немного, лишний раз укреплял нашу уверенность, что с Сашей ничего не произошло. Нам как-то не приходило в голову, что летчики погибают совсем не так, как, допустим, пехотинцы, что порой от них не остается ничего, что можно было бы предать земле, что смерть они встречают вдали от родных аэродромов, что, наконец, останки их вместе с обломками машин будут находить в земле Украины, Белоруссии, Прибалтики и через десять, двадцать и даже через сорок лет после войны.

Честно говоря, обо всем этом мы догадывались, но просто заставляли себя верить в лучшую судьбу наших старших друзей, их непобедимость и стояли на том непоколебимо.

Мы любили приглашать летчиков к себе в школу. Актового зала у нас не было, поэтому встречи чаще всего проходили покласно, и это как-то сразу настраивало на доверительный разговор, который никогда не получался при бестолковом всешкольном скоплении нашей галдящей и плохо управляемой публики. Летчики всегда приезжали группой, так что у каждого класса был свой гость.

Вот так однажды к нам в шестой пришел капитан лет двадцати пяти. Высокий, поджарый, одетый в скрипящими ремнями новой портупеи, он, от начищенных до блеска хромо-вых сапог до хорошо пригнанной отутюженной гимнастерки, поразил нас своей неуловимо фронтальной выправкой. На груди у него не было ни орденов, ни орденских планок, только золотая звездочка на алой колодке. Так близко Героя Советского Союза мы видели впервые. Мы знали, сколько требовалось сбить вражеских самолетов, чтобы быть удостоенным этого высокого звания, и приготовились слушать захватывающие истории о воздушных боях, в которых наш капитан, несомненно, одерживал блестящие победы. Однако он с этим не торопился. Обрисовав общее положение на фронте и выразив уверенность, что весной войне придет конец, он стал рассказывать о своих замечательных фронтовых товарищах. Наконец, набравшись храбрости, мы спросили:

— За что вам присвоили звание Героя Советского Союза?

— Я совершил около трехсот боевых вылетов...

— А сколько сбили самолетов?

— Всего один. Да и то не я, а мой стрелок-радист. Я ведь летаю на штурмовике

Рисунки
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

«Ил-2» наше дело — наземные цели, а не воздушные. В небе чаще все-таки сбиваем не мы, а нас.

Такой ответ озадачил. Стараясь спасти лицо нашего замечательного гостя, мы подбросили ему спасительный вопросик:

— Расскажите о самом памятном для вас боевом случае...

— Это было на Курской дуге. В тот день мы уже совершили по три вылета. Вдруг снова приказ: нужно уничтожить подтягивающуюся к фронту механизированную колонну гитлеровцев. Взлетаем эскадрильей, идем под прикрытием своих истребителей и в заданном квадрате очень быстро находим нужную цель: танки, бронетранспортеры, автомашины с пехотой, тягачи с пушками пылят по дороге в открытую, видно, очень торопятся. Командир эскадрильи подает сигнал «делай, как я» и переходит на «брежухи». На такой высоте бомбы бросать нельзя: заденет своими же осколками. Значит будет работать пушечно-пулеметным огнем. Я иду замыкающим. Вот

в прицеле голова застопорившейся колонны. Несколько автомашин уже объято пламенем, солдаты прыгают через кювет, бегут в поле. Нажимаю на гашетку, но не слышу привычного треска очереди. Что такое? И тут сзади доносятся взрывы бомб. Неужели, думаю, механики, ремонтируя машину после предыдущего вылета, в спешке все перепутали и к пушечно-пулеметной гашетке подвели провода от бомбодержателей? Врубая сброс — действительно, раздастся очередь. Но я уже проскочил колонну.

Следом за товарищами набираю высоту. Они заходят на бомбометание. А я-то уже разгрузился. Поэтому чуть отстаю и, когда они вновь уходят от колонны, бросаю свой штурмовик вниз, прохожусь длинными очередями по горящим машинам, танкам, мечущейся в панике пехоте.

Набираю высоту, но никого из наших не вижу. Ложусь и сам на обратный курс. И вдруг сбоку огненная трасса. Стрелок-радист кричит: «Мессеры». Смотрю, на хвосте прицепились двое. Один заходит чуть снизу, чтобы бить наверняка, солизи, из мертвого пространства, где его не может зацепить наш огонь. Второй держится пока на отдалении и немного выше нас. Быстро ужою к земле, чтобы оба истребителя попадали под очереди стрелка-радиста. Они кидаются следом. Бьют экономно, короткими очередями. Мы огрызаемся, маневрируем, но преимущество в скорости на их стороне, и я чувствую, что они попадают. Они уже разгорячены охотой и в азарте теряют осторожность. Дав очередь, один из «мессеров» бросается обгонять нас, он идет чуть выше слева, и мой стрелок не упустил момента — вполсилы снизу спереди длинную очередь. Истребитель будто тормознул, клюнул вниз, а земля-то рядом — и он врезался в нее. Но остался еще один, и он понял, что у нас

кончился боезапас. Обнаглев, он подходил совсем близко и бил почти в упор. Я бросал штурмовик вправо, влево, стараясь вывести машину из-под очереди, но они хоть краешком, а все-таки доставали нас. Где-то у линии фронта немец, расстреляв все патроны, повернул наконец назад, а мы пошли на свой аэродром. Как дотянули — не знаю. Уже на земле я осматрел машину — она вся была изрешечена пробоинами. Да и меня со стрелком зацепило... С тех пор, — закончил капитан, — в бою я никогда не отрываюсь от своих товарищей...

Нам показалось, что мы чего-то недопоняли. Наш гость, несомненный герой, с гордостью вспоминал эпизод, когда ему пришлось удирать от врагов. Правда, попутно он (вернее, его стрелок-радист) сбил вражеский самолет, но ведь не на эту победу он обращал наше внимание, а на то, с каким трудом уходил от «мессеров». Неужели из своих почти трехсот вылетов он не смог вспомнить ничего более выигрального? Видимо, капитан уловил наше смятение и, как бы извиняясь за то, что так разочаровал нас, сказал:

— Это, ребята, как второй раз на свет родиться. Такое во всю жизнь не забудешь.

Но мы не могли принять это объяснение. Мы так восторженно верили в непобедимость наших летчиков, что не позволяли сомневаться в этом даже им самим. Что говорить, шалопаи мы были изрядные, если не смогли в тот раз по достоинству оценить урок, преподанный нашим гостем. Именно потому, что был героем в самом высоком понимании этого слова, он, говоря о победах, не боялся признаться и в поражениях, оставался предельно честным перед своим трудным и опасным делом, перед своими несомненными подвидами, к которым не хотел прибавить ничего лишнего. Поступить иначе было для него все равно, что оскорбить в себе самое святое. Мы начали понимать это значительно позже.

Обычно после таких встреч школа устраивала танцы. Столь взрослое мероприятие считалось шестиклассникам не по возрасту. Но разве нам запретить? Чтобы освободить место, в самом большом по площади классе парты стаскивали в дальний угол и громоздили там в три яруса, друг на друга. Мы активно включались в общую работу и под конец, как бы в награду за свой труд, воробьиной стаей набивались в эту колышущуюся, готовую рухнуть в любой момент баррикаду, и никому уже было не под силу выкурить нас оттуда.

Школьные танцы зимой сорок пятого — одно из самых захватывающих зрелищ в моей жизни. Вот учительница немецкого языка Елена Александровна Соколовская, высокая и стройная, как grenадер, в стародавнем чеховском пенсне на черном шнурке, присаживается к разбитому, с западающими клавишами и фальшивыми звуками пианино и начинает отстукивать всегда один и тот же модный еще в годы ее молодости вальс «Лесная сказка». Вся она олицетворение строгости: прямая посадка, темное платье с белым воротничком, энергичные, точные пальцы и особенно контролирующий взгляд классной дамы из дореволюционной гимназии, которую она когда-то окончила. Сил у Елены Александровны хватает минут на десять, и на смену ей приходит патефон. Марк Бернес пел «Темную ночь», Клавдия Шульженко — «Давай закурим», хор Ансамбля песни и пляски Красной Армии под управлением Александра Александрова исполнял самую популярную в ту зиму песню «В лесу прифронтовом».

Если бы вы видели, как вдохновенно танцевали наши старшеклассники! В подшитых валенках, стареньких, латанных-перелатанных платицах, в кофточках с материнского плеча они были неотразимо прекрасны. И наши brave гости с побрякивающими наградами старались быть достойными их улыбок.

Начинаясь традиционной «Лесной сказкой», танцы традиционно заканчивались «Случайным вальсом».

*Ночь коротка,
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука...*

— пел Леонид Утесов, и нам казалось, что это о нас.

*...После тревог
Спит городок.
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок...*

Что сомневаться, это действительно было о нас, нашей школе, нашем поселке, аэродроме, о наших старших товарищах, которым с рассветом улетать на задание...

И весть о нашей Победе первым нам принес аэродром. Хорошо помню начало мая сорок пятого. Наши войска встретились с союзниками на Эльбе. Уже взяты Кенигсберг, Штеттин, Берлин... Враг все еще пытается огрызаться. Где-то далеко в тылу нашей армии сопротивляются Курляндская группировка, блокированный гарнизон Бреслау, миллионная армия Шернера все еще держится в Чехословакии. Но это агония. Конец войны рядом. Четыре долгих года мы терпеливо ждали его, а тут в самые последние дни силы будто иссякли. Всех била лихорадка: когда же придет самая главная новость войны? Целыми днями никто не выключал репродукторы. Ждали. Черные бумажные тарелки замолкали только ночью, когда радиотрансляционная сеть прерывала работу.

В ту ночь на девятое мая я проснулся от непонятного шума, который доносился с улицы. Выскочил наружу. Мимо наших домов, надрываясь клаксонами, носились взад-вперед аэродромовские грузовики и «виллисы». Сидевшие в них военные на ходу палили в небо из ракетниц, что-то кричали; но разобрать можно было только одно: Победа! Это было еще не утро, а лишь предрабачные сумерки. Но улицы уже запрудил народ.

«Всюду раздавались радостные возгласы и песни, чего раньше не было. Люди с веселыми лицами поздравляли друг друга с Победой. В восемь часов тридцать минут утра около клуба начался митинг. После митинга многие пошли в лес на маевку. Некоторые мои товарищи поехали в Москву, где проходил парад. Я же не поехал с ними, а катался на велосипеде весь день. К вечеру, когда зажглись огни, я пошел смотреть кинокартину «В шесть часов вечера после войны». Картина мне понравилась. В десять часов начался салют в Москве. Я его представлял так. Сначала небо осветило несколько десятков прожекторов. Потом грянули залпы орудий, и тысячи разноцветных ракет повисли в небе. Стоял мощный гул советских самолетов, которые, казалось, несли на своих могучих крыльях Победу...» Это цитата из моего собственного сочинения. Помню, как в самом конце учебного года наша классная руководительница, преподававшая русский язык и литературу, Софья Алексеевна Дьяконова, придя на урок, размашисто написала на доске: «Девятое мая — незабываемый день в моей жизни».

— Пишите, — сказала она. — В вашем распоряжении два часа.

В тот день после окончания войны минуло чуть больше недели. Получив задание, я добросовестно пытался вспомнить все незабываемые события того Великого Дня, но за два часа сумел вымучить лишь полторы тетрадных странички, исписанные

умышленно крупным почерком. Приведенная выше цитата вместила их почти полностью.

Наверное, своими сочинениями мы очень огорчили нашу старую учительницу, потому что она не напомнила о них ни в тот радостный май, ни в начале будущего учебного года, ни позже, будто их никогда и не было совсем. Но, оказывается, она бережно хранила и перед смертью передала в школьный музей эти бесхитростные свидетельства очевидцев. Года три назад школа прислала мне ксерокопию моего опуса. Все-таки странная штука — память. Никогда не поймешь, по какому принципу она отбирает факты из пронесшихся перед нею событий. Почему какая-то мелочь, пустяк порой врезается в нее прочно, словно вогнанный умелой рукой гвоздь, явления же во много крат весомее вообще не находят в ней места?

Зачем я написал о велосипеде? Конечно, он был самой ценной вещью нашей семьи. Отец ездил на нем на работу. На нем возили убранный по осени картофель, траву и сено кроликам, кралу поросенку. Велосипед был нашим главным транспортным средством в то голодное и трудное время, поэтому его берегли. И если отец вдруг разрешил мне целый день гонять на велике — это значило, что все самое тяжелое теперь позади. И все-таки о нем можно было бы не писать.

Насчет парада чистая выдумка. Не было в тот день в Москве парада. И самолеты не гудели в небе над столицей. Что им там было делать во время салюта, к тому же разве услышишь их гул? Странно, что о самолетах написали все мои одноклассники. Думаю, это была наша подсознательная дань летчикам. Мы не допускали мысли, что такое великое торжество могло обойтись без их участия.

В тот вечер, как всегда во время салютов, мы забрались на крышу соседнего четырехэтажного дома, откуда лучше всего были видны свет прожекторов и всполохи в небе. Ждали условленный час. И тут кто-то сказал:

— А вот во время войны... — и осекся.

И сам говоривший, и мы, слушатели, были одинаково поражены, что война впервые упомянута в прошедшем времени. Совсем недавно мы говорили «до войны». Теперь же можем сказать: «Это было во время войны», — что, по сути дела, означало наступление новой исторической эпохи — послевоенного времени, и мы, мальчишки, без труда заметили этот переход. Но почему я не вспомнил о нем в сочинении? Ведь девятое мая сорок пятого было потому и незабываемым, что являлось первым днем, когда долгая война начала отходить в прошлое.

Почему я забыл о слезах? Уж очень много их было в тот самый светлый день. От горя плакали те, чьи родные полегли на фронте, от радости — кто теперь был уверен в скором возвращении домой чудом уцелевших близки. Были еще и общие слезы — от счастья, что самое страшное пережито и впереди светлая, мирная жизнь.

В тот день наши летчики были главными героями поселка. Они олицетворяли собой всю нашу славную победоносную Красную Армию. Их обнимали, их целовали на улицах, их качали, тащили в гости на импровизированные скромные пирушки. Все это стоит перед глазами до сих пор, но как об этом рассказать, не знаю.

А потом был еще один праздник. О предстоящем параде Победы на Красной площади мы узнали заранее и решили, что лучше всего посмотреть его будет со здания Исторического музея. Чтобы успеть занять облюбованные места, мы отправились в Москву с первой электричкой, но пробыть к Красной или хотя бы к Манежной площади нам не удалось. Радиорепортаж о параде мы слушали где-то в районе Маяковской. Огромные репродукторы с квадратными растрембами гремели на всю округу, их звук доставал и до дворовой арки, где мы прятались от дождя. С небольшими перерывами он селл занудливо почти весь тот день. К вечеру некоторые из нас, промокшие и продрогшие, отправились домой, остальные пришли на Крымский мост, который был запружен ликующей толпой. На проезжей части уже стояло несколько автомашин с мощными прожекторными установками. Все говорили, что отсюда предстоящий салют будет виден лучше всего, и народ все прибывал и прибывал по Садовому кольцу, от Зубовской площади и со стороны Калужской. Стало жутко тесно. Мы забрались в кузов одной из автомашин, и солдаты-прожектористы объяснили нам устройство установки. Потом к нам протолкался офицер, крикнул: «Приготовиться!» — и заспешил дальше. Нас шугнули вниз. Внутри огромного, застекленного сектора барабана, что делало его похожим на перерезанный лимон, что-то натужно заскрипело, загорелось, и вдруг мощный столб света ударил в низкие облака. Тут же вспыхнули и другие прожекторы — и на мосту, и на Садовом. Их лучи то беспорядочно металлись по небу, то, как по команде, собирались в одной точке, над Кремлем, образовывая как бы огромный световой шатер. А потом раздался орудийный залп, и в небо хлынули тысячи ракет.

В тот вечер тучи над городом мчались в несколько слоев. И лучи прожекторов то упирались в их брюхо совсем рядом, то взмывали в черную высь. И ракеты в тот вечер летели не по привычным траекториям, а почти сразу после выстрелов скрывались в темноте и потом сыпались с неба вниз. От этого казалось, что в небе, как на земле, стоит та же праздничная толча и неразбериха.

А дождь все моросил. Мы подставляли спины раскаленному прожектору, и от наших пиджачков и рубашек начинал валить пар. Мы поворачивались к барабану грудью, и по телу разливалось приятное тепло. В тот день Москва салютовала тридцатью залпами из тысячи орудий. Мы ушли с Крымского моста, лишь когда смолк последний пушечный раскат.

К метро «Парк культуры» было не пробыть. По набережной добрались сначала до станции «Дворец Советов», потом до «Библиотеки имени Ленина», «Охотного ряда», но всюду было так много народу, что на вокзал пришлось идти пешком.

Мы уехали последней электричкой и были дома, когда начало светать. Оказывается, тут тоже весь день шел дождь. Мы шлепали по темному лесу, не разбирая луж, а потревоженные деревья окатывали нас накопленной за день водой. Около кладбища летчиков мы остановились. Как всегда, здесь было тихо. Но деревянные пропеллеры все равно почему-то раскачивались. На всех могилах лежали прибитые дождем букеты полевых цветов — память живых павшим.

По-настоящему окончание войны мы почувствовали осенью, когда школа вернулась в свое прежнее здание. Не помню, был ли расформирован госпиталь или его перевели куда-то еще, но школу он освободил. Летом наши шефы — завод и фабрика — расстарались, наспах провели косметический ремонт, и новый учебный год мы начали здесь.

Дух прежних хозяев еще витал в этих стенах. В столярной мастерской, временно отданной под склад, громоздились выкрашенные в белый медицинский цвет железные койки, деревянные кушетки, непонятного назначения сломанное оборудование, на чердаке валялись груды окровавленных бинтов и куски снятого гипса, в классах, некогда приспособленных под операционные и перевязочные, еще с полгода устойчиво держался аромат лекарств. Но все это было мелочью по сравнению с главным: на оконных стеклах не было бумажных крестов, больше не нужно было заботиться о светомаскировке, прислушиваться к сигналам воздушной тревоги.

Вскоре в школу начали возвращаться после демобилизации учителя-мужчины. Пройдет несколько лет, прежде чем они справят себе новые гражданские костюмы, так что мы долго видели их такими, какими они были на фронте,— в галифе, сапогах, кителях и гимнастерках, в форменных фуражках, с белыми подворотничками, разве что только без погон и оружия. Странно, но ни мы, ни они никогда не заводили разговор о фронте, о войне. Наверное, всем нам хотелось отрешиться от того страшного времени.

Наш историк Матвей Иванович Эдемский вернулся майором танковых войск. Помню, как он строго требовал запоминать даты всяких там исторических сражений: под Ватерлоо, Аустерлицем, Корфу, Гастингсом, Пуатье и бог весть еще где. А вот о том, что сам воевал на Курской дуге, был на Сандомирском плацдарме, брал Берлин, освобождал Прагу, что имеет боевые награды, нам ни слова. Я узнал об этом только через тридцать лет, когда случайно в редакционной почте выудил его очерк о форсировании Днепра в октябре 1943-го под Киевом. Оказывается, он был тогда редактором дивизионной газеты. Звоню в школу, чтоб расспросить Матвея Ивановича о некоторых деталях, необходимых очерку. Слышу:

— Товарищ Эдемский недавно умер...

Почему они раньше молчали о себе, почему не воспитывали на своих примерах? Вообще некоторые вещи начинаешь понимать и ценить только задним числом. Взять тот же аэродром. Не скажу, что поселку он стал совсем чужим, просто вместо прежних общих интересов у каждого появились свои новые, личные. Разумеется, успехи летчиков нам и теперь были безразличны. Мы ими гордились. Но все-таки они стали уже не нашими делами, а делами хороших и добрых соседей.

На всеобщее обозрение их мастерство впервые было представлено 3 августа 1947 года в Тушине, на традиционном празднике авиации. Праздник открыли обычные винтомоторные машины. Спортивные самолеты, строго выдерживая строй, образовывали в небе различные слова. Транспортные сбрасывали парашютистов. Истребители демонстрировали виртуозный воздушный бой, а могучие бомбардировщики — собственную мощь. Завершал воздушный парад пролет реактивных самолетов. Они ничего не демонстрировали — просто пронеслись над головами с бешеной для тех времен скоростью, чем всех поразили и покорили. Сколько лет прошло, а я, будто вчера это было, до сих пор вижу на горизонте темные точки, которые беззвучно растут на глазах и тут же с ревом пронесаются над головой, чтобы в следующем мгновении скрыться за высокой насыпью канала.

Я был тогда на поле Тушинского аэродрома вместе со своими друзьями и должен признаться, что среди потрясенных зрителей мы чувствовали себя именинниками.

Наверное, покажется странным, но при всей нашей любви к аэродрому никто из моих одноклассников и даже из тех, кто окончил школу на год-два раньше нас или шел следом, никто не выбрал профессии летчика. Чем это объяснить? Ведь среди моих одноклассников есть и подводник, и танкист, а сверстники становились и ракетчиками, и связистами, и артиллеристами, но вот военного летчика среди нас нет. А может быть, наоборот, все это очень логично? Из-за аэродрома авиация и так уже стала какой-то частью нашей жизни, и нам этого вполне хватало, чтобы утолить естественную мальчишескую тягу в небо? Не знаю. Единственно, в чем уверен: аэродром моего детства стал родным на всю жизнь. Он посеял что-то такое, что не поддается ни годам, ни новым привязанностям. Я до сих пор неравнодушен к самолетам и по старой привычке, услышав гул, ищу в небе летящую точку и провожаю ее взглядом до самого горизонта.

Так случилось, что много лет я почти не бывал в нашем поселке, приезжал накоротке на традиционные встречи выпускников, да и то через раз. Он очень разросся за это время, изменился. Новые улицы современных домов, выросших на месте бывших пустырей и огородов, придавали ему усредненно городской вид. Но глаз почему-то, напротив, искал приметы старого, будто надеялся освежить воспоминания детства. Наша школа теперь уже не самое высокое здание поселка. На ее фасаде памятная доска в честь той самой мотоштурмовой инженерно-саперной бригады, чей штаб накоротке пребывал здесь летом и осенью сорок четвертого. Юные следопыты школы нашли более 170 ветеранов-саперов и однажды собрали их в школе на открытие мемориальной доски. Из документов, фотографий, альбомов, собранных и оформленных школьниками, я через сорок лет узнал историю той прославленной части. Она воевала у Сталинграда, в донских степях, под Ростовом, в Донбассе, Таврии, штурмовала Перекоп, освобождала Евпаторию, Севастополь. К нам она прибыла для пополнения после Крыма, а вернувшись на фронт, прошла в составе Первого Украинского фронта через Сендзишув, Тарнобжеж, Ченстохов, Штейнау, Любен, Котбус до самой Праги и Колина, окончив войну на день позже Дня Победы, 10 мая 1945 года. На ее знамени три боевых ордена.

Ай да саперы!

За период с сентября 1942 года по 10 мая 1945-го их бригада установила 278 120 мин, а разминировала 203 360, она взорвала 31 мост, а восстановила 113. Ее боевой путь — семь тысяч километров!

Следопыты все разузнали, расспросили, нанесли на карту. Для них все это уже история. И те бывшие ученики и учителя нашей школы, что не вернулись с войны, — участники и творцы этой истории. Я смотрю на их фотографии, переснятые и увеличенные с довоенных снимков. Большинство из них мне незнакомо. Но кое-кого я все-таки узнаю. Вот учитель А. А. Бизяев. Характерный разлет бровей, чуть с прищуром глаза — как похож он на Юрку Бизяева, моего одноклассника! Он ждал отца, несмотря на похоронку, убедив и мать, и младших сестру с братишкой, что на фронте всякое бывает, и похоронка — еще не доказательство. Он продолжал ждать отца и после войны...

Иван Назин... Летчик-бомбардировщик, Герой Советского Союза... Мы жили в одном доме с его родителями и младшей сестрой Шурой. Я помню, как девятого мая сорок пятого года, в тот самый радостный день, плакала его мать, а Шура все пыталась ее успокоить и тоже плакала, вспоминая брата. Теперь наша школа носит имя Ивана Назина.

Разные чувства рождает возвращение в прошлое. Память, словно подчиняясь какой-то цепной реакции, выдает на-гора из своих недр нечто, казалось бы, давно забытое. Вот и тогда в школьном музее я вдруг ощутил, что поселок потерял какую-то характерную деталь. Я никак не мог вспомнить, чего ему не хватает. И вдруг понял: голоса аэродрома, постоянного самолетного гула, висевшего над головой.

Как все-таки бежит время!

Нетронутыми зарослями полевых цветов выхожу к взлетному полю и не верю глазам: из края в край на бывшем аэродроме плотной стеной стоит овес. Здесь давно уже не взлетают и не садятся самолеты.

Чуть приметной тропой иду вдоль опушки леса в сторону автомагистрали. Какие-то бугры под розовым одеялом цветущего иван-чая. Бывшая свалка самолетов? Пойди сейчас разберись — все так изменилось. Вот и шеренги елок у забора так подались вверх, что их просто не узнать.

Олег ХЛЕБНИКОВ

Пока еще по клавишам вприпрыжку бегут отличниц пальчики, пока из окон звуки пробивают облака и летят космос

на откинутую крышку, пока могу под окнами стоять, холодным звукам подставлять ладони — минуты две, а в воскресенье пять... Пока все так — сиять звезде на небосклоне!

Пол-России в аэропорту. Гул такой, как будто вся Россия собралась и мечется в поту, осаждает служащих, разиня. Получает отповедь — скорей к справочной! И в очереди млеет. И когда дается слово ей, все спросить, что хочет, не умеет. И потом опять часами ждет. Сидя спит. (Ах, ей быстрее надо!) И во сне пускается в полет. И летит, летит, летит куда-то...

Одно прошу: ты сохрани весенних улиц сизоватость и праздников весенних радость — слепому дождю сродни, и светлость летних площадей, полей асфальтовых, и этот оранжевый меж черных веток осенний свет своих огней... Другим живущий город мой и знать меня не пожелавший, трудящийся, в кино ходящий, грызущий семечки, родной.

Навек, как на день, попрощавшись с родными самыми людьми, и отвернувшись, и помчавшись туда, где нет к тебе любви, — ну что сказать ты хочешь этим? Что доказать? Кому? Зачем? — Что можешь все и вся на свете пройти насквозь?

А между тем тебе бы длить и длить мгновения, когда ты рядом на земле с людьми любимыми. И зрение тренировать в вечерней мгле...

Идем, блестя штиблетами своими, когда луна, и говорим. Но я скрываю имя ее — она

оправдывает видимое сходство мое с людьми. Приют для выдуманного сиротства — в ее любви... А то, как наши туфли отражают вечерний свет, лишь супертелескопы отмечают иных планет...

«У лисы была избушка ледяная...» Из русской сказки

Ноябрь — как телогрейка бабушки — линялый, сизый, без затей. Декабрь — как вязаные варежки из шерсти белой, колющей.

Январь — в ночных снежинках блещущих ушанка черная. Февраль — другая бабушкина вещь еще: в поземочке пуховой шаль.

Март — размякающие валенки с галошами. О них тогда певала — а я слушал, маленький — Русланова... И шли года.

И мы ходили так одетыми пять месяцев в любом из них, нарядами любуясь этими в своих избушках лубяных.

Песенка

Счастливая булочная в центре Москвы на тихой улочке, где мягкий свет найдете вы, и хлеб, и булочки,

где даже в очереди стоять — лишь наслаждение, а за окном — тишь-благодать и насаждения,

где хлеб всегда, и дешев он, ну а за стеклами — Москва, Москва со всех сторон! Пронзает токами.

Москва идет, бежит сюда с утра до ужина... А мне казалось иногда — ей так же нужен я...

Сарапул

Этот городок на Каме — в парке липы, что древнее дискоболов, и баржами бредят мокрые деревья,

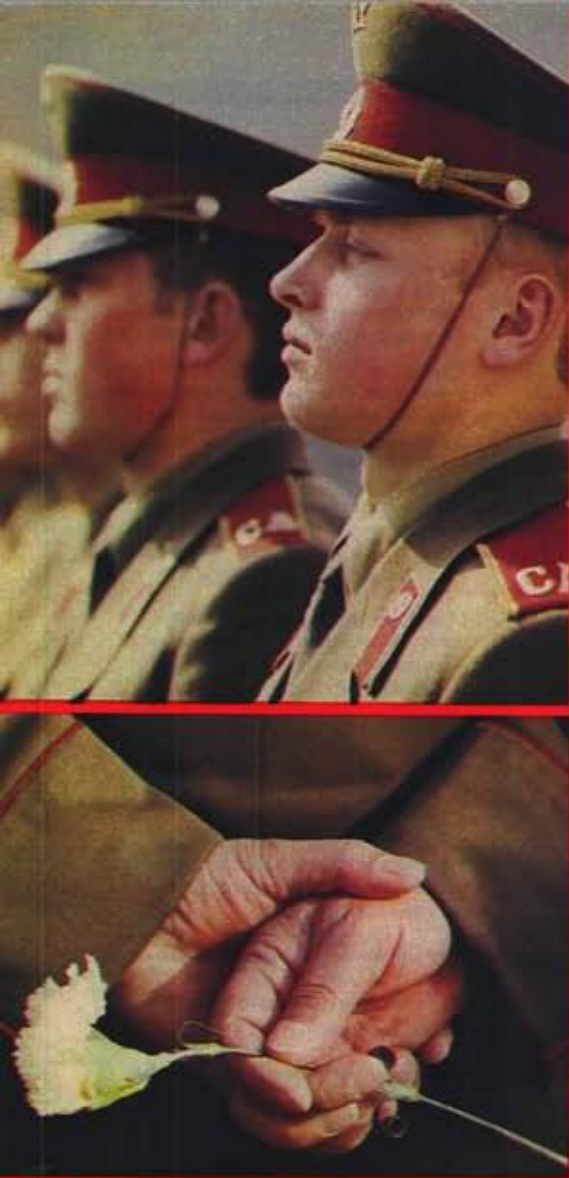
лазы, лестницы, лабазы, склад в соборе, запах рыбы... Мы с тобою были сразу вписаны во все изгибы.

Нас с тобой качало солнце на своей листве широкой. Из наличников оконца вглядывались синеоко.

И базар еще... Что значил этот городок на Каме в жизни нашей? А иначе для чего волна и камень,

солнце, грозы и метели свои грузы здесь сгружали? Почему в конце недели мы сюда не навезжали?

КЛЯТВА ВЕРНОСТИ КОМСОМОЛЬЦЕВ И МОЛОДЕЖИ.

КАК СА

Иван ПАДЕРИН.

Фото Сергея ВЕТРОВА

Нет общества без памяти, как нет дерева без корней. Память — питательная сила, вливающаяся в сердца новых молодых поколений, наполняющая их добротой и гордостью, стойкостью и мужеством. Солдатское поле под Волгоградом, памятник воину-освободителю в берлинском Трептов-парке, противотанковые ежи на Волоколамском шоссе под Москвой, где был остановлен враг, цветы у тысяч обелисков, венчающих могилы павших героев, походы молодежи по местам боев прославленных дивизий и полков, единство убежденных сединами бывших солдат с поколениями юных, подлинно всенародная забота о ветеранах — все это духовные и веще-

ственные проявления нашей памяти, кровное родство с временем военных испытаний.

Я непроизвольно спорю со своей памятью. Так, наверное, происходит со всеми старыми солдатами: перед глазами — день сегодняшний, светлый и радостный, наполненный реальными заботами, ощутимый во всем своем многообразии. Но память непослушна, она вновь и вновь возвращает меня в прошлое, вытесняя житейское, сегодняшнее на задний план. Может быть, так и должно быть. Ведь память нравственна. Наше прошлое и наше настоящее монолитны, едины, они не существуют одно без другого. Не могут существовать! Лиши человека памяти — он лишится духовности, способности отличать добро от зла. Нет, не могу представить людей без памяти. Не хочу.

Ведя смертельную битву с врагом в Великой Отечественной войне, советский народ совершал восхождение. Восхождение духовное. Восхождение к че-

ловеческой доброте. Несмотря на огромные людские потери, которые понесли мы в войне, мы не только не потеряли ничего из нравственного богатства, составляющего характер советского человека, мы удвоили это богатство, став великодушнее, благороднее, мужественнее, памятливей. Через самую страшную из войн пронесли мы заботу не только о ближних своих, но и заботу о будущих поколениях, завоеывая для них мир.

А еще я думаю, что память — это и могучее оружие, которое не дает покоя нынешним нашим врагам и чего хотели бы они нас лишить, да вот не получается. Да, именно так, оружие.

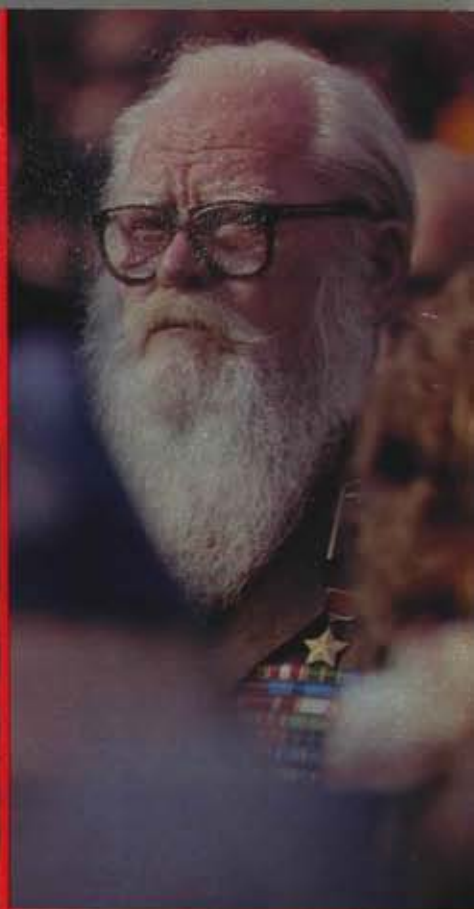
10 октября 1942 года в Сталинграде у входа в мой блиндаж в землю врезалась стокилограммовая бомба. Из хвостового оперения ее сочился желтоватый дымок. Бомба не взорвалась, тело ее вместо тротила оказалось наполненным песком с опилками. Мне была уготовлена мгновенная легкая смерть. Но люди,

начинаявшие ту бомбу, обрекали себя на мучительную смерть в застенках гестапо.

Таких неразорвавшихся бомб в Сталинграде мы видели немало. Неизвестные герои, вы спасали наши жизни, подвергая смертельной опасности самих себя. Так можно ли забыть это!

В дни битвы за волжскую твердыню в моем блиндаже часто ночевали капитан Юрий Чепурин, Евгений Долматовский, Марк Фрадкин. Пропадая целые дни в частях, на передовой, вечерами мы собирались вместе, делились впечатлениями, работали с необыкновенным подъемом. Творческий порыв рождал в нас невиданное человеческое упорство сражающихся советских солдат и офицеров, массовый героизм, величие духа.

Помню, я, тогда старший инструктор по информации политотдела 62-й армии, вставил в сводку для Москвы фразу: «Здесь наши солдаты бессмертны. Их и мертвых боятся фашисты».

**КАЖДЫЙ ГОД
В ПЕРВЫЕ ДНИ МАЯ
МИЛЛИОНЫ ЮНОШЕЙ
И ДЕВУШЕК НАШЕЙ СТРАНЫ
ВСТАЮТ НА ВАХТУ ПАМЯТИ.**

МА ЖИЗНЬ

Восхождение». Когда я стал диктовать сводку телеграфисту, Москва остановила передачу и попросила расшифровать слово «восхождение». Я ответил, что сделаю это в другой сводке...

И тогда, в Сталинграде, и потом, в Берлине, будучи уже замполитом полка, и теперь я расшифровываю это слово...

26 апреля 1945 года уже после взятия аэродрома Темпельхоф полк остановился на Колоненштрассе. Наша артиллерия приготовилась открыть огонь по кварталам, где засели гитлеровцы. В те минуты автоматчик 1-го штурмового отряда нашего полка Федор Паршин установил, что подвалы двух огромных домов на Колоненштрассе забиты женщинами и детьми мал мала меньше. Паршин бросился предупредить об этом артиллеристов. Он так спешил, что не обращал внимания на дорогу. Возле городской кирхи Паршин наступил на противопехотную мину, ему вырвало ступню. Но он продолжал двигаться вперед, прыгая на одной ноге. И упал

только тогда, когда доложил командиру о том, что в подвалах домов мирные люди. И только тогда из искалеченной ноги его хлынула кровь.

Не знаю, как объяснить этот феномен с точки зрения медицины. Но с точки зрения морали это объяснимо — восхождение духа над плотью. Действиями Паршина руководило тогда большее, чем солдатский долг — долг человеческой нравственности.

Спустя три дня наш полк прорвался к Ландвер-каналу. До имперской канцелярии оставалось 400 метров. На той стороне канала оборонялись батальоны лейбштандарт Адольф Гитлер. Подтянув средства усиления, полк приготовился к решающему броску. Я приказал сержанту Николаю Мосалову вынести полковое знамя. Наступила тишина, последние хрупкие ее мгновения. И тут Мосалов услышал плач ребенка из-под моста, именно там должен был сейчас прокатиться огненный вал. Мосалов сказал мне, что успеет спасти ребенка.

— Хорошо, передай знамя и иди. Мосалов нашел девочку и вынес ее из-под моста за несколько секунд до начала боя. И был тяжело ранен. Я не уверен, что отец девочки, спасенной русским солдатом, стал бы рисковать собой, защищая от беды сыновей или дочерей Мосалова. Вот оно, великодушие. Вот оно, восхождение духа.

Весной минувшего года память позволила мне переночевать в казарме 6-й роты. Комсомольцы этого подразделения Петр Хлюстин и Владимир Бурба посмертно стали Героями Советского Союза. Я спал безмятежно рядом с койкой Хлюстина. Проснулся — один в казарме. Подумалось, что, наверное, проспал команду «подъем». Было обидно. Надо мной стоял командир полка: «Пора на завтрак, товарищ Падерин».

Потом выяснилось, что команды «подъем» никто не давал, солдаты вышли из казармы тихо, неся сапоги в

руках. В поступке молодых воинов видится мне проявление великодушия, если хотите, нежности к нам, ветеранам. Молодежь, они и не подозревали, как ждал я этой самой команды «подъем!».

Потом я был с ними на полигоне. Видел, как падали, разлетались на куски мишени, пораженные из танков, управляемых этой самой молодежью. И мной овладело чувство гордости за них, наше продолжение, плоть нашей плоти.

Память, как сила. Память, как действие. Память во имя торжества правды и справедливости, во имя нравственного родства поколений. В этом вижу суть и цель Вахты памяти. Вахты непреходящей, как сама жизнь.

Нельзя заигрывать с памятью, подменять ее пустыми разговорами и внешней парадностью. Долг тех, кто прошел горнило Великой Отечественной, приобщать юное поколение к памяти строгой. И доброй. К такой, какой помним пережитое мы, ветераны, старые солдаты.

УРОКИ НА ЗАВ

Владимир РЕЗЧИКОВ,
Герой
Социалистического Труда,
машинист депо
имени Ильича
Московской железной дороги

Я не киноман. Напряженный ритм работы, дефицит свободного времени — и вот уже пропущен вышедший на экран детектив, зарубежный фильм и даже кинокомедия. Но «Лидера» (студия имени М. Горького) посмотрел, едва лента появилась на экране. Спасибо «Спутнику кинозрителя» за хорошую рекламу.

Я, естественно, не кинокритик и свою цель определил так: размышления зрителя.

Прошло уже немало времени, а я все еще думаю о фильме, вновь и вновь переживаю его события.

Ставлю себя на место героев-школьников... Сначала не мог объяснить себе, почему, — вроде бы человеку уже за пятьдесят, а его волнуют проблемы школы, учеников, учителей.

А потом понял: все мы независимо от профессии и возраста всего-навсего

повзрослевшие ученики, и у всех у кого-нибудь учится — братья, дети, внуки... Так? Так. И мне бывает обидно, когда иной учитель высказывает недоумение: вот, мол, все в педагогике разбираются. Я считаю: должны разбираться. А как же иначе?

Мое детство, конечно же, было совсем другим, чем у героев «Лидера». Война началась, когда я учился в третьем классе. В четвертом узнал, что пропал без вести отец, в пятом я просто не учился: пришлось идти работать. Но даже война не лишила нас детства. Оно было голодное, холодное, но помню и наши радости: бублик, что выдавали в школе, хорошая отметка, радующая мать, успехи в спорте. И самая главная радость — голос Левитана из черной радиотарелки: «Наши войска освободили город...» Все-таки свое детство обделенным не назову. Были у нас свои лидеры? Были. Помню бесспорного лидера нашего класса Женю Богачева. Он был отличником. Но не из категории тех, кто хочет любой ценой получить заветную пятерку. Отнюдь. Женя работал, считая, что в школе надо трудиться и получать то, что она может дать, иначе для чего же сюда ежедневно ходить? И получал за свою работу (да, работу!) высшую награду. Учительница говорила: «Женя Богачев сможет стать вели-

колепным артиллеристом — в этой профессии математика прежде всего». И мы старались подражать ему. Во время войны не мог стать лидером школы или класса двоечник, пижон, болтун...

Примериваю сегодняшнего киногероя Бориса Шестакова к моим сверстникам. Смог бы он стать нашим лидером? Пожалуй! Ведь тогда мы больше всего ценили убежденность, трудолюбие, веру в собственное предназначение. В примерах недостатка не испытывали: Зоя Космодемьянская, Виктор Талалихин, Александр Матросов... Личность! Вот что было самым ценным. А Борис Шестаков — личность.

Опять из детства. В четырнадцать я стал бригадиром жестянщиков, в пятнадцать получил первую в жизни награду — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Мой сверстник Василий Гусев, токарь «Танкограда» в Челябинске, стал в сорок пятом кавалером ордена Ленина. Не было в военное время скидок на возраст. Как не делает их для себя Боря Шестаков в сегодняшние дни. Этим близок и дорог мне Шестаков, герой фильма «Лидер». Он нашел себя, свое место в жизни, призвание. Борис счастлив. У него и о счастье собственное представление. Вот в чем притягательная сила таких людей.

Кто-то может задать вопрос: а нужны ли лидеры? Разве нельзя без них? Нужны! Нельзя! Жизнь требует, чтобы у человека были стержень, цель. И если рядом с тобой идет по жизни настоящий человек, то уже нельзя жить по-обывательски — «от сих до сих».

У меня цель определилась с детства. Я знал, что буду машинистом. Как отец. И все делал для достижения мечты. В сорок пятом, работая бригадиром, пошел в вечернюю школу: без семилетки на курсы машинистов не принимали. Я просиживал над учебниками ночи.

Свежи в памяти школьные годы моих сыновей. Они оба окончили восьмилетку — все у них было примерно одинаково, — учились прилично. Потом ребята поступили в техникумы. Один стал отличником, другой перебивался с тройки на тройку. Хотя оба были способные ребята. Но, оказывается, у одного в группе прилично учиться считалось делом чуть ли не постыдным, у другого, наоборот: авторитет возрастал с уровнем успеваемости. И устанавливали, естественно, это не педагоги, а лидеры. Настоящие и те, которые свое нежелание трудиться компенсировали этакой молодецкой бравадой. Но лидер есть лидер, будь он положительный или отрицательный. Он гораздо серьезнее

влияет на людей, чем иногда нам кажется.

Может быть, самое интересное в фильме — это необычный характер юного героя. Поначалу он попросту озадачивает окружающих. Вот, быстро разделившись с контрольной по математике, Борис раскладывает на парту совершенно другие книги и углубляется в свои занятия. Объяснение с изумленной учительницей завершается репликой героя: «Ничего, вы мне не мешаете». А до этого он еще скажет, что математика его не интересует, он занимается ею только для того, чтобы получать пятерки. Что это — вопиющая бесцеремонность?.. Не разяснив этого, авторы показывают новую, не менее острую ситуацию. На занятиях по физкультуре Борис легко выигрывает забег, опередив признанного лидера класса Олега Хохлова. Физ-

рук предлагает Борису выступить в кроссе и получает категорические отказы: «нет», «занят», «в воскресенье не смогу». Соглашались, такое не часто увидишь и услышишь в школе.

Вскоре мы узнаем и поймем причину столь странного поведения Бориса Шестакова. Перед нами раскроется совершенно незаурядная личность. Оказывается, он поглощен расшифровкой письменности древней и давно исчезнувшей цивилизации, некогда существовавшей в Центральной Америке. Этому он отдает все свое время и силы, для этого изучил четыре языка, занимается историей, археологией... Не правда ли, необычный школьник? Но ведь в обычных школах рядом с нами, за теми же партами вырастают и писатели, и музыканты, и чемпионы мира, и ученые, и космонавты. Меня лично привлекает в

«Лидере» не уникальность увлечения и одаренности героя, а его чрезвычайная целеустремленность, собранность, сосредоточенность на главном в жизни. Этим и объясняются многие «странности» характера Бориса. Что ж, необычность поведения, поступков, слов, нарушение героем неких неписаных «правил» общежития — в данном случае **школьных** — далеко не каждому понравится. Но ведь не этим «нравится» определяются польза и правда. Новое, как мы знаем, не всегда и не всем приходится по вкусу. Но от этого оно не становится хуже. И не слабеет потребность в нем. А ведь, безусловно, с «новичком» Борисом Шестаковым в школьный 9 «Б» приходит нечто новое.

Если задуматься о цене времени, если со всей ответственностью представить себе, что школьный возраст — это не просто счастливая, беспечная, отроческая пора, но **единственный раз в жизни** и на целую жизнь данная нам возможность определиться, понять и познать себя, сформулировать свою личность, то вот об этом, по самому главному счету, фильм «Лидер»! На этом заострена судьба его героя. И чтобы подчеркнуть именно эту мысль и эту уникальную ценность школьных лет, авторы наделили героя фильма Бориса столь необычной, яркой и романтической увлеченностью. Но ведь дело, избранное тобой, может быть и совершенно иным, пусть даже более прозаичным. Важно твое отношение, твоя способность отдать силы достижению цели.

...Я вспоминаю прекрасный фильм «Доживем до понедельника», вызвавший в свои годы огромный резонанс в зрительской аудитории, открывший, как я думаю, новое направление в нашем кинематографе для юношества. Не просто «школьная тематика». В «Доживем до понедельника» были подняты поистине жгучие вопросы нравственности и гражданского воспитания. Там, кстати, был тоже 9-й класс, только не «Б», а «В». Там, если вы помните, ребята писали сочинение на вольную

мысль: «Счастье — это когда тебя понимают».

Теперь другой, не менее важный вопрос. Понимают и принимают ли одноклассники Бориса Шестакова? И во всем ли он прав? Мне вспоминается еще один эпизод из фильма «Доживем до понедельника». Скромную учительницу первоклашек учитель Мельников, замечательно сыгранный Вячеславом Тихоновым, сурово корит за элементарную неграмотность (учительница говорит: «Не ложьте зеркало в парту»). И нам становится жаль «учительку» и сожалею за героя. Почему он сам стыдится своего поступка?.. Можно быть неграмотным учителем? Нет. Но нельзя быть жестоким человеком.

Здесь важная грань конфликтной ситуации, которую я почувствовал и в «Лидере». Да, герой прав и в своей одержимости идеей, и в своем подвижничестве: жизнь действительно расплывается по минутам. И беспощадно он отбрасывает от себя все, что не ведет к главному, к цели. Но в претворении в жизнь абсолютно благородного замысла он не замечает окружающих его людей, унижает и обижает их. В классе. Дома. Разве можно назвать нормальной обстановку, в которую он буквально вверг свою семью, самых близких людей? Сестра, которая боится, чтобы не дай бог пикнул годовалый ребенок. Мать, буквально трепещущая и, что горько, унижающаяся перед неординарностью сына. А расшифровывание языка толмечков в ванной, во время отнюдь не пустячного семейного торжества? Нет, авторы не любят в это время своим героем. Они жалеют его, сочувствуют его юности, максимализму, но твердо ведут его к додумыванию, допониманию того, что и станет в конце концов главным, собирательным смыслом картины: надо обогнать время, но оставаться с людьми. Среди людей.

Юный герой фильма приходит к этому. В финальной сцене «новичок», уникум, максималист, становится в ряды участников кросса. По-иному быть и не могло. Чувство коллективизма взяло верх, это правда нашей жизни. К тому же умный человек, глубоко чувствующий историю, жизнь, пусть древних людей, не может остаться равнодушным к своим современникам.

Но почему же все-таки назван фильм «Лидер»? Кто он в этой картине? Есть на экране симпатичный, эффектный парень Олег Хохлов. Он «лидер», если судить поверхностно. Он-то и переживает очень самолюбиво появление в классе новичка, который не вписывается в обычные рамки. Но, думаю мне, в название своего фильма авторы вложили совершенно иной смысл. Лидер все-таки Борис Шестаков. В перспективе своей жизненной позиции. Он лидер, потому что именно такие личности нужны сегодня школе, поколению. И, конечно же, прав учитель литературы Сан Саныч, светлая личность в этом поведении, когда он говорит с убежденностью: «Они, эти ребята, идут, я слышу их шаги».

О многом заставил меня думать этот фильм: о нашей молодости, о сегодняшней школе, о будущем, ведь оно начинается именно с этих ребят. И жалею я искренне о том, что наше кино не коснулось пока всерьез темы необычайно важной, быть может, решающей в судьбах молодости нашей страны. Сегодня в огромном здании нашей общественной жизни рядом с общеобразовательной школой живет, слагает судьбу каждого поколения юных профессионально-техническое образование: ПТУ, тысячи школ наших подростков, занятых трудовым воспитанием. Рассказывает ли о них кино? Я помню замечательный фильм «Здравствуй, Москва». Но ведь он был снят в 1948 году. А живем мы в восьмидесятые. И нам позарез — не знаю другого слова — нужны фильмы о нашей рабочей смене, о тех ребятах, которых в годы моего детства любовно называли «дорогими моими мальчишками», призывая их к большой жизни.

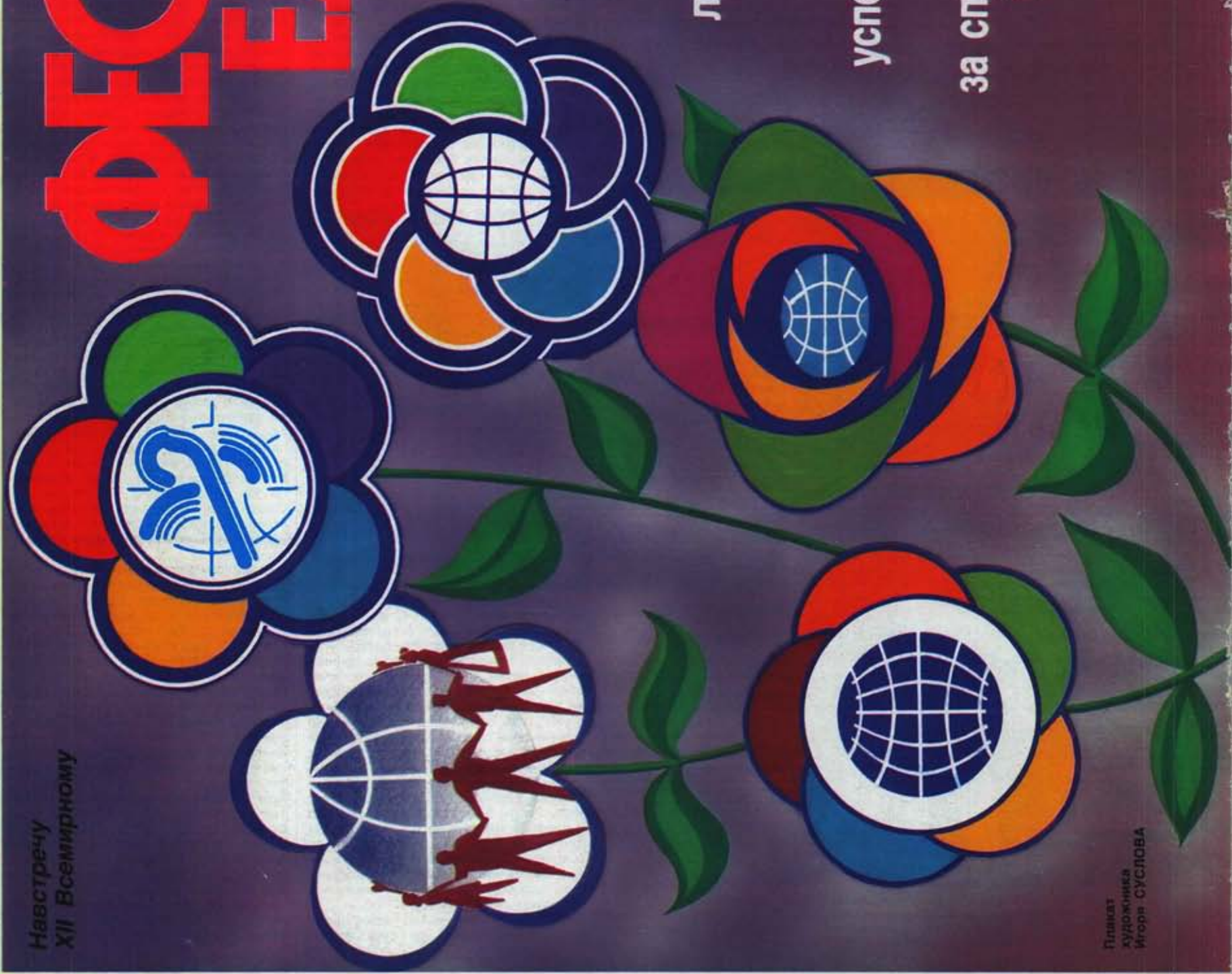
ЕКАТЕРИНА ТОКМАНЬ, АЛЕКСЕЙ ВОЛКОВ, АНАТОЛИЙ ОПРИТОВ И АЛЕКСАНДР СТРИЖЕНОВ В ФИЛЬМЕ «ЛИДЕР».

тему «Мое представление о счастье».

Один из учеников написал однуединственную фразу: «Счастье — это когда тебя понимают». А потом, после того, как учительница литературы «разобрала» и жестоко высмеяла сочинение девочки, написавшей, что счастье — это встретить хорошего человека, который любил бы детей, и родить Генка (так звали паренька) похитил сочинения и сжег их, совершив тяжкий проступок и первый мужественный и человеческий поступок.

Иные проблемы выносят на наш суд авторы картины «Лидер» (сценарист Даль Орлов, режиссер Борис Дуров). Да и девятый «Б» уже не тот, чувствуется дистанция в пятнадцать лет. Другое поколение сидит сегодня за школьными партами. Другая забота и тревога подвигают авторов на нынешний «школьный рассказ». Но я убежден, что и для сегодняшних ребят, и для героев фильма «Лидер» столь же существова-

Навстречу
XII Всемирному

ФЕСТИВАЛЬ ЕДИНСТВА И ДРУЖБА

люди мира, будьте бдительны!
в сплочении
всех миролюбивых сил —
успех борьбы за предотвращение
ядерной катастрофы,
за справедливый и радостный мир
без угнетения и эксплуатации
человека человеком.
люди мира,
протянем друг другу руки!

Плакат
художника
Игоря СУСЛОВА

Фестивали — за мир, против войны. Фестивали — за диалог, за дискуссию, за откровенный обмен мнениями.

Фестивали — за то, чтобы молодое поколение планеты, глядя в день завтрашний, хорошо помня о тяжелых уроках прошлого, утверждало как важнейший жизненный принцип антиимпериалистическую солидарность и дружбу народов всех стран нашей прекрасной планеты. Ибо в единстве и дружбе залог непобедимости тех, кто хочет всему человечеству счастья, добра, справедливости, мира.

Вот почему столь пристально и заинтересованно относится ко всем вопросам, касающимся всемирного форума молодежи в Москве, Всемирный Совет Мира. Организация Объединенных Наций провозгласила 1986 год Международным годом мира. И Всемирный Совет Мира с полным на то основанием считает, что Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве станет прекрасной и незаменимой подготовкой миролюбивой общечеловеческой планеты к последующему этапу борьбы за всеобщее разоружение.

Единство. Соединение усилий. Вера в великую силу дружбы. Вот принципы, на основе которых ведут свою борьбу сегодняшние сторонники мира.

Проходившая в столице нашей Родины сессия Всемирного Совета Мира, собравшая 400 представителей различных общественных организаций, освободительных движений более ста стран, с огромной наглядностью подтвердила, что расхождение в политических, идеологических и других взглядах тех, кто идет в рядах антивоенных движений, не мешает им действовать вместе, сообща во имя защиты самого ценного, что есть на земле, — права людей на мирную жизнь.

Рисунок Херлуфа БИДСТРУПА.
Специально для «Смены»

МИР НЕДЕЛИМ. НЕДЕЛИМА И НАША СОВМЕСТНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ ЯДЕРНОЙ УГРОЗЫ, НАША СОЛИДАРНОСТЬ С БОРЬБОЙ ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ.

ЭТО ТРЕБУЕТ ОБЪЕДИНЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ ВСЕМИРНОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗОРУЖЕНИЕ С БОРЬБОЙ НАРОДОВ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН ЗА СВОИ ПРАВА, ЗА ЛИКВИДАЦИЮ ТЯЖЕЛОГО НАСЛЕДИЯ КАПИТАЛИЗМА, ЗА СПРАВЕДЛИВЫЕ И РАВНОПРАВНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. ПРОДОЛЖАЮЩАЯСЯ ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ ПРЕПЯТСТВУЕТ РЕШЕНИЮ НЕОТЛОЖНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ, ЛИКВИДАЦИИ ГОЛОДА. В СТРАДАНИЯХ НАРОДОВ, ПОДВЕРГАЮЩИХСЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМУ ГНЕТУ И ЭКСПЛУАТАЦИИ, ВИНОВНЫ ТЕ ЖЕ САМЫЕ СИЛЫ, КОТОРЫЕ НАГНЕТАЮТ НАПРЯЖЕННОСТЬ ВО ВСЕМ МИРЕ И ВЗВИНЧИВАЮТ ГОНКУ ВООРУЖЕНИЯ.

ЛЮДИ МИРА! В ГОД 40-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ ВСЕМИРНЫЙ СОВЕТ МИРА ВЫСТУПАЕТ С ПРИЗЫВОМ: ПУСТЬ ГОД 40-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ СТАНЕТ ГОДОМ ПОБЕДЫ НАД УГРОЗОЙ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ!

Из декларации,
принятой на сессии
Президиума Всемирного Совета Мира.
Март, 1985 год, Москва.

«Каждый раз, приезжая в Советский Союз, — сказал член президиума ВСМ, писатель Хуссейн Фахми (АРЕ), — я ощущаю уверенность миллионов советских граждан в том, что совместными усилиями мы сможем удержать планету от шага в ядерную пропасть, последнего шага человечества. Призыв, с которым мы обратились к народам, должен быть услышан всеми».

«Разрушать стены недоверия, чтобы возродить мосты дружбы, сотрудничества, взаимопонимания, — таков наш лозунг», — подчеркнул участник сессии, президент культурного центра Флоренции Джорджо Джованнони (Италия).

А президент Всемирного Совета Мира Рамеш Чандра назвал сессию в Москве самой важной за всю историю миролюбивого движения. «Ключевым вопросом этого важнейшего для нас форума была проблема неотложной мобилизации всех миролюбивых сил на борьбу с новыми опасными устремлениями администрации США на перенесение гонки вооружений в космическое пространство. Исстинная политика мира — это политика СССР, а сегодняшней курс Вашингтона — милитаристский», — сказал он.

Молодежь мира стремится к миру и прогрессу. Ее решимость, ее сплоченность, ее готовность прийти на помощь своим сверстникам создают на пути агрессивных сил империализма могучую преграду.

Наша сила — сплоченность и память. Мир с надеждой смотрит на молодых, мир верит в их разум.

Молодежный форум в Москве укрепил единство прогрессивной юности в борьбе за общие идеалы.

Попытки вбить клин в молодежное демократическое движение, которые уже не раз предпринимались в прошлом, обречены на провал.

Потому что наша сила — сплоченность и память.

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ПЛАКАТЫ
«СМЕНЫ»

Беседа первая.

НЕ ОБМАНЫВАТЬ СЕБЯ!

— Федор Григорьевич! Давайте начнем наш разговор об алкоголе...

— ...С моего вопроса к вам. А вы сами пьете? Если да, то как часто? Чтобы сразу все расставить по местам, назовите поводы для выпивки, и я попытаюсь дать им характеристику с точки зрения врача. Могу вам помочь. Итак, вы не алкоголик, не пьяница, вы из тех, кто считает себя культурным человеком, но не чурается стопки...

— Да, пожалуй, так... Дома всегда есть что-то из спиртного, но могу не прикасаться и месяц, и два. Но вот пришел усталый, чем-то расстроенный и выпил — для снятия напряжения.

Повод второй. Объявляется кто-то из давних друзей. Радость, желание поскорей усадить за

ОБ ПРАВДА И ЛОЖЬ АЛКОГОЛЕ

стол. Сидим, разговариваем, бутылка на столе...

Иногда во всем теле ломота: то ли простуда, то ли грипп. В этом случае у каждого свой рецепт, где спиртное — основной компонент.

Я не увлекаюсь зимней рыбалкой, но мой товарищ, для которого нет лучше отдыха, уходит на лед и всегда в свой ящик положит бутылку для согрева. Не говоря о том, что, как утверждают, алкоголь очень калориен.

А еще остаются праздники, дни рождения, юбилей... Вот вам вся правда!

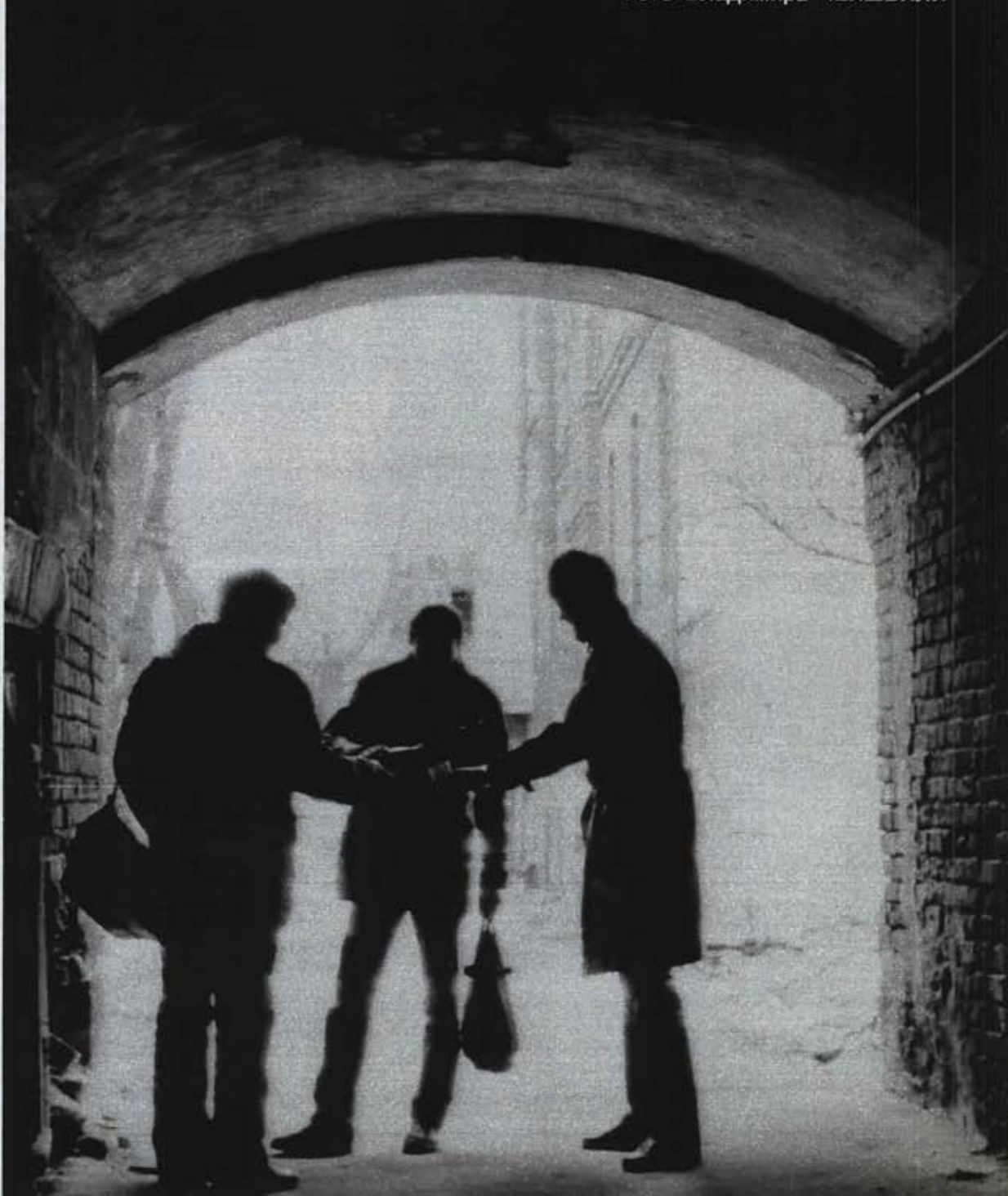
— Ложь первая. Алкоголь не снимает напряжения, а только дает иллюзию этого. На деле напряжение в головном мозге и во всей нервной системе сохраняется, фиксируется и добавляется с помощью алкоголя. Но в период эйфории (состояние приподнятого настроения, не соответствующее объективным условиям) действительно у человека создается ощущение приятности, возбуждения. Ему даже кажется, что он стал умнее... Но вот кончилось действие алкоголя, а напряжение осталось. А то и увеличилось. Да, существует распространенное выражение: «Выпить с устатку». Но это напоминает действие морфия в руках неумного врача. Больной говорит, что у него болит живот, а врач вместо того, чтобы разобраться в причине, делает ему укол морфия, после чего наступает пьянящее облегчение. Это временное облегчение! Больному стало легче, он ушел, а через день влияние морфия прошло, зато боль стала сильнее, оказывается, у него острый аппендицит и начинается общее воспаление брюшины. И теперь надо лечить не боль, а спасать жизнь.

Ложь вторая. «Алкоголь для веселья, при встрече и на празднике». Никакого веселья не будет в том смысле, что веселье — это отдых нервной системы, ее подготовка к новой работе. Веселье под действием алкоголя — это веселье под наркозом, первая стадия наркотического возбуждения. Врачи наблюдают подобное, когда дают больному наркоз. Проходит возбуждение, наступает угнетение, болит голова, общая разбитость, нежелание двигаться... А суждение о том, что употребление алкоголя при встрече продиктовано традицией, не имеет никаких оснований. Таких традиций не было в русском народе. Это привычка крайне вредная и чреватая опасностями.

Ложь третья. Давно и научно доказано: потребление алкоголя в холодном климате приносит большую смертность, нежели в теплом. Уже в начале века было неоспоримо доказано: если средняя годовая температура в какой-то местности ниже только на пять градусов, при том же уровне потребления спиртного на человека смертность от алкоголя в этом регионе увеличивается в десять раз.

Здесь нужны более подробные разъяснения. Поскольку я знаю, что многие геологи, нефтяники, промысловики, охотники, строители, рыбаки, работающие на Севере, в тех местах, откуда я и сам родом, думают иначе. Так вот, когда человек выпивает,

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

происходит сосудистый паралич, и кожные поры расширяются и отдают тепло. Человеку кажется, что он согрелся и ему жарко. На самом деле внутренняя температура организма снижается, а поскольку поры расширены, охлаждение идет быстрее. Ситуация, при которой может наступить смерть. Не говорю уже о значительных обморожениях, ведущих к инвалидности. Об этом не стоит забывать тем, кто работает на Севере.

Ложь четвертая. «Хорошая порция вина — и гриппа как не бывало!» Во французской Академии наук специально исследовали влияние алкоголя на грипп и убедительно доказали: никакого влияния! Больше того: в результате употребления алкоголя больной организм ослабевает, а грипп и другие вирусные заболевания только усугубляют болезнь. Пьющие всегда заболевают чаще, нежели непьющие. Еще в конце XIX века киевский врач Сикорский заметил: при эпидемии тифа пьющие рабочие заболевали в четыре раза чаще, нежели непьющие.

Ложь пятая. «Алкоголь полезен, поскольку содержит питательные вещества». Да, при разложении алкоголя создаются калории тепла. Но, хаотически сгорая, они в отличие от сизидателей жиров и белка уносят с собой и полезные продукты. Алкоголь не питательный продукт.

Как видите, между вашими оправдывающими поводами и абсолютным достоверным объяснением их с точки зрения медицины громадные противоречия.

— Допустим, что это и есть часть правды об алкоголе. Но насколько серьезно такое ваше утверждение: «Алкоголизм несет гибель и деградацию, разрушение всех моральных устоев, физическое и психическое вырождение»? Читатель — аж мороз по коже! Не слышком ли, имея тысячелетний опыт «пития на Руси», вы сгущаете краски? Не сочтите за глупую шутку, но вроде бы все мы выпиваем и ничего — развиваемся, не стоим на месте.

— Во-первых, откуда вы взяли, что мы пьем столько лет? Это очередная ложь. Да, мне приходится слышать: зачем вести борьбу с пьянством, если русские пили и будут пить и пьянство — чуть ли не русская болезнь. Весьма опасная ложь! Есть наша история, и есть статистика. И мы имеем статистические данные начиная с 1750 года, хотя есть цифры и более ранние. Среднее потребление алкоголя на душу населения в России всегда было самым низким среди крупных стран мира.

Во-вторых, если взять такой показатель, как средний мировой уровень потребления алкоголя, то в России и этот показатель всегда был в 2—5 раз меньше, нежели в других странах. Эти данные собраны за двести последних лет. Факт, что Россия никогда не была первой в потреблении алкоголя, неопровержим!

В-третьих, нелишне вспомнить историю нашего Отечества. Почти 500 лет, с XIII по XVIII век, Россия находилась в кольцевом окружении: ордынское иго, агрессии со стороны Германии, Литвы, Турции, Швеции, Польши. В те годы мирное время было короткой передышкой. Где же тут русским людям пить? Прокормить бы себя и живыми остаться. Да и кто мог себе позволить пить крепкие напитки? Князья, бояре, богатые люди, а народ, миллионы простых людей не знали алкоголя, а если и позволяли себе, то только в престольные праздники.

— А как с точки зрения медицины алкоголь влияет на нравственность?

— Прежде всего алкоголь бьет по мозгу.

А нравственность — это высшая функция мозга, определяющая характер и поведение человека. При алкоголе нравственность страдает даже РАНЬШЕ, чем умственные способности. Почему? Есть две причины. Первая — концентрация алкоголя в мозгу почти в два раза выше, чем в крови. Вторая — алкоголь вызывает склеивание эритроцитов (красные кровяные шарики), и они закупоривают концевые артерии, питающие нервные клетки. Закупорился сосудик на несколько минут, и нервная клетка ПО-ГИБЛА. Выпил человек, вот как вы, например, весьма умеренно, а у него в голове целое кладбище умерших нервных клеток. **НЕРВНЫЕ КЛЕТКИ ГОЛОВНОГО МОЗГА НИКОГДА НЕ ВОССТАНАВЛИВАЮТСЯ!** А если это происходит изо дня в день, из года в год... Нетрудно представить последствия. Есть такое понятие — старческое слабоумие. Оно наблюдается у очень дряхлых людей. А у молодых, но пьющих оно наступает очень рано.

Наблюдения, проведенные на 20 пациентах клиники в Стокгольме, свидетельствуют, что у всех заметно уменьшение объема мозга, или, как говорят врачи, у них оказался «сморщенный мозг». Младший из пациентов употреблял алкоголь 4 года, остальные — в среднем 10 лет.

Давным-давно проведено исследование, причем в нем добровольно принимали участие те, кого мы называем интеллектуалами. Они решали задачи до приема умеренной дозы и после приема. И чем

больше увеличивалась доля спиртного, тем меньше оставалось интеллекта.

Систематическое злоупотребление алкоголем приводит к отрицательному влиянию на умственные способности, ухудшается внимание, самоконтроль, теряется благородство. Остаются примитивные навыки. Выпивший начинает повторять шаблонные слова, шутки. Все более грубые, примитивные, циничные. Мысли опешивают, пьющий бестактен по отношению к женщинам, детям и окружающим. Когда наши женщины говорят о мужьях-пьяницах, они верно подмечают главное: «Характер изменился». Все правильно, у пьяницы изменилась нравственность. Что осталось главным? Ложь. Исчез стыд. А стыд — очень важный фактор в жизни человека. Стыдливый человек не позволит себе сделать безнравственный поступок. Когда человеку стыдно, он потупляет взор, у него появляется краска стыда. У пьющего этого нет! Он нагло смотрит в глаза, хотя и говорит неправду.

Благородство и патриотизм — это высшие проявления нравственности. Возьмите любую личность и уберите у нее только эти две нравственные категории. Перед вами подлец, негодяй, изменник, предатель. Вот почему столько преступлений идет от пьяного угара.

— Давайте не будем бояться старых, кем-то забытых, кому-то кажущихся смешными и наивными утверждений: «Выпить водки — стыд и грех». Пьющий человек — во все времена пропавший человек.

Давайте попросим читателей посмотреть в своем цехе, на участке, в студенческой группе, оцените атмосферу вокруг себя. Насколько она тревожна? Или, наоборот, тревоги не вызывает. Я верю в такие микроисследования, позволяющие создавать свое, не навязанное другими мнение.

К великому сожалению, сейчас принципиально изменилась оценка самого факта употребления алкоголя. Сейчас умение «выпить», «культурно посидеть» — чуть не составляющие общей культуры. А коль изменился угол зрения, то резко изменилось к факту отношение. И вот выпивающая женщина уже никого не смущает, она не отказывается и выпивает ей предложенное. А отсюда и последствия.

— Вопрос очень важный. Как же человек становится алкоголиком? Вот он родился. Рос. Работает. Женится. И вдруг алкоголик?

— Алкоголь — это наркотик. Всемирная организация здравоохранения специально вынесла такое решение: «Алкоголь — наркотик, подрывающий здоровье со всеми вытекающими последствиями».

Предположим труднодопустимый, но возможный вариант. Жених до свадьбы не пробовал алкоголь. Попробовал на свадьбе, затем встречи у его родителей, у ее родителей. И вот неделя, вторая (время свадьбы многие приурочивают к отпуску) идет беспорядное пьянство. А отсюда недалеко до алкогольной запрограммированности. Появляется тяга. Праздника кончили, а тянет. А если бывший жених и до свадьбы попробовал, то долгое празднество только усугубит его состояние.

Очень многое тут зависит от жены. Есть жены, которые сами выставляют на стол бутылку при каждом случае, а после хватаются за голову, спрашивают, откуда беда пришла в дом. Так и хочется кричать во весь голос: «Да от вас, женщины, и пришла!»

Мой единомышленник профессор ЛГУ Н. Г. Загоруйко пьянство представил в виде пирамиды, на вершине которой хронические алкоголики, потом слой пьяниц, затем — «часто пьющих», под ними огромный отряд «пьющих культурно». Как раз эти два наиболее многочисленных отряда и составляют на верхние этажи новые кадры. Главное, что цементирует пирамиду — создание морального комфорта для пьяниц всех категорий.

А если, образно говоря, эту пирамиду перевернуть, то получится воронка — своеобразный вход на кладбище, в который прежде всего попадает нижний слой — алкоголики. По данным Всемирной организации здравоохранения, средняя продолжительность жизни у пьющих не превышает 55 лет. Непьющие живут на 15—17 лет дольше.

— «Я свою норму знаю»... Знакомое всем выражение. Но что такое «норма» в алкоголе? Есть ли вообще норма безвредная? Есть ли крайняя опасная? В частности, для молодых людей?

— Думаю, все, что связано с так называемой «нормой», придумали пьяницы. А если хотите уже совсем откровенно, то, по моему твердому убеждению, люди, которые говорят публично о норме в алкоголе, не могут называться нашими друзьями. Я не боюсь этого слова, это наши враги! Это враги нашего общества! Нет, я не перегибаю палку. Что такое нормально выпить? Если выпивший стоит на ногах и может идти? Если говорит, а язык не заплетается? Но ведь не эта «норма» определяет его состояние! Последствия!

Есть, например, норма для мозга. Это 20—30

граммов чистого алкоголя. Их вполне достаточно, чтобы была нарушена ВЫСШАЯ функция мозга. При такой норме отключается кора головного мозга и работают более примитивные подкорковые участки. Чем человек более развит, чем выше его мозг, тем больше страдает от алкоголя кора. Как показали опыты академика И. П. Павлова, от первой же рюмки исчезает ВСЕ, что дано воспитанием! Именно поэтому попросту возмущаюсь, когда читаю где-либо о попытках научить пить культурно. Нормы в алкоголе не существует! Это понятие надо искоренять из нашей жизни, поскольку это и есть одна из лазеек, которая многих устраивает: «Я выпил СВОЮ норму...»

По номенклатуре Всемирной организации здравоохранения человек, выпивающий в день 150 граммов чистого алкоголя, уже считается алкоголиком. Мне же пришлось как-то беседовать с пациентом, который, выпивая в день 200 граммов спирта, утверждал, что пьет умеренно.

— Не потому ли, что у пьющих отдых и питье взаимосвязаны, будет общезвестная поговорка: понедельник — день тяжелый?

— Понедельник должен быть легким днем. Даже за один выходной — не то что за два! — и тело и нервная система способны отдохнуть. Но если кто-то в воскресенье выпил, то желания работать, конечно, нет. Потому что не было отдыха! Я иду на работу в понедельник и вижу людей, ищущих способ похмелиться. Они не только не отдохнули, более того, в крови у них накопилось противоядие от алкоголя, что само по себе отравляет и требует яда, каковым и является алкоголь. Люди, для которых понедельник — день тяжелый, больные люди. И вся трагедия в том, что они сами ответственны за все содеянное (в юридическом смысле!) полностью. Но ничего не могут с собой сделать. Они уже не отвечают за себя. У пьяниц ослабевает воля. А отсюда единая цепочка: нежелание работать, парализованная воля, наркотическая тяга к повторению алкоголя.

О какой работе может идти речь в понедельник, если больной человек снова и снова отравляется, находясь в состоянии непрерывного опьянения.

— «Тяжелому понедельнику» предшествует «пьяное воскресенье». Забота не только милиции, семьи, но и вас — хирургов...

— Если бы читатели знали, как мы мучаемся! Из-за пьяниц и мы, врачи, не отдыхаем: ведь в сложных случаях нас вызывают из дому. Как мне рассказали в Институте скорой помощи, однажды в числе тысячи пострадавших за воскресный день 700 человек (!) оказались в состоянии опьянения. Их надо было спасать, многих — в реанимации. Один день реанимационного лечения в среднем обходится в 200 рублей. Мы врачи и обязаны спасать любого пострадавшего. Только это спасение дорого обходится абсолютно всем, кроме него самого...

— Кого же все-таки считать алкоголиком? Кого — пьяницей?

— И тот и другой впадают в резкую зависимость от алкоголя. Они являются его рабами и не могут без него жить. Те, кто еще менее заражен, ищут причину. Вот наш разговор начался с того, что вы перечислили «извинительные» поводы для выпивки. Праздник, выходной, друг встретился... У другого это аванс, или получка, или премия. Люди, пьющие по таким поводам, — пьяницы. Они выпьют даже с малознакомым человеком. Они находятся в плену обстоятельств, которые сами ищут.

Алкоголику причина не нужна, он пьет без поводов! Что с ним произошло? Полная деградация умственных способностей. Он уже не может двигаться вперед. Резко меняется характер. Он становится грубым, может быть жестоким. У него очень рано развивается НЕЖЕЛАНИЕ трудиться.

Прежде всего алкоголь влияет на уровень профессионализма. Речь не только о твердости рук, но и вообще о культуре работы.

Выпивающий может выполнять грубую работу, но никак не созидательную. В человеке гибнут способности к творчеству. У пьяницы сохраняются лишь самые низкие двигательные акты. Двигательные акты — это самое простейшее проявление функции мозга, они-то и сохраняются.

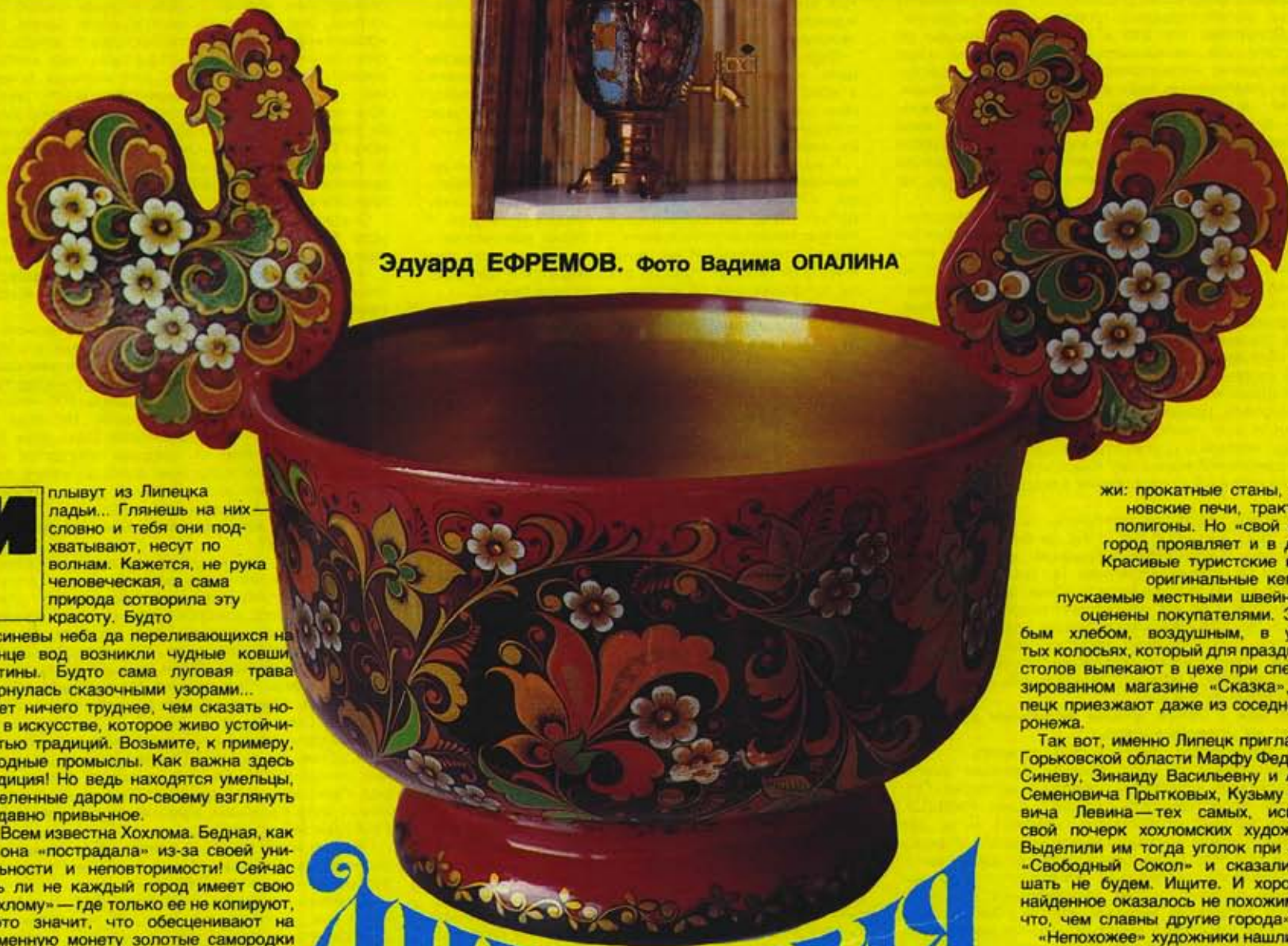
Есть вредная притяжка: «Ничего, пропылится — свое сделает». Да, сделает, но с каждым годом будет выполнять работу хуже, все ниже будет его квалификация, пока не опустится на уровень некавалифицированной рабочей силы. Сколько некогда прекрасных мастеровых людей дошли до крайней точки, после которой уже могила.

Что же говорить о молодых рабочих, у которых впереди целая жизнь! Начав с невинных «норм» выпивки, очень легко отстать от уровня современного производства. Алкоголь не дает человеку расти, совершенствоваться, творить, толкает его все дальше и дальше на обочину жизни. К тому, что полноценной жизнью и назвать нельзя.

Беседа вел Александр БОЙКО.

Деревянный набор для варенья, сверкающий яркими красками самовар, расписная чаша... В таких вот прикладных изделиях липецких мастеров воедино слиты красота и практичность. А создают рукотворную эту красоту настоящие художники, такие, как художница Ирина Бритвина (на снимке). Не только теплое дерево, но и холодный металл обретают в мастерских «Липецких узоров» сказочные черты, становясь произведениями искусства.

Эдуард ЕФРЕМОВ. Фото Вадима ОПАЛИНА

Иплывут из Липецка ладьи... Глянешь на них — словно и тебя они подхватывают, несут по волнам. Кажется, не рука человеческая, а сама природа сотворила эту красоту. Будто

из синевы неба да переливающихся на солнце вод возникли чудные ковши, братины. Будто сама луговая трава обернулась сказочными узорами...

Нет ничего труднее, чем сказать новое в искусстве, которое живо устойчивостью традиций. Возьмите, к примеру, народные промыслы. Как важна здесь традиция! Но ведь находят умельцы, наделенные даром по-своему взглянуть на давно привычное.

...Всем известна Хохлома. Бедная, как же она «пострадала» из-за своей уникальности и неповторимости! Сейчас чуть ли не каждый город имеет свою «хохлому» — где только ее не копируют, а это значит, что обесценивают на разменную монету золотые самородки народного творчества. Приедешь ли в Орел, Смоленск, Тамбов — всюду в качестве сувениров навязывают ложки-поварешки, поражающие однообразием повторения «оригинала».

И, может, потому в самой Хохломе — отступничество! Группа художников предложила отойти от традиции, предписывающей роспись по золотистому фону только красным да черным. И хотя то, что они в творческих муках рождали, поддержки не находило, поиск свой художники эти продолжали.

Пока они искали свой почерк, их нашел Липецк. Город, бывший некогда маленьким районным центром и большой известностью не славившийся, с возникновением гиганта — металлургического завода — стал «столицей» области. Говорят «Липецк» — и воображение рисует индустриальные пейза-

жи: прокатные станы, мартеновские печи, тракторные полигоны. Но «свой нор» город проявляет и в другом. Красивые туристские куртки, оригинальные кеги, выпускаемые местными швейниками, оценены покупателями. За особым хлебом, воздушным, в узорчатых колосьях, который для праздничных столов выпекают в цехе при специализированном магазине «Сказка», в Липецк приезжают даже из соседнего Воронежа.

Так вот, именно Липецк пригласил из Горьковской области Марфу Федоровну Синеву, Зинаиду Васильевну и Андрея Семеновича Прытковых, Кузьму Ивановича Левина — тех самых, искавших свой почерк хохломских художников. Выделили им тогда уголок при заводе «Свободный Сокол» и сказали: «Мешать не будем. Ищите. И хорошо бы найденное оказалось не похожим ни на что, чем славны другие города».

«Непохожее» художники нашли, а вот признание их долго не находило. Роспись нарушала все каноны: и синеву мастера пустили, и зелень, и десятки иных оттенков понамешали... Что это? Искажение Хохломы? Скорее другое — песнь красы природы, да спетая новым голосом.

Пришло время, и выросли корпуса фабрики «Липецкие узоры», родился учебно-опытный комбинат художественной росписи, поступить в который учеником не так-то просто: конкурс высокий. Пришло и признание — медалей, дипломов всевозможных конкурсов теперь у здешних мастеров множество, а изделия умельцев на прилавках магазинов не залеживаются.

Пусть теперь кто-нибудь попытается превзойти липецкий узор. Трудно. И, по-видимому, уж очень непростое дело — сказать в искусстве новое.

**ЛИПЕЦКАЯ
ДЕЛОЖКА**

Наука —
Техника —
Прогресс

Валерий
МИРОНОВ

ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА

Внимание астрономов всего мира сконцентрировано сейчас на необычном космическом явлении: скоро невооруженным глазом можно будет наблюдать знаменитую комету Галлея, приближающуюся к Земле со скоростью пятнадцать километров в секунду. В решающую стадию вступила кропотливая и сложная работа по осуществлению международного проекта «Вега» (назван так по первым двум буквам от слов Венера и Галлея), в котором наряду с советскими учеными участвуют специалисты ряда социалистических стран, входящих в «Интеркосмос», а также их коллеги из Австрии, Франции и ФРГ. Запуск с космодрома Байконур 15 и 21 декабря прошлого года двух советских межпланетных автоматических станций — «Вега-1» и «Вега-2» — положил начало практической реализации очень важного научного эксперимента в глубинах Вселенной.

...О «длинноволосой» космической скиталице нам известно уже давно. «Длинноволосой», потому что буквально так переводится с греческого языка слово «комета». Судя по древним письменным источникам, ее еще два с половиной тысячелетия назад заметили в Китае. А документированный отчет ее «визитов» к нам фиксируется с 240 года до нашей эры. Нынешнее появление кометы Галлея будет «официально» тридцатым по счету за прошедшие столетия.

В давние времена люди с ужасом, словно наступал конец света, воспринимали каждое появление этой кометы, как, впрочем, и других особо ярких комет или метеоритов. Считалось, что встреча с ней — предвестник разрушительных войн и страшных эпидемий. «В году 942 от рождения господина видна была на протяжении четырнадцати дней звезда, подобная комете, а после нашел великий мор на скот», — гласит одна из записей в старинной чешской хронике.

С кометой суеверные люди и церковь связывали и некоторые события в истории. Например, скорую смерть таких выдающихся личностей, как предводитель гуннов Атилла, последний византийский император Константин XI, первый русский царь Иван Грозный. В 1456 году папа римский Каликст III подметил, что по своей форме она напоминает турецкий ятаган, и предсказал, что ее появление будет знаком для нашествия оттоманских полчищ на христианский мир. Со своей стороны, турки узрели в комете форму креста и ожидали нападения гяуров из Западной Европы. Но находились, правда, и те, кто считал появление этой кометы счастливым предзнаменова-

нием. Так, в 1066 году Вильгельм I Завоеватель, бывший герцогом Нормандии, высадился в Англии и, разбив войско англосаксов, стал английским королем. По такому случаю супруга нового монарха выткала вручную большой ковер-картину, где изобразила и летящую комету Галлея (этот ковер сохранился до наших дней).

Правда, в те далекие времена у этой кометы еще не было своего имени. Оно появилось позднее, в XVIII столетии. А веком раньше в Англии родился и работал астроном и геофизик Эдмунд Галлей, друживший со знаменитым Исааком Ньютоном. Именно он составил первый каталог звезд Южного неба, открыл, опираясь на ньютоновский закон всемирного тяготения, собственное движение звезд. Галлей пытался разгадать, как и по каким орбитам движутся кометы. Собрав и проанализировав данные об известных орбитах нескольких десятков подобных небесных тел, он установил, что у трех из них была очень схожая траектория. То были кометы, наблюдавшиеся на Земле в 1531, 1607 и 1682 годах (кстати, комету 1607 года подробно описал немецкий астроном Иоганн Кеплер).

В 1705 году Галлей пришел к выводу, что речь шла об одной и той же комете, период обращения которой вокруг Солнца составлял 75—76 лет, и смело предсказал время ее нового появления — в конце 1758 года. Астроном не дождал шестнадцати лет до этого времени, но комета действительно вновь объявилась над Землей весной 1759 года. В том же году и было решено увековечить память гениального предсказателя, впервые доказавшего наличие периодических комет. Любопытен и другой факт: завезенные позднее из Индии в Европу необычные цветы, сразу понравившиеся жителям Старого континента, назвали гортензиями — по имени жены английского астронома.

Последний раз комета Галлея «гостила» в 1910 году, вызвав, как всегда, немалый переполох и кое-где даже панику. Зрелище, представшее тогда на небосводе и длившееся несколько недель, было неповторимо. В том году комета приблизилась к Земле на самое короткое за всю историю расстояние, чем так и устроила многих землян. Шлейф красавицы из Вселенной простирался от западного горизонта и переваливал через зенит. Его длина составляла около 140 миллионов километров, то есть чуть меньше, чем расстояние от Земли до Солнца.

В 1910 году по инициативе русских и американских астрономов осуществлялась международная программа по координации наблюдений за этой кометой. Наблюдения сводились главным образом к получению наибольшего числа фотоснимков с помощью

телескопов и к спектральным исследованиям кометы. В результате был собран довольно обширный научный материал, что дало ученым возможность сделать потом некоторые принципиальные выводы о нраве кометы, о ее физических и химических свойствах.

И вот предстоит новая встреча, которая должна значительно расширить наши сведения о комете.

Местонахождение ее постоянно определялось с помощью радиотелескопов. Шестнадцатого октября 1982 года астрономы увидели странствующую комету — она летела за орбитой Сатурна. Спустя год крупнейший в мире шестиметровый азимутальный телескоп, установленный в Зеленчукской обсерватории в горах Кавказа, впервые в нашей стране запечатлел ее «портрет». Она находилась тогда в созвездии Близнецов на расстоянии 1,4 миллиарда километров и светилась в один миллиард раз более тускло, чем Вега, одна из самых ярких звезд на нашем небосклоне. К концу 1984 года советские и зарубежные обсерватории начали вести за ней регулярные астрономические наблюдения. Были отмечены и две странности в ее поведении: поверхность ледяного кометного ядра оказалась ярко-красного цвета, а само оно мерцает. И, наконец, в последних числах ноября, когда комета находилась за орбитой Юпитера, болгарские ученые несколько раз сфотографировали ее из астрономической обсерватории на горной вершине Рожен. В эти дни небесное тело диаметром около десяти километров наблюдалось уже на расстоянии около 800 миллионов километров от нашей планеты, а свет от него был в 2,5 миллиона раз слабее, чем тот, который будет при максимальном ее приближении к Земле.

А хорошо разглядеть ее удастся дважды. По уточненным расчетам, первое сближение кометы с Землей состоится 25 ноября 1985 года, когда ее будут разделять от нас 92,6 миллиона километров. Второе произойдет 11 апреля 1986 года на минимальном расстоянии 62,8 миллиона километров, после того как комета обогнет Солнце и начнет удаляться.

Успехи в освоении космоса впервые позволят войти в непосредственный контакт с нашей знакомой незнакомкой. Предложенный советскими учеными проект «Вега» (в котором совместно участвуют девять стран — НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР, Австрия, ФРГ и Франция) предусматривает использование уникального взаимного сближения кометы и планеты Венера. Советские межпланетные станции «Вега-1» и «Вега-2» сначала — в середине июня 1985 года — забросят на «Утреннюю звезду» необходимую научную аппаратуру, а затем устремятся навстречу

Мария БАРСУКОВА

комете Галлея и пересекут ее «хвост» на расстоянии десяти тысяч километров от самого ядра (соответственно 6 и 9 марта 1986 года). В момент встречи с кометой расстояния между станциями и Землей составят около 170 миллионов километров.

Будут и другие посланцы в космос. Европейское космическое агентство готовит проект «Джотто», названный так в честь итальянского живописца Джотто ди Бондоне, который в 1301 году сделал первый рисунок загадочной кометы. Вывод на орбиту космического аппарата планируется осуществить 2 июля этого года с помощью французской ракеты-носителя «Ариан». В начале марта 1986 года аппарат должен будет находиться в 500 километрах от ядра кометы, чтобы сделать фотоснимки. Но для того, чтобы осуществить этот замысел, нужна информация о местонахождении кометного ядра в данный момент. По договоренности между «Интеркосмос» и Европейским космическим агентством с борта станций «Вега-1» и «Вега-2», которые первыми войдут в непосредственный контакт с кометой, будут переданы оперативные данные для точного наведения аппарата «Джотто» на цель.

В Японии — по проекту «Планета-А» — в августе 1985 года будет запущен космический зонд для исследования межзвездного пространства и наблюдения за кометой Галлея. Ожидается, что в марте 1986 года он приблизится к комете до расстояния 200 тысяч километров.

Меньший вклад, чем предполагалось, внесут в это общее дело американцы. Первоначально Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) готовилось вместе с Европейским космическим агентством участвовать в проекте по запуску специального спутника. Но под давлением Белого дома конгресс США отказался субсидировать этот проект. А вот на милитаризацию космоса денег не жалеют. Щедрой рукой отпускаются все новые миллиарды долларов Пентагону и заправилам военно-промышленного комплекса, ведется лихорадочная деятельность по перенесению гонки вооружений в космическое пространство. Зачем Белому дому изучать какую-то там комету Галлея, если в его мечтах одни сценарии будущих «звездных войн»? Вот если бы, скажем, удалось «приручить» эту таинственную комету, задержать ее на орбите возле Земли, превратить ее ядро и шлейф в новое космическое оружие устрашения, тогда бы другое дело!..

Зато не упустят своего многочисленных американские дельцы, которые надеются неплохо подзаработать на растущей популярности кометы Галлея. Ряд частных фирм уже налаживает выпуск всевозможных памятных значков и медалей, маек и прочей одежды с изображением кометы, расширено производство домашних телескопов, подзорных труб и биноклей с сильным увеличением. Организуются туристические морские круизы на роскошных лайнерах в те районы земного шара, где будут лучшие условия для наблюдения за кометой, — у берегов Мадагаскара, Южной Африки и Австралии. Рекламные объявления призывают американцев обзавестись этими вещами и билетами заранее, поскольку, разумеется, с неудержимым приближением кометы так же стремительно будут возрастать и цены на предлагаемые товары и услуги...

За месяцы, прошедшие после запуска межпланетных станций «Вега-1» и «Вега-2», с ними уже проведены десятки сеансов радиосвязи, в ходе которых выполнялись измерения параметров траекторий движения, контролировалась работа бортовых систем, передавалась на Землю научная и телеметрическая информация. Поступающая информация обрабатывается и изучается в Институте космических исследований Академии наук СССР, а также в других советских и зарубежных научных центрах, участвующих в этом проекте. Основной же поток телеинформации и фотоснимков начнет поступать на Землю в первой декаде марта будущего года, в период «стыковки» автоматических станций с кометой Галлея. Время прохождения сигналов составит тогда около десяти минут. Поэтому каждая станция снабжена микропроцессором, в память которого заложены тщательно отработанные программы для автономного управления станцией в любых возможных ситуациях.

По мнению ученых многих стран, комплексные космические эксперименты, связанные с кометой Галлея, позволяют прежде всего глубже познать природу кометных ядер, прояснить происхождение подобных небесных тел. Не менее важно изучить также кометный «хвост», состоящий из пылинок, газа и ледяных кристаллов. Некоторые специалисты предполагают, что именно кометы в свое время могли перенести из космоса на Землю «зачатки жизни». Спектральный анализ, в частности, показал, что в них попадают органические частицы.

Успешное осуществление намеченных научных программ даст всей мировой науке немало интересных фактов и важных открытий. Ученые целого ряда стран вступают в тесное сотрудничество для совместного изучения космического пространства. Космос всегда должен служить только мирным целям.

Мы ехали в туристический поход, и не в какой-нибудь воскресно-однодневный. Нет, мы отправились далеко в Сибирь, было нас пятеро, включая Женю, нашего организатора (ему и принадлежала идея) и в каком-то смысле даже хозяйина, поскольку поход должен был начинаться в том самом селе, где он давно уже свой человек.

Ехали мы суматошно, пересели с самолета на поезд и обратно. «Ничего, ничего», — говорил Женя, — нам бы только добраться до нашего села, а там будет и стол, и дом».

Итак, нас было пятеро: художник с четырнадцатилетним сыном, я, Женя и Зоя, молодожены, отличные ребята. Интеллигентные, веселые. Веселые, несмотря на то, что в жизни им порядком досталось, особенно Жене. Судьба сильно и незаслуженно была его, потом привязалась к нему какая-то страшная болезнь, кажется, язва желудка; его спасал какой-то замечательный врач. Словом, из-за бед, которые сыпались на него, как из решета, он поздно окончил институт, попал по распределению в те самые сибирские края, куда мы теперь устремились. Здесь, в маленьком городке, он жил три года в совершенном одиночестве. Теперь для него началась новая жизнь, с одиночеством было покончено: в одну из московских командировок он встретил Зою. Я не знаю, как развивались их отношения, но знаю, что Зоя каждый день в течение года писала ему в его глухомань.

Словом, этому браку все мы симпатизировали, тем более, что они пара весьма привлекательная. Он — крепкий мужик с белозубой улыбкой, она — маленькая стройная «бурятка» в больших модных очках, которые придавали ей строгий ученый вид; она, кстати, и была ученой (работала в научно-исследовательском институте), и вообще отличалась образованностью, начитанностью и редким знанием культурной жизни столицы. Оставалось только удивляться, как она в свои лета успела накопить столько знаний. Еще она великий мастер доставать то, что человеку особенно нужно, — редкую книгу, билет на премьеру. И мастер лечить травами и снадобьями, тут для нее не существовало расстояний, она мчалась на помощь в любой конец города. И всюду со своей потрясающей энергией попевала, потому что отличалась еще и высокой организованностью.

Они были влюблены друг в друга, и всему нашему путешествию эта влюбленность, свадебность придавала характер праздника. Что до Жени, то он, как видно, готовился распахнуть перед нами, гостями, все красоты края, который стал для него родным.

Когда мы прибыли на место, стоял туман, было сыровато. Тем не менее село нас очаровало — большая луговая поляна среди могучей тайги. Вдоль реки вытянулись в ряд добротные избы, коровушки бродят, и тишина, та надежная тишина, о которой мы мечтали.

Остановились мы в доме охотника, уехавшего в отпуск. Собственно, на его участке два дома: один большой, в котором нам отвели комнату, совершенно пустую, потому что ее только что оштукатурили, одна лишь железная кровать стояла там, и было холодно, как зимой в сарае. Рядом с домом стояла небольшая рубленая избышка, объединявшая в себе кухню и баньку — сам уют. В ней мы и расположились. Топили печку, варили еду. Дождь шумел по крыше, отчего, как это всегда бывает в подобных случаях, в домике становилось особенно уютно. И разговор наш, как всегда, был бы нескончаем, но все же трудная дорога давала о себе знать: мы валились от усталости.

— Как распределяемся? — спросил Женя.
— Двое и трое, — тотчас сказала Зоя, — другого решения быть не может.

— Так тому и быть, — быстро ответил Женя.
И Зоя тут же принялась стелить постель на шкуре в избышке. Ясно было, что сарай предназначается нам.

— Надо бы там печку затопить, — нерешительно сказала я, имея в виду сарай.

— Сейчас лето, — внушительно ответил Женя. — Здесь не принято летом топить.

Конечно, он тут старожил, но все же достаточно взглянуть в окно, чтобы убедиться: по деревне из труб ползет дым. Да и как в такую погоду не топить? Но сказать все это я постеснялась: не портить же нам путешествие спорами из-за тепленького местечка.

Мне предстояло лечь на железной кровати, художнику с сыном было отведено место на полу.

— Может быть, ты дашь нам шкуру? — нерешительно, как и я, спросил художник.

— Нет, — ответил Женя.

Просто «нет», и все. Впрочем, чуть позже он смягчился и объяснил причину отказа: надо закаляться. Холод и сырость нашего помещения точно соответствовали тем условиям, которые ждали нас в тайге. Но ведь это разный холод и разная сырость, на этот раз осмелилась возразить я, одно дело лежать в

спальном мешке на мху или еловых лапах и другое — на голых досках. К тому же через день мы должны двинуться в тайгу, не худо выспаться, отогреться.

— Ну, на этот счет существуют разные мнения и школы, — холодно ответил Женя. — Я придерживаюсь той, которая считает, что перед походом нужно закаляться именно в тех условиях, которые предстоят.

— Но почему бы все-таки ребятам не лечь на шкуру? — возразила я.

— Потому что нельзя, — ответил Женя, становясь все мрачнее.

Чуть позже он опять терпеливо объяснил: — Вы не знаете здешних порядков, а я знаю. Когда мы понесем шкуру через двор, соседи увидят, а им совершенно необязательно знать, что у нашего хозяйина есть медвежья шкура.

Я немного знакома с деревенской жизнью, и мне нетрудно было представить, что если бы охотник ночью принес в кармане убитую им мышь, об этом наутро говорила бы вся деревня.

По Жениному лицу было видно, что вопросы мои бестактны, я и сама чувствовала неуместность возражений, но все же перед выходом во двор открыла дверь предбанника — как тут было тепло и сухо, как славно и душно, вот если бы тут разложить на полу медвежью шкуру... Женя только взглянул на меня, и я тотчас захлопнула дверь.

Мы трое молча потянулись через двор к сараю. Друг другу, естественно, не сказали ни слова.

Я залезла в постель, сырую, как могила, художник с сыном заползли в спальную мешки и всю ночь от холода ворочались с боку на бок, стучали костями (мешки были тонковаты).

Утром было по-прежнему холодно, вылезать из-под одеяла неохота, хотя мне под ним так и не удалось согреться. К сожалению, оказалось, что и мой рюкзак принесли сюда же, вещи в нем тоже отсырели, переодеться было не во что. Натянув сапоги и накинув дождевик, пошла я к избышке. Ноги разрезались в грязи, по дождевику стучало.

Зато как хорошо было в избышке! Толстые бревна

стен покрыты лаком, печь белым-бела и дышит теплом. А как сухо! И каша на завтрак сварена. Зоя лежит на медвежьей шкуре, держит в объятиях хозяйский транзистор, тихо воркует музыку.

— Пол, пол! — бодро говорит Женя. — Зоя вымыла пол, снимайте сапоги!

Мои сапоги снимались не без затруднения, а при нашей жизни на два дома нам предстояло непрестанно входить и выходить, к тому же, честно говоря, я и в городе терпеть не могу эту новомодную манеру хозяев встречать гостей призывом беречь хозяйский пол. Но, боже мой, неужели я буду начинать разговор из-за каких-то тапочек? Иду в носках, и, хотя пол холодный, это уж такая мелочь, которую и замечать-то неприлично, не то что о ней говорить.

Стоит ли рассказывать дальше? Я отделилась от группы, они пошли в поход, я осталась в селе. Села я в своем сарае на железной кровати и задумалась. Честно говоря, я ничего не могла понять. Мелочи, мелочи, мелочи! Дрова, носки, тапочки — неловко говорить. И в этом сарае я тоже не умру (кстати, я сама потом без труда нашла мать охотника, которая мне не только разрешила жить в теплой кухне, но еще и молока от «вечерней коровы» принесла). Ясно, что в жизни надо быть выше подобного рода мелочей. Я вызвала в своей памяти образы Жени и Зои — вот передо мной их милые лица, такие пригожие, такие веселые, такие счастливые. Вспоминая, сколько им в жизни досталось, какими высокими были их отношения, сколько преданности было в Зое, сколько мужественности в Жене — неужели же я все это забуду из-за ничтожных погрешностей быта?

Так я себя уговаривала, но вместе с тем что-то говорило мне, что мелочи эти не так уж мелки и могут быть сигналами крупной тревоги. Почему наши молодые люди без тени сомнения (без единой!) устроились в теплой избышке, предоставив другим мерзнуть на голом полу? Почему им самим не было по крайней мере неловко от подобной ситуации, уж не говоря о сочувствии к людям, которым холодно? Я вспомнила, как покойно и женственно лежала на шкуре Зоя, держа в руках транзистор — ни тени неловкости! А ведь эти ребята еще и теоретическую базу подвели: необходимо закаляться. Почему же сами они закалялись на медвежьей шкуре?

И вообще: может ли интеллигентный человек так себя вести? Может он завалиться спать в тепле и удобстве, поспав других в сырость, холод, на жесткий пол? Оставим сейчас в стороне даже и то обстоятельство, что Женя был командиром похода и, следовательно, обязан был заботиться прежде всего об его участниках, а не о себе, оставим все это в стороне, просто спросим: может или не может вести себя так интеллигентный человек?

Прежде всего договоримся, чтобы не запутаться: «интеллигентность» и «интеллигентность» (соответственно «интеллигент» и «интеллигентный») — это два разных понятия. Запутаться с ними более чем легко: оба слова звучат почти одинаково и потому намертво сцепились в нашем представлении (тут по-настоящему нужно было бы вводить другие термины, разнозвучающие). Именно благодаря подобной терминологической путанице мы и стоим в недоумении перед парадоксальным явлением неинтеллигентного интеллигента (и наоборот — интеллигентного неинтеллигента), не умея его объяснить — достаточно вспомнить известный пример, когда какая-нибудь полуграмотная деревенская бабушка при ближайшем рассмотрении оказывается много интеллигентней какого-нибудь кандидата наук. А потому условимся: интеллигентность — это просто люди умственного труда. Интеллигентность — это качество, знак уровня духовной культуры. Занятие умственным трудом само по себе к духовному развитию еще не ведет, потому что, как бы ни был виртуозно развит ум, один он не делает человека справедливым, порядочным и благородным, каковым интеллигентный человек является по определению.

Конечно, жизнь куда сложнее. Бывают случаи, когда человек совершает несвойственный ему поступок — случайно, не подумав о последствиях, под воздействием какого-либо сильного чувства, неожиданно налетевшего, например, раздражения, страха или гнева. Может так случиться, что интеллигентный человек совершит неинтеллигентный поступок, но он тогда и воспринимает его как неинтеллигентный, то есть недостойный его, и стыдится, и старается загладить, и второй раз подобного уже никогда не совер-

тем более что пришлось ему тогда худо. Да и трудно было не поверить, так искренен был он в своих радостях и печалих, но жизнь его проходила где-то далеко, и не было у меня случая наблюдать его в повседневности (зачастую именно повседневность и является проверкой). То, что Женя неважно сдал этот экзамен во время нашего похода, такого уж большого значения в конце концов не имело. Новая история оказалась куда серьезней.

Что же это за женщина, утаенная жена, откуда пришла и куда делась?

Мне рассказывают: врач, очень хороший специалист; несмотря на свой недавний приезд в город, пользовалась здесь уважением и авторитетом, многие ее любили.

Постойте, ведь Евгений и сам болел, желудочные кровотечения, от которых его спасал какой-то врач — уж не тот ли это врач?

Тот самый, отвечают мне. Чтобы не дать Жене погибнуть, эта женщина бросила свой южный город, больших, близких и переехала сюда, в Сибирь. Да, брак был законный, но не то чтобы счастливый. Видите ли, говорят мне, он, конечно, интеллигентней ее, это чувствовалось, она уступала ему в общей культуре.

Опять мы с вами перед проблемой интеллигентности, и необходимость разобраться в том, как же все произошло, становится уже настоятельной.

Анна Константиновна вечно была занята, вечно торопилась: то к больным, то домой, чтобы разогреть мужу обед или ужин. «Что же он у вас такой несамостоятельный, — говорили ей в шутку, — сам ужина разогреть не может?» Она только улыбалась. Когда Женя приезжал в Москву, он всегда был не только безукоризненно аккуратен, но даже наряден; какой все же он молодец, думала я: одинокий мужчина живет в глухомани, умеет «не спускать флага», так отлично держаться, есть в этом что-то от достоинства интеллигентного человека. И вот оказалось, что «не спускать флага» ему было нетрудно, рядом была женщина, которая заботилась о нем, — что, кстати, для нее было совсем простым делом, если учесть, какова нынче нагрузка лечащего

«Вы его не знаете, у него страшная хватка, железная. Объясню ему: я потеряю работу, доброе имя, меня лишат диплома. И вижу: ему это все равно. Понимаете? Просто безразлично. Но как же это я, врач, собственному мужу стану устраивать инвалидность, в то время как язва его зарубцевалась и он здоров?»

А я вспоминаю, как Женя шел в поход, слегка склоняясь под рюкзаком, который был гружен выше головы и весил, по его же словам, килограммов сорок. «...Утром и вечером, иногда до поздней ночи все одно и то же, — рассказывала Анна Константиновна. — Ты должна, ты обязана. Властно, неотступно». И тогда она взмолилась: отпусти, я уеду домой. Нет, ответил он, ты уедешь, когда кончится срок моего распределения, иначе это будет предательство.

Только теперь поняла я, почему ничего не знала об этой законной жене: она была обречена. Ей был назначен семейно-служебный срок три года, после чего она могла, нет, должна была исчезнуть за ненадобностью. Ведь язва-то уже зарубцевалась. И уже на горизонте маячила Зоя.

Я написала Анне Константиновне письмо, где говорила, что Евгений при ближайшем знакомстве оказался для меня неожиданным, и просила, если возможно, объяснить внезапный разрыв и отъезд. Она мне ответила кратко: нужно было бы говорить слишком много, писала она, чтобы передать «все, что прочувствовала я рядом с таким «героем жизни», как Евгений». Ироническое «герой жизни», вот и все, что позволила она себе сказать о человеке, который был ее мужем и едва не сломал ей жизнь. Передо мной было истинно интеллигентное письмо.

Так кто же из них «несомненно превосходит» другого по уровню культуры?

С тех времен, когда человек еще только начал осознать жизнь и пел еще очень простые песни, стала складываться культура, понимание того, что хорошо, что плохо, что прекрасно и что безобразно, наука о том, как достойно прожить жизнь. Эта великая, веками, работой лучших умов и сердец создаваемая культура первоначально была, разумеется, изустной, передающейся от матери к сыну, от деда к внуку, — ведь и сейчас ребенок получает основы культуры задолго до своей первой книжки.

Современная культура многослойна. В основе ее глубокие пласты вековых нравственных представлений (безнравственной культуры быть не может), на них замешена вся роскошь современной культуры — литература, наука, все виды искусства. Каждое человеческое сознание все это богатство берет по-своему: что дано и что умеет взять в зависимости от возможностей собственного психического склада. Одна душа может быть доверху полна духовной культуры, пропитана ею в самых ее утонченных формах. Другая душа, у которой возможности много меньше, воспринимает одни только эти простые первоосновы — порой в простом слове (через поучение отца, сказки бабушки). Это все люди интеллигентные, только разного уровня образования. Человек может не читать Сервантеса, не уметь слушать Моцарта и все же быть интеллигентным. А вот нарушить правила чести, отплатить за доброту черной неблагодарностью, предать друга — этого интеллигентный человек не может. Интеллигентность — это глубоко вошедшая в плоть и кровь, прочно угнездившаяся в центральной нервной системе сумма высоких нравственных принципов, которые в практической жизни срабатывают чуть ли не автоматически. Но есть еще и третий вид восприятия, нынче встречающийся не так уж редко, когда вся прелесть, яркость и увлекательность культуры воспринимаются вне ее великих нравственных принципов, не как хлеб насущный, а как лакомство. Внешне отличить эту defective, поверхностную культуру от подлинной и глубокой можно далеко не всегда и, уж во всяком случае, не сразу. Зато она почти неизбежно обнаруживается жизнью.

Конечно, то, что мы сейчас условно разграничили, действительность являет нам в самых разных пропорциях и смешениях, но все же, я думаю, эта, пусть условно принятая, классификация поможет объяснить наших удивительных молодых людей, таких, казалось бы, интеллигентных и, безусловно, образованных. Помните, Зоя?.. Сотрудник научно-исследовательского института, редкая начитанность, незаурядная духовная энергия. А Евгений? — тоже ведь начитан, высокоинтеллектуален, на редкость одарен художественно. Но ведь и со стороны их душевных качеств они тоже выглядели вполне привлекательно. Она была способна лететь на другой край города, чтобы кому-то помочь, кого-то лечить. И ему случалось помогать людям вполне эффективно. Оба они отлично знают, что хорошо, что плохо, оба привлекательны и добродушны. Но если задеты их жизненные интересы...

О, если задеты их жизненные интересы, они забывают о всяких «основах», для них уже никакой нравственный закон не писан и заповедей не в счет. Они поступают, как выгодней им, зато все это самым красивым образом объясняют. И будут считать себя интеллигентными, глубоко в том ошибаясь.

Но жизнь рано или поздно все равно обнаружит эту ошибку.

ЖЕНЬЯ ШКУРА

шит. Конечно, все люди, как бы ни владели они собой, не могут всегда ходить точно по натянутой струнке, возможны отступления, возможны даже срывы, но это ЧП!

В нашем случае стоит ли так теоретизировать по поводу столь незначительному, как ночевка на привале в разных «жилищных условиях»? Не лучше ли призвать на помощь чувство юмора: в конце концов когда мы, дрожащие от сырости, ввалились в избушку, где Зоя женственно лежала на медвежьей шкуре, обнимая рукой транзистор, всем нам было порядком смешно.

Возвращалась я домой через тот самый городок, где три года одиноко прожил Женя. Тут его хорошо знали, разговор о нем зашел сам собой; я (сознательно игнорируя «шкуру») самым наилучшим образом отозвалась о нем и его жене.

— О которой? — спросили меня.

— О Зое, разумеется.

— Нет, у нас тут была не Зоя, — возразили мне. — У нас тут женой была Анна Константиновна.

Вот странность. Почему я, так много и в таких подробностях знавшая жизнь Евгения, об этой его жене ни разу ничего не слыхала?

Но постойте, ведь это значит, что Зоя, когда каждый день писала письма, утешая одинокого...

— В том-то и дело, — говорили мне, — бедная Анна Константиновна каждый день должна была видеть, как муж получает письма от какой-то женщины. Легко ли это?

А сама Зоя? Знала ли она, что ее письма приходят в дом, где, кроме Евгения, есть еще и такая подробность, как его жена? Ну, а если не знала, сам-то Женя, как он мог допустить подобную жестокость?

И вот тут я принялась вспоминать. Женя пришел в редакцию со своими заботами и бедами, мы познакомились, потом переписывались, виделись, когда он приезжал в Москву. Поражало меня в нем разнообразие интересов: работа, книги, спорт, а это значит выносливость, тренировка, словом, истинно мужской характер. Привлекал меня его неуемный энтузиазм во всем, чем он занимался, будь то его непосредственная профессия или многочисленные высокоинтеллектуальные увлечения.

Женя рассказывал мне о своих делах — я верила,

врача. Ей-то, этой женщине, конечно, было нелегко. Да и вообще ей нелегко жилось. Друзья, родные, знакомые — все это далеко, из близких рядом только муж, а он... Нет, она никогда никому не жаловалась, говорят мне, терпела молча.

А что же ей приходилось терпеть? — спрашиваю. Как вам это объяснить, отвечают, вроде бы и ничего, но в каждом его слове к ней слышалось какое-то барское презрение, высокомерие и даже некоторое, простите, нахальство.

Раньше бы я этому не поверила (такой интеллигентный парень — и вдруг нахальство!), но теперь после «шкур» всешло уже по другому счету, и в нахальство я уже вполне могла поверить.

Как бы то ни было, они жили вместе, каждый занимался своим делом, все шло своим чередом, и вдруг...

Воспользовавшись тем, что Евгений уехал в командировку, Анна Константиновна за два дня уволилась, заказала контейнер, погрузила пожитки, достала билет и уехала к себе на юг.

Что случилось? Почему так внезапно? Почему в отсутствие мужа? И как это непохоже на нее — внезапно бросить больных? Вспоминают, на ней лица не было, когда она уезжала. И на нем, когда он вернулся из командировки, лица не было. «Предательница», — сказал он сквозь зубы.

Как уже говорилось, Анна Константиновна была человеком сдержанным, никогда никому не жаловалась, и ее поведение трудно было объяснить. Но один раз самообладание ей изменило, и только благодаря этому мы можем понять, что произошло.

За несколько месяцев до своего отъезда она неожиданно пришла домой к человеку, которого знала лучше других в этом незнакомом ей городе. Пришла, села на стул и долго молчала. А потом вдруг расплакалась. Она, такая сильная и сдержанная, плакала, как девчонка. И только потом стала говорить. Она не знает, что ей делать. Жизнь ее с мужем становится все трудней: он требует от нее, чтобы она как врач устроила ему инвалидность, тогда он сможет не работать, получать пенсию и заниматься любимыми художествами. «Я говорю ему, — рассказывала Анна Константиновна, — что никак не могу этого сделать». А он отвечает: «Ты должна, ты обязана».

К 300-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
БАХА, ГЕНДЕЛЯ,
СКАРЛАТТИ

Александр МАЙКАПАР

Удивительный юбилей отмечается в этом году всем музыкальным миром—300-летие со дня рождения Баха, Генделя и Скарлатти. Музыка этих великих композиторов звучит в наши дни повсюду—в концертных залах, в классах консерваторий, по радио, с грампластинок. Но столетия, отделяющие нас от времени ее создания, не могли, конечно, не сказаться на ее восприятии нашими предшественниками, да и нами, людьми совершенно иной эпохи. Бах, например, после своей смерти был забыт почти на восемьдесят лет, и заслуга возвращения его музыки к жизни принадлежит Феликсу Мендельсону-Бартольди—знаменитому композитору и музыкальному деятелю, первому, кто исполнил грандиозное баховское творение «Страсти по Матфею».

А Скарлатти? Умерший в 1757 году, он был тайно похоронен в монастыре де Сан Норбето, который в 1845 году был закрыт, и теперь никаких следов могилы не существует. Те самые сонаты для клавирина, которые составляют мировую славу Скарлатти, были опубликованы полностью лишь в 1906 году.

Лучшую часть уготовила судьба творческому наследию Генделя. Надгробие композитора в Вестминстерском аббатстве увенчала скульптура Рубильяка. Созданные Генделем монументальные творения, такие, как «Мессия» и «Иуда Маккавей», регулярно исполнялись и после его смерти. Тем не менее многие произведения на долгое время отошли в тень.

Безусловно, множество причин влияет на смены одних стилей в искусстве другими, на колебания вкусов, на процессы, приводящие к забвению, а потом к возрождению выдающихся художников.

В данном случае мне хотелось бы обратить внимание на обстоятельство, с которым мне как исполнителю пришлось столкнуться непосредственно. Говорить приходится о жизни «фортепианной музыки» этих великих композиторов. «Но ведь ни Бах, ни Гендель, ни Скарлатти,—скажет читатель,—не писали для фортепиано. Они писали для клавирина, клавикордов, органа—для старинных инструментов».

Совершенно правильно. За исключением нескольких сонат Скарлатти, вся клавирная музыка этих композиторов написана в расчете на старинные инструменты. Долгое время мы, не задумываясь, переносили ее на клавиатуру рояля, считая этот инструмент законным наследником старинных клавирина и клавикордов. Пианисты, воспитанные на шедеврах фортепианной музыки Бетховена, Шопена, Листа, Рахманинова, не могли представить себе, что рояль может хоть в чем-то не соответствовать музыке, предназначенной для клавиатуры.

В прошлом столетии клавесин и клавикорды совсем было умерли, их ни в грош не ставили, они в полном смысле слова пылились в чуланах. (Между про-

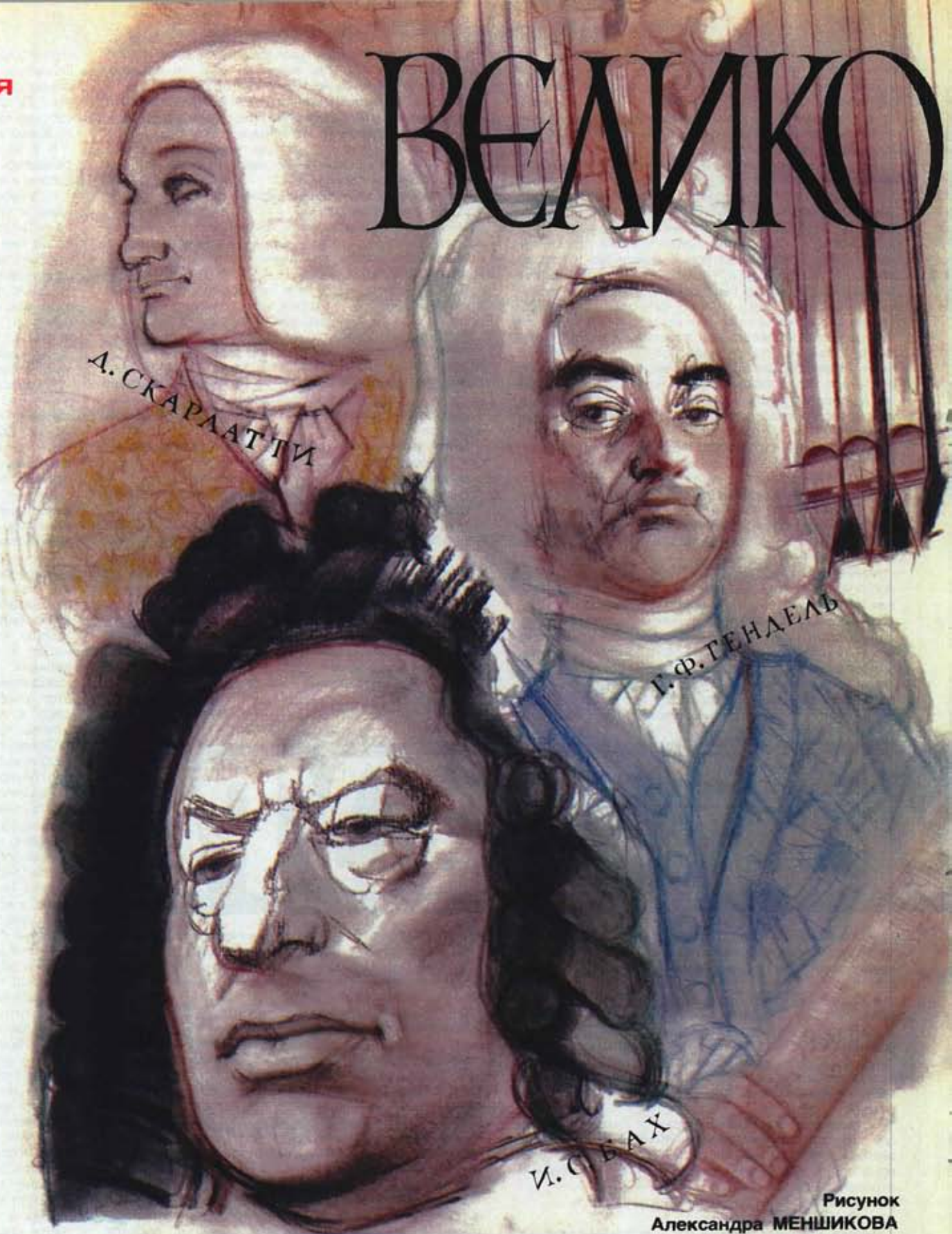

Рисунок
Александра МЕНШИКОВА

чим, когда «Великий Бах», а таковым во второй половине XVIII века почитался сын Иоганна Себастьяна Карл Филипп Эммануил, написал свой концерт для клавесина и фортепиано с оркестром, то он преследовал цель наглядно продемонстрировать, насколько клавесин, этот благородный аристократический инструмент, превосходит «плебейское» фортепиано—«инструмент парижских жестянщиков», как окрестил его Вольтер. Какой прогресс клавиростроения и какие перемены вкуса! Убежденность музыкантов XIX столетия в неоспоримом преимуществе фортепиано перед клавесином господствовала до прихода на эстраду знаменитой польской клавесинистки Ванды Ландовской.

Имя Ландовской стало буквально легендарным еще при ее жизни. Ей мы обязаны возрождением клавесина и старинной музыки. Конечно, и кроме нее, были серьезные музыковеды и историки, изучавшие музыку прошлого, но им не хватало артистизма, темперамен-

та и «проповеднического пафоса»— всего того, чем наделила щедрая природа польскую клавесинистку.

Сейчас на сценах концертных залов многих городов нашей страны можно увидеть либо отреставрированные, либо новые органы и клавесины, и любители старинной музыки могут слушать ее в подлинном звучании. Мне самому, выступая с органными и клавесинными концертами, не раз доводилось убеждаться в том, какой живейший интерес вызывает эта музыка, особенно там, где инструменты эти появились недавно.

Однако, когда начинала Ванда Ландовская, музыкальные фирмы не выпускали клавесины. Тем не менее ей удалось заразить своим энтузиазмом руководителей парижской фортепианной фабрики «Плейель», и в 1912 году Ландовская получила клавесин, звучание которого зафиксировано на всех ее грампластинках.

Несколько раз она со своим инструментом побывала в России, приезжала и

в Ясную Поляну к Л.Н.Толстому. Он впервые тогда слышал клавесин, и музыка произвела на него сильное впечатление.

Ландовская играла не только в больших залах, но и в клубах русской художественной интеллигенции, в частности в Литературно-художественном кружке К.С.Станиславского.

Стараниями реставраторов возвращаются к жизни подлинные инструменты XVII—XVIII веков, хранящиеся в музеях нашей страны. Клавесинов стало столько, что оказалось возможным на одной сцене собрать несколько инструментов для исполнения уникальных произведений старинной музыки, таких, как, например, концерты Баха для двух, трех и четырех клавесинов с оркестром. Мне часто приходилось принимать участие в таких выступлениях.

Ныне же, в год 300-летия со дня рождения Баха, Генделя и Скарлатти, хочу познакомить читателей с некоторыми высказываниями об этих великих

СТРИО

композиторах, принадлежащих выдающемуся интерпретатору их произведений Вандре Ландовской. Рассуждения эти, собранные и опубликованные после ее смерти в книге, впервые переведены мною на русский язык.

СКАРЛАТТИ

Доменико Скарлатти, сын Алессандро Скарлатти,— один из величайших итальянских композиторов. Родился он в Неаполе в 1685 году. В письме, сохранившемся в архиве Медичи во Флоренции, датированном 30 мая 1705 года и адресованном Фердинандо Медичи, Алессандро пишет: «Этот мой сын — истинный орел, и у него растут крылья. Он не должен пребывать в праздности в своем гнезде, а я не должен быть помехой в его полете». Доменико было тогда двадцать лет.

Интерес к дальним странам и тяга ко всему неожиданному заставили его покинуть Италию. В Лиссабоне Скарлатти получил назначение на должность Мастера Королевской капеллы и начал руководить музыкальными занятиями принцессы Марии Барбары. Желание вновь увидеть ее отца, проявившего симпатию к композитору, привело Скарлатти в 1724 году в Неаполь. Здесь он играл на клавесине перед известным композитором Гассе, у которого его игра вызвала восхищение и изумление. Некоторое время спустя Скарлатти покинул Италию и вернулся в Португалию, где опять занял свой пост и возобновил клавесинные уроки с Марией Барбарой. Именно для нее он сочинил клавесинные пьесы, которые назвал «Экзерсисами».

(Здесь необходимо пояснить, что в XVIII веке «уроками», «экзерсисами», «упражнениями» назывались сольные пьесы для какого-либо инструмента. Но это не были лишь «технические упражнения». Вспомним, что такой грандиозный цикл, как «Клавирные упражнения» Баха, содержит самые знаменитые его произведения — Партиты, Итальянский концерт, Французскую увертюру, Гольдберг-вариации. Не исключено, что последнее произведение было вдохновлено как раз «Экзерсисами для клавесина» Скарлатти. Во всяком случае, если у Скарлатти это 30 виртуозных сонат, то у Баха это «ария с тридцатью виртуозными вариациями».

Предисловие же Скарлатти к его «экзерсисам» — редкий образец литературного стиля композитора (до нас не дошло ни его писем, ни каких-либо других документов, так же, впрочем, как и ни одного автографа его сонат, число которых — 554):

«Читатель!
Кто бы ты ни был — любитель или профессионал, не жди в этих композициях глубокого смысла: это лишь затейливая музыкальная шутка, цель которой — воспитать в тебе уверенность в игре на клавесине. Не корысть или тщеславие вынудили меня опубликовать их. Быть может, они будут тебе приятны, и тогда я охотно удовлетворю новые просьбы и постараюсь угодить тебе сочинениями в еще более легком и разнообразном стиле. Итак, подойди к этим пьесам как человек, а не как критик, и ты умножишь собственное удовольствие. Будь счастлив!»

Мария Барбара читла Мастру и пригласила его в свою королевскую свиту, когда в 1729 году отправилась в Мадрид. С тех пор и до конца жизни Скарлатти не покидал Испании. Теперь он твердо обосновался при дворе и стал сердцем музыкальной жизни. Он про-

жил здесь 28 лет, до самой своей смерти в 1757 году.

Период, проведенный композитором в Испании, следует считать не просто приятно проведенным временем, но самым значительным в музыкальном отношении в жизни Скарлатти. В сущности, его неаполитанское происхождение и итальянский дух можно расценить как в высшей степени благоприятные предпосылки для восприятия того благотворного влияния, которое на него оказали испанская народная музыка и ганец. Когда мы слушаем музыку Скарлатти, то невольно переносимся в теплые, солнечные края. Это и Италия, это и Испания, а вместе — дух латинских стран и бог Средиземноморья. В самом деле, мы ощущаем себя в обществе божества, истинное имя которого — «танец».

Испания разожгла воображение великого неаполитанца. Испанская музыка с ее мавританскими влияниями вдохновила его на создание шедевров поразительной оригинальности и смелости. Без труда можно представить себе Скарлатти в одном из роскошных королевских дворцов Мадрида, Ла Гранхи или Аранхуза. Наше воображение рисует его за клавесином, среди окружающего великолепия, хотя сам Скарлатти не питал склонности к принципам. Доменико в этом доме только потому — и это ему не следует забывать! — что Мария Барбара, талантливая музыкантша, понимает его, окружает любовью, потому что ее муж король Фердинанд VI восхищается им, осыпает его милостями. Поэтому атмосфера во дворце для Скарлатти теплая и сочувственная. И вот Скарлатти дает волю своей фантазии — он импровизирует... Все становятся свидетелями чуда. Дворцовые салоны, предназначенные для торжественных приемов, исчезают. Огромные залы, с их чересчур высокими потолками, наполняются — как ясно мы себе это воображаем! — танцорами с гитарами и кастаньетами, крестьянками, нищими в лохмотьях, миловидными девушками, и кажется, будто эхом разносятся их то грубоватые, то резкие, то томные голоса. Скарлатти счастлив, весь двор слушает, очарованный и изумленный...

ГЕНДЕЛЬ

«Знаменитый саксонец», как называли Генделя в Италии, когда он путешествовал там, родился в Галле, а умер в Англии, где провел большую часть своей жизни.

Широту генделевского гения, разнообразие его вдохновения, излившегося то с радостью, то с меланхолией или нежностью, можно почувствовать всего лишь по нескольким штрихам его буквально львиной хватки. Он был не только одним из самых ярких композиторов своего времени, но и несравненным виртуозом в игре как на органе, так и на клавесине. Надо сказать, этот двойной дар был широко распространен среди всех великих композиторов той эпохи. Потому-то их произведения написаны с таким совершенным знанием инструментов, для которых они предназначались. Гендель раскрыл богатейшие возможности клавесина, словно прикоснувшись к нему волшебной палочкой. С невиданным блеском развернулись пассажи, побежали гаммы, в сверкающие золотые потоки превратились аккорды и арпеджио, басы зазвучали будто колокола.

К сожалению, выразительность музыки Генделя порой нивелируется из-за чудовищных по величине хоровых масс,

привлекаемых для исполнения его опер и ораторий. Генделя часто превращают в каменную глыбу. Последняя ария из его оперы «Ацис и Галатя» напоминает мне заключительную главу «Рождения Дня» Кошетта. Обе они ступают неспешно, полны значительности и с неколебимой логикой движутся к концу. «Ацис и Галатя» — это пастораль, «очаровательная пастораль», как сказал бы сегодняшней слушатель. Все так, но гений Генделя сделал ее божественной...

(Наследие Генделя весьма обширно. Им написано большое количество монументальных произведений — опера (36), ораторий и од (28), а также камерных — концертов для органа, кантат, сонат для различных инструментов. Значительное место в нем занимает клавесинная музыка. Долгое время она почти не звучала: с ней произошло как раз то, о чем я уже говорил, — она потеряла свое очарование, перенесенная на рояль. Теперь же, когда благодаря усилиям Ландовской клавесин вернулся на концертную эстраду, пришло подлинное возрождение и клавесинной музыки Генделя.)

Первое собрание клавесинных сюит Генделя было озаглавлено по-французски: «Сюиты из пьес для клавесина, сочинены Г. Ф. Генделем. Том первый, Лондон. Напечатано для автора».

Опубликованное в 1720 году, десять лет спустя после отъезда композитора из Италии, это первое собрание является единственным, награвированным под личным наблюдением самого Генделя. В силу этого оно оказывается уникальным документом, к тому же очень точным — в 1733 году издателем Уолшем было издано множество пьес Генделя без ведома композитора и под апокрифическим заглавием «Второе собрание». В кратком предисловии к первому сборнику Гендель говорит: «Я вынужден был опубликовать некоторые из нижеследующих уроков, поскольку сделанные тайком и неточные копии их получили хождение за границей. Я добавил несколько новых пьес, чтобы собрание это дало больше пользы, и если это будет принято с благосклонностью, я по-прежнему буду публиковать их еще и еще, почитая это моим долгом, и буду малым талантом моим служить нации, удостоившей меня столь великодушным покровительством».

БАХ

В XIX столетии в Бахе предпочитали видеть суровость готики. Но как же быть тогда с Прелюдией си бемоль мажор, Фугой ре мажор из I тома «Хорошо темперированного клавира» или с каденцией из пятого Бранденбургского концерта?

Сегодня в Бахе ценят и видят только барокко. Готика забыта.

А истина заключена в том, что Бах никогда не переставал быть человеком. Что, слышом много? Нет, именно так. Порой он подавлял своей силой, но часто был и совершенно простым. Потому-то мы его и любим. Ария о разуме из «Страстей по Иоанну» — это истинное чувство несчастного существа, находящегося в отчаянии от угрызений совести и потерявшего разум из-за своего предательства. Ария о любви из «Страстей по Матфею» — это поток слез, а «Голгофа» заставляет нас содрогнуться от ужаса.

Бах понимает все; все находит отклик в его душе; и пасторальная жизнь, и атмосфера деревенской ярмарки, и величие готики, и смирение грешника, коленапреклоненно кающегося в своих грехах. Все близко Баху, и все в баховской музыке близко нам, нашей жизни, нашему страданию, отчаянию, блаженству. Бах никогда не поднимается на кафедру, чтобы оттуда поучать или увещевать.

Не забудем, что Бах был крестьянином, и это чувствуется в каждой ноте его музыки при всей ее глубочайшей искусности. Однако хотя он и крестьянин, но крестьянин образованный. Его искусству душно в консер-

ваторских классах и концертных залах.

Почему в самом деле мелодия даже столь прекрасная, как, например, у Шопена, может в конце концов наскучить, тогда как мелодия Баха удовлетворяет даже самым придирчивым вкусам? Это потому, что в баховской музыке заключено нечто непреходящее, что-то такое, что заставляет нас желать слушать ее вновь и вновь. И это хотя бы на мгновение дает нам возможность почувствовать вечность.

1685 год обогатил человечество великой трицей — Генделем, Бахом, Скарлатти.

Гендель родился 23 февраля в Галле, Бах — несколькими неделями позже — 21 марта в Эйзенахе, а Скарлатти явился на свет 26 октября в Неаполе.

Знали ли эти трое друг друга? Гендель впервые поехал в Италию, когда ему был 21 год. Он стал другом Алессандро и Доменико Скарлатти, постоянно посещал музыкальные вечера.

Во время одного из таких вечеров возникла мысль организовать конкурс между Генделем и Доменико Скарлатти. В то время, как «знаменитый саксонец» проявил свое великолепное искусство в игре на органе, демоничный неаполитанец превратил в детскую забаву невероятные трудности, продемонстрированные им на двойной клавиатуре клавесина.

Ошеломленное жюри, позабыв свои обязанности, превратилось в восторженных слушателей, боявшихся единственно лишь того, что эта захватывающая дуэль закончится. Скарлатти первый великодушно признал победу Генделя на органе. Позже, в 1720 году, оба музыканта вновь встретились в Лондоне по случаю представления «Нарцисса» — оперы Скарлатти, успех которой, впрочем, был довольно скромным. Но еще многие годы спустя — почти сорок лет — братья Пласс, знаменитые гобоисты, будучи проездом в Мадриде и встретившись со Скарлатти, рассказывали потом, что каждый раз на выражения их восторга по поводу его игры Доменико вспоминал Генделя и крестился при этом...

Стойкий и страстный титан, пронзительный и неутомимый, Бах всегда пестовал свой дар и добывал себе музыкальную пищу всюду, где, как ему казалось, она достаточно хороша, чтобы обогатить и укрепить его натуру. Отригнув мирскую суету, он проникся пониманием самой сути бытия.

«Бах испытывал огромное уважение к Генделю и часто выражал желание встретиться с ним лично», — писал первый биограф Баха Форкель в своей книге о композиторе. «Так как Гендель тоже был великолепным клавесинистом и органистом, — продолжает он, — то многие почитатели музыки в Лейпциге и его окрестностях очень хотели послушать этих замечательных музыкантов вместе. Но у Генделя никогда не было времени для такой встречи. Он три раза приезжал из Лондона в Галле, свой родной город. Во время его первого приезда, примерно в 1719 году, Бах жил еще в Кетене, находящемся на расстоянии всего-навсего четырех миль от Галле. Он сразу же узнал о прибытии Генделя и, не медля ни минуты, отправился в Галле, чтобы нанести ему визит. Но именно в день его приезда Гендель снова покинул Галле. Во время второго приезда Генделя в Галле (между 1730—1740 годами) Бах жил уже в Лейпциге, но в это время был болен. Однако, как только он узнал о приезде знаменитого музыканта, он послал своего старшего сына, Вильгельма Фридемана, в Галле с поручением самым вежливым образом пригласить Генделя к себе в Лейпциг. Гендель очень сожалел, что не может приехать. Когда же Гендель в третий раз посетил Галле (в 1752 или 1753 году), Баха уже не было в живых».

Обвинять Генделя в равнодушии к его великому современнику было бы несправедливо. Мы можем лишь сожалеть о том, что эта встреча не состоялась.

ПОЭЗИЯ УЧИТИ У

Евгений ВИНОКУРОВ

Нужна ли поэзия? Многие отвечают: нужна. М. М. Коцюбинский же сказал: «Без поэзии жизнь — преступление». Это самый прямой ответ.

Поэты — маяки, оглядываясь на которые живут народы. Мы говорим: «Мы нация Пушкина»; англичане говорят: «Мы нация Шекспира».

Влияние поэзии на жизнь огромно и многообразно. Когда поэзия есть, она может некоторыми и не замечаться, но, когда ее нет, люди задыхаются. Правда, встречаются индивидуумы, враждебные поэзии. У Федора Достоевского в романе «Братья Карамазовы» есть тип — Смердяков, глубокое воплощение земной пошлости и лакейства, он не понимает поэзии: «Это чтобы стих-с, то это существенный вздор-с. Рассудите сами: кто же на свете в рифму говорит?»

Попробуйте вынуть поэзию из веков. Чем меньше поэзии, тем больше пустоты. Я бы сказал, что поэзия — это последовательные работы, предпринимаемые человечеством по преодолению смерти.

В то же время очевидно и глубоко влияние самой жизни на развитие поэзии, влияние, обусловленное непрерывным изменением мира. Каждый прошедший день, час и даже мгновение, не только количественно, но и качественно изменяя жизнь, подготавливают почву для прорастания нового. И пусть эти изменения не всегда зрими, порой даже неуловимы, но все же они есть, и в этом залог прогресса. Накапливаясь по крупицам, эти микроскопические сдвиги достигают в какой-то момент определенной величины и рождают новые ритмы. Как следствие, появляются поэты с новыми интонациями, с новым видением мира — рождается новая поэзия.

Говоря о взаимодействии поэзии и жизни, я бы хотел подчеркнуть такой момент. Первоначально жизнь формирует поэта в соответствии со своими законами и требованиями. Будучи сформированным, поэт, в свою очередь, как бы высвечивает, проявляет внутреннее содержание мира и создает тем самым предпосылки и даже необходимость для его изменения. Поэт — это зеркало, а мир — человек, создавший зеркало и впервые увидевший в нем себя. Что-то ему не нравится, чем-то весьма удивлен, что-то печалит, а что-то радует, но так или иначе, увидев себя со стороны, он непременно начинает меняться, и в лучшую сторону.

Этот процесс, процесс взаимовлияния и взаимодействия, непрерывен, он начинается с рождением поэта и длится до самого последнего дня.

Поэзия действительно учит, но она и сама учится у жизни, она создается жизнью, но, будучи созданной, делает ее более прекрасной.

Воздействие поэзии имеет еще одну сторону. Каждый начинающий поэт на заре своего творчества неизбежно ориентируется на опыт предшественников. Поэты отдают миру не только свой талант, но и принимают непосредственное участие в формировании новых поэтов, а значит, и новых талантов, и в этом смысле на них лежит большая ответственность. Во многом от нас самих зависит, какой будет наша смена. Настоящий поэт — это человек, написавший хорошую книгу стихов и воспитавший хотя бы одного достойного ученика. Отношение к молодому таланту должно быть крайне чутким и бережным. Совсем не просто из еще несмышленного росточка вырастить целое дерево, и очень легко невнимательным отношением, неумением, а порой простым нежеланием понять чужое искусство, убить поэзию в зародыше.

Каждый раз, предвдвая стихи молодых поэтов, я с благодарностью вспоминаю Илью Григорьевича Эренбурга, представившего в послевоенные годы на страницах журнала «Смена» мое раннее творчество. С тех пор прошло много лет, не раз мне самому доводилось знакомить читателей с начинающими поэтами, но память об этом событии дорога мне особенно.

Встречаясь с молодым дарованием, я прежде всего исхожу из того, что передо мной сложный, глубокий и очень ранимый мир. Мир всегда неожиданной и своеобразной, вот почему мне нравится работать с молодыми поэтами. Для меня общение с ними — процесс отнюдь не односторонний, это процесс взаимного обогащения.

В нашем молодом поколении меня радует образо-

ванность, серьезное отношение к слову, образу, традициям. Позволю себе назвать несколько имен. К. Войткевич — ее стихи посвящены русской природе. Они отмечены оригинальностью и особым эстетическим чутьем. Знание русского зодчества помогает молодой поэтессе в ее интересной работе со словом. Н. Габриэлян — она связана с традициями армянской поэзии, хотя пишет по-русски. Она предпочитает краски резкие, контрастные, как на полотнах Мартироса Сарьяна. Даровиты и требовательны к себе молодые поэты: москвичи Е. Славосорова и Г. Калашников, Т. Филатова из Киева, Л. Алзоева из Улан-Удэ, Э. Блинова из Казани. Все они мои ученики по «Зеленой лампе». Хочу отметить и работу Ю. Голицына — моего ученика по Литературному институту. Мне нравится самолюбное творчество Н. Труевцевой, с интересом слежу за работой московского поэта Л. Володарского...

Я очень рад, что связан с молодыми поэтами. Многому учусь у них. Иногда мне кажется, что не только военное и послевоенное поколение, но и в такой же степени нынешнее поколение — моя подлинная поэтическая родня.

В то же время не могу не отметить определенные недостатки нашей молодой поэзии. Ее средний уровень достаточно высок. Успехи ее несомненны. И тем не менее велик поток серых стихов. В чем же тут дело?

Одной из причин, на мой взгляд, является фактографичность. Уровень стихотворной техники позволяет довольно умело описывать предметы, не проникая в сущность явлений, не выявляя закономерностей.

У некоторых молодых поэтов нет своего взгляда на мир, своей единой связующей мысли. Мир распадается на отдельные вещи, единичные факты. Фактов, не объединенных единой мыслью, сколько угодно; факты будут убивать факты, противоречить друг другу, ведь вещь сама по себе ничего нам не говорит.

В «Философских тетрадях» Ленина приведена цитата из Гегеля: «...Познание, желающее брать вещи так, как они есть, впадает при этом в противоречие с самим собой». Ленин на полях пометил: «Очень верно!»

Подлинная поэзия одаряет нас внезапной способностью увидеть мир как целое. У каждого истинного поэта есть свое видение мира. По своеобразию этого видения и оцениваются художник, его величина, его место в поэзии. В основе индивидуального видения мира лежит личность поэта. Я бы сравнил стихи с металлическими опилками. Должен быть невидимый магнит, к которому они все могли бы притягиваться, собираться вместе. Этот невидимый магнит — личность поэта, которая сообщает единство всему написанному, придает какой-то порядок, лад, строй разрозненным стихотворениям: если ее нет, то и нет собственно картины, а есть какие-то фрагменты, не складывающиеся ни во что.

Художник должен быть самим собой. Ему не следует стремиться создать во что бы то ни стало новое, не это цель, задача в другом. Быть самим собой, а это всякий раз подвиг, всякий раз труд.

Эдуар Мане, один из основателей импрессионизма, так писал о себе в каталоге выставки 1867 года: «Г-н Мане вообще не собирался протестовать. Наоборот, протестовали другие, выступая против него... Г-н Мане всегда признавал талант там, где он есть, и никогда не претендовал на то, чтобы уничтожить прежнюю живопись или создать новую. Он просто хотел быть самим собой, а не кем-либо другим...»

Художник идет не куда-то спортивно вперед, по горизонтали, а внутрь — по вертикали. «Быть самим собой» — вот вечная, вполне выполнимая и все же до конца невыполнимая в истории поэзии задача.

Именно потому, что не всегда удается найти себя, так монотонно однообразны выходящие сборники многих молодых поэтов. А ведь эксперимент, поиск, желание сойти с накатанных рельсов, пошевелить плечами, чтобы ощутить свободу в движении, — все это свойственно молодости. Без риска, без художественного риска поэтических побед быть не может. Вот почему мне очень нравятся стихи молодого московского поэта Карена Джангирова. Он смело пишет, так, как до него в нашей поэзии не писал никто. На творчестве этого поэта я хочу остановиться.

В его стихах меня прежде всего привлекает яркое сочетание парадоксального мышления и своеобразного видения мира. Не случайно, что основная форма выражения его поэзии — верлибр, белый стих. Мне кажется, что именно свободная манера стихосложе-

ния позволяет улавливать и фиксировать тончайшие всплески самых разнообразных настроений. Каждое стихотворение — мгновенный слепок сложного, глубоко сокровитного мира. Одной из основных особенностей стихов является их редкое взаимодействие. Иначе говоря, после прочтения одного стихотворения мы глубже воспринимаем другое, которое, в свою очередь, подготавливает нас для более тонкого восприятия последующего. И это взаимодействие, на мой взгляд, явление даже более ценное, нежели просто цельность творчества. Стихи Джангирова — это изящные маленькие кубики одного и того же здания очень хрупкой конструкции. Здания, которое совсем не просто увидеть, только под определенным углом перед нами постепенно вырисовывается, проступает его очертание, подчас самой неожиданной формы. Малейшее изменение угла, малейший уход в сторону — и видение исчезает, оставляя странное ощущение срыва. Я думаю, что это объясняется самой природой творчества — непрерывное балансирование на тонкой, почти невидимой грани, по одну сторону от которой Смысл, по другую — Ничто. Поэт отнюдь не уничтожает смысл, он преодолевает его путем умышленной деформации и рассеивания внешней оболочки образов. Смысл его поэзии — это смысл ветра, снега, дождя... А какой смысл дождя? Не знаю, но если он есть, то он прекрасен! И это качество поэзии — состояние невесомости между двумя полярностями — я отношу к несомненным ее достоинствам, во всяком случае, это гораздо интереснее версификационного подхода, умозрительности и примитивизма, присущих многим молодым поэтам.

Другим достоинством поэзии я считаю разработку ритмического поля в пространстве между свободным и белым стихом. Вообще находки в области ритма занимают значительное место в его работе. Не применяя изъезженных ритмов, используя самые разнообразные (порой это гармонически сконструированная аритмия), он как бы сгущает, уплотняет до предела и без того насыщенную внутренность стиха, создает благоприятные и, быть может, единственные русла для свободного течения образов.

Хочу отметить еще одну черту в его творчестве. Мне кажется, что он никогда не начинает писать, не представляя заранее (хотя бы отдаленно) конечного результата. Только уловив пуск еще неясную, но все же суть, он приступает к работе. В основе каждого стихотворения лежит какое-то зерно, какая-то точка отсчета, а точнее, даже точка завершения. Я думаю, что очень часто именно последние строчки стихов являются в определенном смысле началом его работы. Он, как бы просветив, увидев на миг лежащий в окрестности мир, начинает кружиться, собирая по пути едва уловимые подробности, и при этом равномерно сужает круги. В этой связи да и, пожалуй, для всего его творчества очень характерно одно из недавно опубликованных в альманахе «Поэзия» стихотворений, которое уместно здесь привести.

*Как раненный звездами коршун,
припадая на правую ногу,
он валочится кругами по комнате
вокруг деревянного столика,
на котором в сверкающей вазе
покоится круглое яблоко,
он в руки берет это яблоко
в десятый,
а может, в двадцатый,
а может, и в сотый раз,
чтоб еще раз,
еще
и еще
убедиться в его округлости.*

Подводя итоги, я бы сказал следующее. Резко выраженная индивидуальность придает стихам некоторую сложность. Однако сложность в поэзии бывает двойного рода. Это может быть нарочитая, искусственная, придуманная сложность, напоминающая жонглирование пустыми гириями. Сложность же молодого поэта — это сложность совершенно другого рода, сложность, идущая от глубины личности автора, от невозможности писать иначе. Стихи — это прежде всего средство для выражения личности. Поэт делает очень трудное дело, трудное потому, что все новое всегда утверждается с трудом, к тому же верлибр, да и белый стих мало свойственны самой природе русского стихосложения, и все же я верю, что и такая поэзия будет оценена читателями «Смены» по ее высокому достоинству.

ЧИТСЯ

Евгения СЛАВОРОСОВА

Нина

«Уж и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!»

Надпись, сделанная Ниной Грибоедовой на могиле мужа. ❀

Чуть пригубила месяц медовый—
Не качать тебе русского сына.
Из невесты влюбленной—во вдовы.
О грузинское деревце—Нина.

Словно демона гордые крылья
Унесли ее к горной вершине—
Называл он «Мадонной Мурильо».
В черном платье невеста отныне.

Улыбалась женою живою,
Не умевшей еще целоваться,—
И оплакала юность вдовой,
Обвенчавшейся с горем в шестнадцать.

Бал вершит Натали Гончарова...
Но, как лезвие сабли старинной,—
Беспощадна, светла и сурова
В своей страсти и верности Нина.

Изуверская мечь Тегерана
Кровь поэта алмазом оплатит.
Кто узнает, какого чекана
Сердце девочки в траурном платье?

В небе след затерялся орлиный,
Не сбывается счастье на свете.
Но любовь бесконечная—Нина—
Неподвластна забвенью и смерти.

Эльмира БЛИНОВА

Злой гусь, важный гусь,
что ты всех пугаешь?
Все равно я не боюсь.
Зря воображаешь!

Ты зачем прохожему
не даешь проходу?
Не хочешь по-хорошему?
Хочешь по-плохому?

Глупый гусь, толстый гусь,
уйди с тропинки!
А не то как рассержусь,
а не то как размахнусь,
к толстой спинке приложусь
тонкой хворостинкой!..

Нина ГАБРИЭЛЯН

Черепаха

Там, где солнцем лиловым залита
Воспаленная тишина,
Как обломок времен неолита,
Неподвижно лежит она.

И на панцирь ее широкий
Солнце сыплет свой жаркий прах.
Словно чей-то вздох одинокий,
Куст чернеет в белых песках.
Здесь когда-то смеялись дети,
Здесь когда-то цвело бытие...
И хрустят позвонки столетий
Под тяжелой лапой ее.

Эти камни шершавые трогаю теплой рукой,
Эти камни, что солнечной желтой печалью согреты...
Говорю: «Погоди, ну, побудь хоть немного со мной
На исходе восточного нежно-тягучего лета».
Говорю: «Погоди, ведь еще не созрел виноград,
Он нальется еще лиловой тугою прохладой.
Посмотри, еще персик томлением смуглым объят
И пока далеко до поры листопада.
Ты успеешь еще возвратиться в свой город сырой,
Надышаться своей одинокой холодной свободой.
А пока погоди и побудь хоть немного со мной
Под младенчески древним, под ласковым небосводом...»

Карен ДЖАНГИРОВ

С каждым годом и днем
его все сильнее снедает
необычно глубокая зависть к деревьям—
ему страшно хочется сделаться деревом,
чтоб иметь свое точное место в пространстве,
удлиниться навстречу звездам,
а птицам давать убежище...

«Дерево!—говорит он себе.—
Это точка отсчета блуждающей мысли,
это высший предел существующей грусти и это
идеальная форма молчания!»

Он начисто чистого смеха лишен,
когда он смеется, всем кажется, будто
хихикает множество маленьких гномов,
роняя на землю стеклянные шарики
по тонкой сверкающей нитке, однако
никто и не знает, что шарики эти
имеют соленый привкус.

Однако

Он очень силен.
Он очень умен.
Он просто велик.
Он настолько велик,
что им даже можно гордиться, однако
посмотрите, какой же он маленький
под взглядом летящей птицы.

И странные эти звуки
казались полночной музыкой,
но это совсем не музыка,
нет, это совсем не музыка,
а просто меж ним и миром
по звонкозвонящей струне
гуляет во тьме крошечной
осенний дождливый клоун—
он все это время молча,
с унылым и грустным видом
туда и обратно ходит,
как сон!

Когда на земле наступает апрель,
он каждое утро по кубику неба
кладет на ладонь, вычисляя при этом
степень синего цвета, и только тогда,
когда небеса наконец достигают
синевы ее глаз, он выходит в пространство
и объявляет весну!

Корнелия ВОЙТКЕВИЧ

Зима. Декабрь. Дух лимона
Примешан в воздух и мороз,
И в иней на стекле оконном—
В сухую россыпь колких звезд.

Белеет пустошь. Лишь кустарник,
Трав обветшалых сухостой
Ржавеют. И гремит татарник
Меж низким небом и землей.

Так тихо в доме—не прибавишь
Веселья в заведенный ход.
Но слышно: кто-то легкость клавиш
Рукой задумчиво берет.

Чтение

А в сумерках так хочется читать,
зарыться в текст темно и потаенно,
вникая в типографскую печать,
содержимую в веке отдаленном.
Заглавных букв растительный узор
витиеват, запутан и объемен,
большой орфографический простор
наборщиком однажды был построен.
Грамматики невинен алфавит,
ничто не причиняет беспокойства,
казалось бы, но мучиться велит
соединенных букв простое свойство.
О письменности, рожденные тобой
каракули на камне и бумаге
сродни призыву устремиться в бой,
потворствуют надежде и отваге.
Сухая береста в надрезах букв
и горьким дымом веющий папирус
что есть? Лишь неизбывность чьих-то мук,
сомненья червь и откровений вирус.
Так берегитесь заболеть не в срок,
впадая в жар, в беду и лихорадку,
рискуя отведать неизвестных строк
какой-нибудь затерянной тетрадки,
которую найдешь на чердаке
под пыльной и забывчивою кровлей.
Так невесомо припадет к руке
жизнь на бумаге,
залитая кровью.

Геннадий КАЛАШНИКОВ

Попробуй Расскажи
о том, как нынче жив,
и в слово подмешай живой немного крови,
о том, как час назад
вдруг хлынул листопад...
Смотри, уже октябрь—насупленные брови.
Приметы октября
как будто якоря
ржавеют среди листвы, и небо на приколе.
Крыльями машет клен
и, чем-то удручен,
листву свою швыряет в чисто поле.
А там за окружной
веселой рыжиной
леса горят и светятся лимонно.
Чертановский бетон
открыт со всех сторон
ветрам извилистым и влаге воспаленной.
И здесь моя родня—
речушка Городня,
что теплится едва в овраге под горою—
железо, хлам, мазут,
но в ней нашли приют
и утка серая, и селезень с зеленой головою.
Пойдем скорей, мой сын,
их хлебом угостим,
мы побредем с тобой вдоль тихого течения,
по склону вод пойдем
и, может быть, поймем
смысл осени, ее негромкие реченья.
Услышим клена лист
и сильный тонкий свист
косых утиных крыл в стремительном полете.
Пойдем, сынок, с тобой,
гульз шепчет под стопой
трава холодная в неяркой позолоте.

СПОРИТЬ С СУДЬБОЙ

В «Смене» № 2 за 1985 год мы опубликовали письмо Галины Азаровой «Трудом наполнить жизнь». «Если для здоровых людей труд — насущная потребность», — писала Галина, — то для инвалидов он статья особая... не только общественно полезная деятельность и способ получения зарплаты — это и главный источник нравственного удовлетворения. Мы хотим работать. И можем. Особенно молодые. Но не всегда инвалидам удается найти подходящую работу». Галина Азарова предложила тему для обсуждения: почему бы в качестве эксперимента не создать — пока в рамках области или республики — общественно-производственную организацию инвалидов наподобие общества слепых, которая помогала бы им решать проблемы трудоустройства, быта, досуга, лечения и т. д.

Публикация письма вызвала большой читательский интерес. Сегодня мы представляем лишь малую часть читательских откликов.

Вот уже более десяти лет я инвалид после несчастного случая. Одна воспитываю дочь. Образование — финансово-экономический техникум и такой же институт. А работаю швейей-надомницей. Как надоело вариться в собственном соку!.. Чувствую, что могла бы дать обществу больше пользы, если бы работала бухгалтером в любой организации. Но беда моя в том, что вблизи моего дома нет ни сберкассы, ни почты, где я могла бы работать. Мне нужна работа (любимая!), общение с людьми, коллектив. И если действительно где-нибудь был бы производственный комплекс рядом с жильем — для инвалидов — я бы с удовольствием пошла туда работать.

М. ШТОИДИНА,
Ростовская область, г. Каменск

С детства от мира меня отгораживают четыре стены. Вот уже двадцать четыре года я мечтаю вырваться из этих стен, слиться с миром, жить насыщенной жизнью. Как непросто сориентироваться в окружающем мире, отыскать нужные пути! Организация общества инвалидов, мне кажется, поможет многим. И жить, и работать. А быть полноправным членом общества, жить для людей — это самая большая мечта моя.

Г. МИХЕЕВА,
Марийская АССР, Советский район,
п. Алексеевский

С каким трудом нам удается поступить в вуз, учиться там, чтобы получить любимую профессию! А потом, когда заканчиваем и кажется, что трудности позади, на самом деле они только начинаются: сложно устроиться на работу. Легко впасть в отчаяние. Существует же немало специальностей, когда и здоровые люди работают дома. Вполне можно было бы создать Дом быта, где мастерами были бы инвалиды. Среди инвалидов есть прекрасные часовщики, радиотелемастера, переплетчики, автомеханики... Ведь это квалифицированный труд, который может принести и радость, и удовлетворение, и счастье общения с людьми. Итак, мы — за общество инвалидов!

И. ГЕРАСИМОВА,
Москва

Нашим облсобесом уже несколько лет ведутся разговоры о создании молодежного отделения инвалидов, но до дела так и не доходит. А ведь создать молодежные отделения не так уж трудно, ведь есть условия, есть. Нужно выделить помещение под мастерские, где могли бы работать не только мы, но и

инвалиды, живущие дома. Была бы работа — немало инвалидов из сельской местности (где им найти работу крайне трудно) могли бы переехать в такие дома.

А уж о досуге молодежи в домах инвалидов, особенно в зимнее время, говорить не приходится: все сводится к чтению книг и просмотру телепередач. С боем добиваемся посещения друзей и родных. Никто не хочет понять, что мы хотим общения, работы! Хотим полноценной жизни. Хотим жить, а не доживать.

Очень интересное предложение внесла Галина Азарова. Мы его полностью поддерживаем!

С. ШИГАРЕВ,
Иваново

Особо следует остановиться на вопросе о создании молодежных домов инвалидов или хотя бы отделений. Очень тяжело с моральной точки зрения молодым людям находиться все время рядом со стариками в домах престарелых и инвалидов. Хочется, чтобы Минсобес обратил на этот вопрос пристальное внимание.

О. ХРЕННИКОВА,
Тамбовская область, Ржаксинский район,
с. Александровка

К сожалению, молодежные инвалидные отделения существуют в основном на бумаге. У нас тоже по отчетам проходит такое отделение в городе Рязань. Но поезжайте туда, и вы увидите, что это не так.

Я — за создание общества инвалидов. Если надо, готова всеми силами содействовать этому у нас в области.

А. ШЕЛКОВА,
Рязань

Только труд, труд творческий, особенно если он соприкасается с прекрасным (как, например, художественные ремесла), пробуждает сознание своей общественной полезности и заставляет отступить беду. Мишель Монтень писал: «Страдание занимает в нас столько места, сколько мы ему отводим».

Очень важно как можно раньше начать правильное трудовое воспитание инвалида. Если упустить момент, то возникает иждивенческое настроение, жизненная активность резко падает, инвалид начинает вести «растительный образ жизни».

Л. ЧЕРЕМНЫХ,
Кемерово

Мне 26 лет, с 19 я инвалид I группы (травма и перелом позвоночника). Но все дело в том, что я не хочу быть инвалидом. Я даже стесняюсь сказать, что я инвалид, когда вызываю врача. Но это не главное. Есть вещи поважнее. Я не хочу чувствовать себя инвалидом, не хочу вызывать у людей жалость. Я хочу работать! Человеку нельзя думать, что впереди ничего не ждет и ты никому не нужен...

А. РОГАЛИН,
Магнитогорск

Создание общества инвалидов, основанное на трудовой деятельности его членов, мне кажется, выгодно государству. Освободятся какие-то средства, отпускаемые на содержание инвалидов, откроется еще один трудовой резерв, пусть небольшой по отношению к основной рабочей силе страны, но и немалый. А затраты на строительство жилищно-производственных комплексов окупятся. Думаю, если провести анкетирование инвалидов с целью выяснения, хотят ли они жить в таких жилищно-производственных комплексах, в основном они дали

бы свое согласие и поддержали бы это начинание. Хорошо бы в качестве эксперимента построить первый комплекс вблизи от действующих предприятий (к примеру, по производству электронной аппаратуры). Хотелось бы, чтобы по этому поводу высказались специалисты различных отраслей промышленности, в частности, приборостроения, точной механики, электроники. Создание общества инвалидов — дело очень серьезное и требует тщательного обсуждения, исследования всех точек зрения, пренебречь этим — значит не быть подготовленным к будущим трудностям, которые неизбежно возникают в любом деле. Я с надеждой и оптимизмом смотрю в будущее.

Н. ВИКТОРОВ,
Тюменская область, Тобольский район,
пос. Михайловка

А когда же наконец инвалиды получат удобные коляски и кресла? Мы научились выпускать шагающие игрушки, а для людей, прикованных к постели, не можем сделать что-либо подобное. Ведь жизнь одна! И хочется побольше подышать воздухом, почитать в тени деревьев, но увы... многие инвалиды не могут ходить, а средства их передвижения такие неудобные!..

Т. АСТАПИНА,
Комсомольск-на-Амуре

Несколько лет назад заболели у меня ноги. Сначала ампутировали одну, я стал работать надомником, потому что без работы не могу. Дело не в деньгах, моральное состояние не заменишь никакими деньгами. Через два года — ампутация второй ноги; дали мне первую группу. Просил врачей разрешить мне работать — безрезультатно. У меня ведь остались голова и руки!..

Теперь скажу о своем средстве передвижения. Эта коляска, как говорится, ни в одни ворота не проходит, очень громоздкая, в ванную, в кухню, на балкон на ней не заедешь. Я отдал бы многое за то, чтобы обладать хорошим средством передвижения.

Н. БОЛЬШАКОВ,
Москва

Хотя в 1977 году врачи дали мне вторую группу инвалидности, от работы я не отказался. Окончил техникум. Сейчас у меня пятый разряд слесаря. Работаю наравне с другими. Я не чувствую себя оторванным от общества — трудовая почва дала мне здоровье, я женился на любимой девушке, у меня растет сын. Активно занимаюсь общественной работой и даже... пишу стихи. Труд вернул меня к жизни. Нужно ли общество инвалидов? Конечно, нужно!

А. ЧЕКИН, Фрунзе

Я знаю, какие огромные усилия порой приходится затрачивать моим друзьям по несчастью, чтобы определиться в жизни. А между тем оторванность от жизни, недостаток общения, пассивность и иждивенчество, на которые обрекает многих из нас теперешнее положение, нестерпимы. Поиск выхода из этого круга приводит к почти стихийному возникновению товариществ, клубов по переписке. Но возможности их невелики. Очень часто выручает комсомол, помощь местных партийных органов, но полностью это проблемы далеко не решает. Если перечислять все наши трудности, понадобится много бумаги. Но бумага терпит. Труднее терпеть живым людям. Кто лучше, чем мы сами, сможет решить эти проблемы? Общественно-производственная организация предоставит нам такую возможность. Для решения этого вопроса необходимо привлечь широкий круг специалистов: работников собеса, Госкомтруда, руководителей производств, на которых используется труд инвалидов, медиков, социологов... Журнал мог бы организовать такое обсуждение. Проблема стоит того.

Мы хотим активнее участвовать в жизни общества. Природа поставила перед нами достаточно непреодолимых преград, и пора уже выяснить, что преодолимо.

А. ТКАЧЕНКО,
Днепропетровск

Я инвалид с детства. Училась дома. Вот уже три года, как я работаю на дому — вяжу шерстяные вещи. Когда вижу свои изделия на людях, чувствую необыкновенную радость. Когда я лежала без дела, у меня не было веры во что-то хорошее, не было смысла в жизни. Но я решила спорить с судьбой, научилась вязать, стала работать, и это дало мне силы. Теперь я еще и учусь заочно в университете рисованию. Ко мне на курсы вязания приходят люди, и от этого я чувствую себя нужной. Я еще многих научу! Я даже не замечаю свой недуг, у меня трудом наполнена жизнь!

Т. БОГДАНЕУ,
Ровенская область

Искушенному в жанре приключенческой и научно-фантастической литературы читателю «Смены» предстоит приятное, не сомневающимся, знакомство с романом У. Котцвинкла «Ип». Жанр научной фантастики в последнее время идет по пути, если можно так выразиться, разветвления. В нем находят место и глубокое, смелое научное предвидение, и оценка прошлого, и проникновение в мир психических и психологических возможностей человека, и устремленность в иные миры бесконечной Вселенной.

Думаю, излишне объяснять, почему нам, космонавтам, научно-фантастический жанр близок и особенно интересен. Автору этих строк, сравнительно недавно испытавшему свои силы в этом жанре, хотелось поразмышлять над проблемами настоящего, особенно проблемами войны и мира, рассматривая их через призму будущего. О том же размышляешь, когда знакомишься с произведениями, которые так или иначе переключаются с твоими творческими замыслами.

«Ип» У. Котцвинкла я бы отнес к направлению, все настойчивее заявляющему о себе в научной фантастике и ставшему уже самостоятельным. Как назвать такое направление? Я назвал бы его **светлой фантазией молодости**. Светлой — потому что знакомство с такими произведениями радует и просветляет душу. Фантазией — потому что повествуется о событиях гипотетических. Молодости — потому что главными действующими лицами являются люди молодые.

«Ип» в этом смысле не одинок. Недавно мне довелось рецензировать сборник научной фантастики, объединенный темой борьбы за мир. В сборнике это направление представлено произведениями Шармана «Три желания», Уайта

«Маленькие люди на большой планете», Парджетера «Цвет свободы и траура», Шекли «Проблемы охоты», Хендерсон «Подкомиссия». Как и в «Ипе», в ряде этих произведений действуют дети с их непосредственностью, пылкостью ума, добротой, умением бесхитростно объединиться и бескорыстно помочь.

Может быть, «Ип» порой наивен, но и в этом наряду с очевидными литературными достоинствами его притягательная сила. Идеи гуманизма и взаимопонимания главенствуют в романе. Причем взаимопонимание автор распространяет на все окружающее: на космос, планету, людей, животных и растения. Софрикосновение с космосом, пока еще очень робкое, основано в его представлении на добрых отношениях с иным разумным, мудрым миром. Возникает многоплановая ситуация: мудрость чужого, много старше по возрасту, мира и детский разум молодого мира. Как же это правильно, ведь дети — ключ к взаимопониманию, а их мир от игрушек до понятий о добре и зле — ключ к познанию жизни в целом!

Нам, космонавтам, часто доводится встречаться с молодежью нашей страны и многих стран мира. Все наши встречи и

беседы проникнуты заботой о будущем, о сохранении мира на Земле, желанием работать, созидать, бороться против несправедливости, против милитаризации, против войн, атомных бомб, прочего страшного оружия. Все настойчивее звучат голоса о сохранении мирного космоса, все тверже — против «звездных войн». Разум человека любого возраста не приемлет «теории» неизбежности войны, дикой теории, пытающейся оправдать возможность уничтожения жизни на нашей планете, уничтожения самой планеты.

Скоро Москва примет на форуме молодости — Всемирном фестивале — молодежь земного шара. К нам придет молодежь, объединенная любовью к жизни, стремлением к дружбе, к борьбе за светлое будущее, к гуманизму, столь нужному сейчас всем людям Земли. Единение молодежи — это и есть воплощение мечты многих художников, творящих в жанре научной фантастики.

Этот жанр, и в частности роман «Ип», затрагивает и проблему взаимоотношений человека и машины. Как бы ни шагала вперед техника, какие бы сложные задачи ни решали компьютеры, ничто не заменит самого человека, нич-

то не подменит, говоря словами Котцвинкла, свет-его-сердца, ничто не отменит законы общечеловеческой нравственности.

В самом начале «Ипа», пронизанного к тому же и духом сатиры (ведь инопланетянин попадает в страну, где властвуют отнюдь не те идеи, которые способствуют единению людей), автор ставит точку над «i»: «Они (инопланетяне. — Ю. Г.) наблюдали Землю уже достаточно долго и знали, что для землян их прекрасный корабль прежде всего мишень, а сами они — материал для чучел, которые будут выставлены за стеклом на всеобщее обозрение». Жестоко? Да, жестоко. Но еще более жестоко характеризуют инопланетяне человека у Шекли («беспощадный зверь») и у Хендерсон («незнакомец — значит враг»). Писатели тем самым осуждают низменное в душах тех людей, чаще всего власть имущих, которые так же жестоки к инопланетянам, как и к своим землянам.

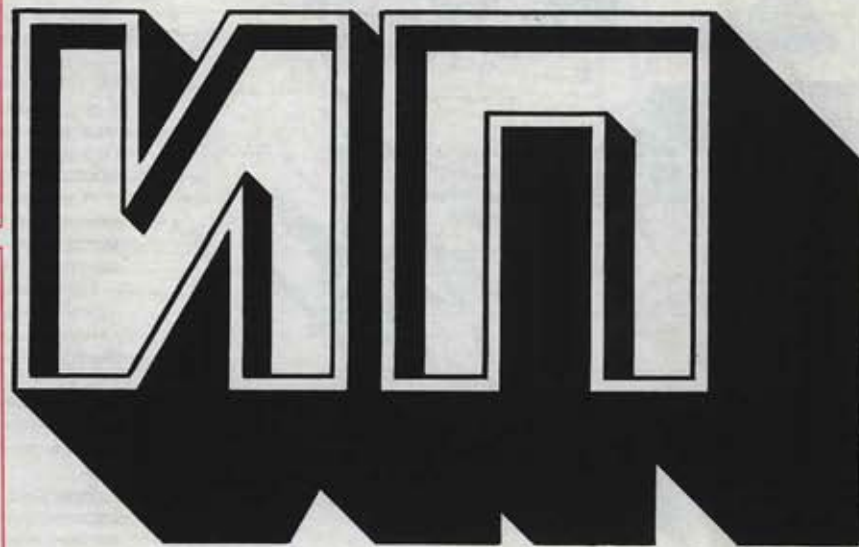
Некоторые западные писатели пессимистично рисуют будущее человечества. Котцвинкл же в «Ипе» — оптимист.

«Я буду здесь», — говорит Ип, показывая светящимся пальцем на грудь своего маленького друга-землянина. Ип уверен, что их дружба останется в сердце мальчика и в его сердце, несмотря на то, что миры, в которых они живут, разделяют многие миллионы километров. В этих словах звучат надежда и уверенность на взаимопонимание и дружбу, на **СВЕТ-НАШИХ-СЕРДЕЦ**.

Юрий ГЛАЗКОВ,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза

Литературный глобус «Смены»

Уильям КОТЦВИНКЛ

САТИРИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Зацепившись за поверхность Земли широким лучом бледно-лилового света, корабль повис над ней, слегка покачиваясь. Тот, кто случайно бы его увидел, подумал бы, наверно, что с ночного неба упало огромное елочное украшение; корабль был круглый как шар и отражал свет, а в опоясывавшем его тонком узоре было что-то готическое.

Открылся люк, члены экипажа, спустившись, разбрелись вокруг и теперь вонзали в землю какие-то инструменты, словно гномы работали в залитых лунным светом, окутанных туманом садах. Пастельный свет, исходивший от корабля, падал на гномов, и становилось видно, что это вовсе не гномы, а другие существа. И существа эти отличал интерес к ботанике, иначе бы они не собирали бережно образцы растений — цветы, мхи, кустарники, молодые деревца. И, однако, глядя на их уродливые по человеческим понятиям головы, болтающиеся длинные руки, круглые животы и несоразмерно короткие туловища, землянин подумал бы в первую очередь о гномах, но ни одного землянина поблизости не было, и похожие на гномов ботаники из космоса могли работать спокойно.

Однако стоило пискнуть летучей мыши, ухнуть сове, залаять вдали собаке, как они замирали испуганно. Дыхание их ухачалось, а от кончиков длинных пальцев рук и ног начинал подниматься туман, и этот туман их окутывал; тогда обнаружить их становилось очень трудно; даже в лунную ночь никто бы не заподозрил, что в тумане скрывается прибывший из седого космоса экипаж: обычная поляна, обычный туман.

С кораблем же, разумеется, дело обстояло по-другому. Огромные елочные украшения в викторианском стиле спускаются на Землю не так уж часто. Локаторы или другие средства наблюдения могут их обнаружить, и этот громадный елочный шар засекали. Уж слишком он был велик; лежи он на земле, виси на дереве ночи, при его размерах никакого тумана не хватало бы на то, чтобы его скрыть. Еще немного, и встреча произойдет. Уже мчатся машины, уже идет надбавка за ночную работу, люди переговариваются по радио, окружают гигантскую елочную игрушку со всех сторон.

Однако маленький экипаж старых ботаников не очень этим встревожен, во всяком случае, пока. Они

знают, что у них есть время, знают с точностью до мельчайшей мыслимой единицы. Они не в первый раз на Земле, ибо Земля велика и надо собрать множество растений, если хочешь, чтобы твоя коллекция была полной.

Они продолжали собирать образцы, а когда кто-нибудь из них с выкопанной из почвы Земли желанной добычей возвращался к кораблю, казалось, что это плывет небольшое облачко тумана.

Они поднимались вверх по трапу, к люку — и вот они уже внутри прекрасной елочной игрушки, в пастельном свете. Не обращая никакого внимания на чудеса техники вокруг, они проходили по пульсирующим коридорам и оказывались наконец в главном чуде корабля — в огромном храме земной растительности. В этой гигантской оранжерее были цветы лотоса из индийских лагун, африканские папоротники, крохотные ягоды из Тибета, кусты ежевики с обочины дороги где-нибудь в американском захолустье. Здесь было представлено по одному растению всех видов, какие только есть на Земле, или, точнее, почти всех, ибо работа еще не была завершена.

Все пышно росло. Окажись в этой оранжерее ученый из какого-нибудь большого ботанического сада Земли, он бы обнаружил здесь растения, которые до этого видел лишь отпечатавшимися в каменном угле. Он бы не поверил своим глазам, увидев живыми растения, которые служили пищей динозаврам, растения из первых садов Земли. От изумления он бы упал без чувств, и в сознание бы его привели травами из висячих садов Семирамиды.

По стенам стекала влага, в ней были растворены питательные вещества для бесчисленных образцов флоры, за которыми не видно было стен.

Вот один из ботаников сюда вошел, в руках у него какое-то местное растение, листья которого уже поникли. Он поместил растение в жидкость, и выиг

нул дальше по пульсирующему коридору и вышел через светящийся люк наружу.

Снаружи, под ночным небом, тело его опять выделило туман, и, окруженный этим туманом, он отправился за новыми растениями. Навстречу ему шел, возвращаясь на корабль с корнем дикого пастернака в руке, один из его собратьев. Взглядами они не встретились, зато произошло другое: у обоих разом грудь начала светиться, тонкую кожу пронизал идущий изнутри, с левой стороны груди, красный свет. Тот, что нес пастернак, продолжал свой путь к кораблю, а другой, который шел за новыми растениями, стал спускаться вниз по пологовому каменистому склону. Окутанный туманом, он вошел в высоту, с него ростом, траву и вынырнул уже на опушке рощи, под секвойями. Там, совсем крошечный рядом с огромными деревьями, он повернулся к кораблю лицом, и свет-его-сердца загорелся снова, будто сигнализируя кораблю, этой милой старой елочной игрушке, в которой ботаник летал уже много столетий. На ажурных галереях, в открытом люке над трапом засветились в ответ, словно светлячки, другие сердца. Удостоверившись, что спасительное убежище близко, и зная, что пока еще можно работать, ничего не опасаясь, он вошел в рощу.

Землянам облик его едва ли показался бы привлекательным, взяв хотя бы эти большие перепончатые ноги, что высовывались прямо из-под свисающего до земли живота, или длинные, как у обезьяны, руки. Именно поэтому он и его собратья уже миллионы лет, прилетая на Землю, держались в тени и никогда не были склонны вступать в контакт с кем-либо, кроме растительности. Они наблюдали Землю уже достаточно долго и знали, что для землян их прекрасный корабль прежде всего мишень, а сами они материал для чучел, которые будут выставлены за стеклом на всеобщее обозрение.

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

Поэтому инопланетянин пробирался крадучись, и его встревоженные глаза, большие и выпученные, как у огромной лягушки, зорко оглядывали все вокруг. Он знал, как мало надежды для такой «лягушки» уцелеть на городской улице. А передавать человечеству знания, выступая на какой-нибудь международной конференции землян, когда нос у тебя как раздавленная брюссельская капуста, а сам ты похож на грушевидный кактус вида «опунция», — об этом и речи быть не может. Пусть человечество учат другие, более похожие на землян гости из космоса. Лично его сейчас интересует только молодое деревце секвойи.

Добравшись до деревца, он оглядел его внимательно и начал выкапывать осторожно, бормоча на своем напоминающем стук камешков космическом языке диковинные, не по-земному звучащие слова; но маленькая секвойя, судя по всему, поняла, и, когда легла в большую морщинистую ладонь, состояние шока у ее корней сразу прошло.

Инопланетянин повернулся, и глаз его достиг слабый свет, свет огоньков поселка в долине за секвойями; эти огоньки давно уже вызывали у него любопытство и манили его, а ночь была последней, когда он мог рассмотреть их близко, так как через несколько часов ботанические исследования закончатся. Корабль покинет Землю и снова прилетит только тогда, когда в земной растительности произойдет следующая большая мутация, то есть не раньше чем через много столетий. Сейчас у него последняя возможность заглянуть в окна жилищ, где горят эти огоньки.

Он вышел крадучись из-под гигантских деревьев и очутился на склоне холма, у края грунтовой дороги, переходившей в лесную пожарную просеку. Задевая

животом низкий кустарник, он вышел на дорогу, пересек ее; на долгом обратном пути он расскажет товарищам о своем приключении, о том, как «опунция» отравила рассматривая желтые огни поближе.

Неслышно переставляя большие перепончатые ноги с длинными пальцами, он побрел по краю дороги. Увы, Земля оказалась для него местом далеко не идеальным; он был сыном планеты, где кругом вода и нужны как раз такие ноги, как у него.

Огоньки мерцали, и на миг, отвечая им, ярко загорелся рубиновый свет-его-сердца. Он был влюблен в Землю, особенно в растительную ее жизнь, земляне нравились ему тоже, и, как бывало всегда, когда загорался свет-его-сердца, ему хотелось указать им правильный путь, передать им накопленные за тысячелетия знания.

Впереди него в лунном свете двигалась его тень: на длинном стебле шеи похожая на баклажан голова. В складках на ней скрываются уши, похожие на молодые побеги лимской фасоли. Нет, только представить себе, как хохотали бы земляне, если бы увидели, как он ковыляет по проходу к трибуне международной организации! Все знания во Вселенной не помогут остановить хохот, вызванный тем, что твое тело очертаниями напоминает грушу.

Мозга его достиг предупреждающий о скором отлете сигнал с корабля, но он знал, что пока еще можно не торопиться, что сигнал этот предназначен не ему, а другим, более неуклюжим и медлительным членам экипажа. Куда им, неповоротливым, до него! Нет, что ни говори, а он удивительно быстроногий!

По земным меркам он, конечно, передвигается страшно медленно, любой ребенок землян ходит раза в три скорее; ему вспомнилась ужасная ночь, когда

один из них чуть было не переехал его велосипедом... Но сегодня все будет иначе. Сегодня он будет осторожен.

Он остановился, прислушался. Снова предупреждающий сигнал с корабля, теперь это было глухое биение в груди — сигнал тревоги. Свет-его-сердца замерцал: новый сигнал — все члены экипажа должны вернуться на корабль. Но для быстроногих времени еще предостаточно; левая, правая, снова левая, — переваливаясь, он неумоимо двигался к домам городка. Да, он немолод, но идет быстро, быстрее, чем другие ботаники возрастом в десять миллионов лет и с ногами как у болотной утки.

Его огромные выпуклые глаза, непрерывно вращаясь, обегали взглядом все вокруг: дома впереди, небо, деревья и дорогу. Никого кругом, он один, и идет он, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на жизнь землян, а потом — прощай, Земля!

Что это? Впереди на дороге появился свет, за ним другой! И тут же лихорадочно засигнализовало в груди: всем возвращаться — опасность, опасность, опасность!

Он попятился, повернул в сторону, растерявшийся от приближающегося света. Свет слепил его, безжалостный земной свет, холодный и жесткий. Ботаник споткнулся, упал с обочины дороги в кусты, а свет лег между ним и кораблем, отрезал его от огромного елочного украшения.

Опасность, опасность, опасность!

Свет-его-сердца вспыхивал часто-часто. Нужно поднять молодое дерево, которое он выронил; оно лежит на дороге, и корни громко кричат, зовут его на помощь.

Он протянул было руку с длинными пальцами, но тут же ее отдернул: прямо по ней ударил слепящий свет, вплотную надвинулся рев двигателя. Он откатился в кусты, судорожно пытаясь прикрыть свет-его-сердца веткой. Его огромные глаза, сейчас выпученные до предела, видели все, что происходит вокруг, но страшнее всего было то, что произошло с маленькой секвойей: самодвижущаяся повозка землян проехала по ней, молодые листочки были раздавлены, а сознание ее все еще кричало ему: «Опасность, опасность, опасность!»

А потом еще и еще свет на этой дороге, которая, обычно безлюдная, теперь была заполнена урчанием моторов и криками землян, возбужденными, полными азарта погони.

Прикрывая рукой трепещущий свет-сердца, он с трудом продирался сквозь кусты. Мудрость семи галактик не смогла бы помочь ему передвигаться быстрее в этой чужой для него среде. Как бесполезны, нелепы здесь его перепончатые ноги! Зато как быстро движутся по привычному для них твердому грунту, приближаясь со всех сторон, ноги людей! Теперь он понял, как глупо и неосторожно он себя вел.

Земляне громко переключались друг с другом на своем странном языке, а один из них, тот, у которого на поясе все время что-то звенело, явно напал на его след. Промелькнувший луч осветил пояс этого землянина, и старый ботаник увидел на поясе кольцо, а на кольце связку чего-то вроде зубов с неровными краями — не трофеи ли это, вырванные из рта какого-нибудь несчастного существа, прибывшего на Землю с другой планеты?

«Скорей, скорей, скорей!» — все еще звал корабль, и, пытаясь пронырнуть под снующими лучами, старый ботаник ринулся назад к дороге.

Здесь и там на довольно большом ее отрезке стояли самодвижущиеся повозки землян, а земляне, которые на них прибыли, рассыпались кругом. Он выпустил туман и, окутанный им, скользнул в лунном свете через дорогу сквозь воночие выхлопные газы (ядовитое облако на миг даже улучшило маскировку) — и вот, уже по ту сторону дороги, он съехал в неширокий овраг.

Тут же, словно почувствовал, где именно он пересек дорогу, лучи холодного света повернулись в его сторону. Земляне стали один за другим перепрыгивать овраг, а он вжался в песок и камни. Взгляд его, снова и снова обегавший все вокруг, обратился вверх, и он опять увидел страшное кольцо с нанизанными на него звенящими зубами — это хозяин кольца перепрыгивал через канаву; зубы щерились в наводящей ужас улыбке.

Он вжался еще сильнее в камни, скрытый poprzedнему туманом, неотличимым от того, который можно увидеть ночью в низких сырых местах. Не задерживайте взгляда на облачке, ведь это всего лишь клочок обыкновенного тумана, не тыкайте в него лучом, ведь внутри облачка длинная-преддлинная шея и две перепончатые ноги, а пальцы у этих ног такие же длинные и тонкие, как корни розового хвоста. Вы, земляне, наверняка не догадаетесь, что существо это прибыло на вашу планету для того, чтобы спасти образцы растительности, пока вы не уничтожили ее всю, и их сохранить.

А земляне в это время прямо над ним перепрыгива-

ли овраг, недобрые голоса их звучали громко, земляне получали от охоты огромное удовольствие и все были вооружены.

Когда овраг перепрыгнул последний землянин, старый ботаник выкарабкался наверх и двинулся следом за людьми в лес.

По мере того, как он приближался к своим, свет-его-сердца разгорался все ярче, питаемый общим энергетическим полем его товарищей; и не только их сердца, но и все растения, собранные на корабль за сто миллионов лет, кричали: «Опасность, опасность, опасность!»

По единственной расчищенной лесной тропинке он продвигался так быстро, как только мог. В этом лесу он знал каждый лист, каждую паутинку. Они вели его через лес, ласково шептали: «Вот сюда, теперь сюда, а теперь сюда».

Холодный свет остался позади, лучи его застряли в ветвях, с готовностью пропустивших инопланетянина, но преградивших путь его преследователям; ветви вдруг сцеплялись намертво, и пройти между деревьями было уже невозможно; какой-то корень, проросший наружу, слегка приподнялся, и землянин, на пояс которого было кольцо с нанизанными зубами, споткнулся и упал; другой корень захватил ногу его подчиненного, и тот шлепнулся ничком, ругаясь на своем языке, а растения в это время кричали ботанику: «Беги, беги, беги!»

Поляна была уже совсем близко.

Великолепная елочная игрушка, жемчужина Галактики, ждала его. Он ковылял к ней, к исходящему от нее спокойному и прекрасному свету, ничего подобного которому не видели на Земле. Сказочная энергия корабля собиралась сейчас вся в одной точке, пульсировала невиданной красоты волнами, одаряла сиянием все вокруг. Инопланетянин пробирался, раздвигая траву — может быть, с корабля его увидят, может, заметят свет-его-сердца, — но длинные пальцы его ног запутались в каких-то сорняках, которые не хотели его отпустить.

«Останься, — говорили они, — останься с нами».

Вырвавшись, он снова заспешил вперед, в сияющий ореол корабля, к поляне. Куда бы он ни повернулся, он встречал блеск этого прекрасного елочного украшения, радужные блики пронизывали траву насквозь. Он уже видел люк, еще открытый, в нем стоял один из его товарищей, и свет-сердца у того звал, обезумело искал его.

«Иду, иду...»

Он ковылял, путаясь в траве, но отвисающий до самой земли живот мешал ему идти; и вдруг все его существо пронизал сигнал — групповой разум принял решение.

Люк закрылся, будто лепестки завернулись внутрь. Корабль поднялся в то самое мгновение, когда он, размахивая длинной рукой, вынырнул из травы. Но с корабля уже не могли увидеть его: сейчас включалась вся невероятная мощность двигателей, и все вокруг затопил ослепительный свет. На миг корабль замер над деревьями, потом, вращаясь, взмыл ввысь; прекрасная елочная игрушка отправилась повиснуть на самой далекой ветке ноци.

Несуразное существо стояло в траве, и свет-его-сердца испуганно вспыхивал.

Он был один, и от дома его отделяло три миллиона световых лет.

Положив ноги повыше, Мэри сидела на кровати, и одна половина ее головы читала газету, а другая прислушивалась к голосам двух ее сыновей и их приятелей, которые играли на кухне в настольную игру «Подземелья и драконы».

— ...Ты добрался до края леса, но совершил глупую-преглупую ошибку, и теперь я зову Ходячих Мертвяков.

Ходячих Мертвяков, вот как? Мэри перевернула газетную страницу.

— Если я подружусь с Домовым, Ходячие Мертвяки идут?

— Домовой помогал Бандитам, так что еще спасибо скажи, что это только Ходячие Мертвяки, а не кто-нибудь похуже...

Она сложила газету, вздохнула. Каждый вечер все они собираются здесь, в ее кухне, где, как руины фантастического города, лежат бутылки из-под фруктового сока, горы целлофановых пакетов из-под жареного картофеля, книги, тетради, счетные машинки, а к доске, на которой она записывает, чтобы не забыть, предстоящие дела, приколоты кнопками бумажки с ужасающими выражениями.

— Теперь Хозяин Подземелий Стив. У него Абсолютная Власть.

Абсолютная Власть. Мэри вытянула ноющие ноги. Абсолютной Властью должна бы обладать она, глава семьи. Но она не в состоянии добиться даже того, чтобы они мыли за собой тарелки.

А в это время в «подземелье» под ее спальней по-прежнему разыгрывалось сновидение умалишенного.

— Какие они, эти Ходячие Мертвяки?

— Они похожи на людей, — ответил Хозяин Подземелья.

— Ха! Тогда совсем плохо. Послушай, какие у них качества: мания величия, паранойя, клептомания, шизоидность.

— Не шизоидность, а шизоидность, — сказала Мэри стене.

Как раз то, что, кажется, начинается у нее самой. Для чего она растит своих детей? Чтобы они стали Хозяевами Подземелий? Неужели ради этого работает она по восемь часов в день?

А может, неплохо было бы, если бы и в ее жизни было больше игры, больше неожиданностей? Неожиданные звонки от поклонников, например.

Писклявый голосок ее младшего сына, Эллиота.

— Я бегу по дороге. Они за мной. Злющие-презлющие, вот-вот меня схватят, но тут я бросаю на землю свою переносную яму...

Переносную яму? Чтобы слышать лучше, Мэри свесилась с кровати.

— ...прыгаю в нее и задвигаю крышку. Меня уже здесь нет.

О, если бы такая яма была у нее! Чтобы каждый день около половины пятого она могла туда забираться.

— В переносной яме, Эллиот, можно оставаться не дольше десяти миллициклов.

Резким движением она спустила ноги с кровати, полная решимости встретить приближающийся вечер без тревоги и страха.

Но где ей найти романтическую любовь?

Где мужчина, который перевернет ее жизнь?

Он ковылял по дороге. Теперь здесь было тихо, его преследователи исчезли, но все равно на этой планете ему долго не протянуть. Земная гравитация возьмет верх и, прижимая его к твердому грунту, перекрутит позвоночник; потеряют упругость мышцы, и потом где-нибудь в канаве найдут что-то большое и раздутое. Нечего сказать, хороший конец для галактического ботаника!

Дорога пошла под уклон, и он двинулся по ней к огонькам пригорода внизу. Чего ради он к ним спускается? И почему снова вспыхивает и гаснет рубиновый свет-его-сердца? Неужели там, среди чужих, он найдет сочувствие, найдет помощь?

Дорога кончилась, дальше шел низкий кустарник. Инопланетянин углубился в него, наклонившись, прикрывая рукой вспыхивающий свет-его-сердца, стараясь двигаться бесшумно. А свет-его-сердца вспыхивал все ярче, все чаще, и старый ботаник мысленно выбралил и его.

Прямо впереди были странные жилища землян, удерживаемые на поверхности их планеты гравитацией; разве можно сравнить их с прекрасными плавающими террасами планеты, имя которой...

До чего же больно думать о доме! Просто невыносимо!

Огоньки в жилищах землян стали ближе и крупнее, они притягивали его как мотылька. Спотыкаясь, он вышел наконец из кустарника и начал спускаться с крутого песчаного склона, и длинные пальцы его ног чертили на песке невиданные узоры.

Перед ним ограда, через нее нужно перелезть. Так... хорошо... Когда пальцы рук и ног длинные, как у него, преодолевать такие препятствия совсем нетрудно.

Как выющееся растение взобрался он на ограду, но, перевалившись на другую сторону, не удержался, свалился вниз и покотился, как тыква, по газону.

Зачем он здесь? Уж не сошел ли он с ума?..

Дом землян был теперь до ужаса близко, огни и тени этого дома плясали прямо перед глазами. Почему свет-его-сердца привел его сюда? Ведь дома землян — это жуть какая-то, невеста что.

Но тут он почувствовал где-то рядом что-то ласковое и дружелюбное.

Он повернулся и увидел огород.

Ботва приветливо шевелилась; едва не зарывав от радости, он пополз к грядкам и обнял артишок.

Затаившись между двух грядок, он стал советовать с растениями. Они настаивали на том, чтобы он подошел к окну кухни и заглянул туда, но ему этот совет пришелся не по душе.

«Все мои беды оттого, — ответил он растениям, — что мне хотелось заглянуть в окна. Больше я этого не хочу».

Ласково ворча, артишок настаивал, и наконец инопланетянин согласился и пополз; взгляд его вращающихся с невероятной скоростью глаз снова и снова обегал все вокруг.

Под окном кухни на подстриженной траве лежал квадрат света.

Посередине комнаты старый ботаник увидел стол,

за ним сидело пять землян, и они совершали какой-то ритуал. Они громко кричали и передвигали по столу крошечные фигурки. Они размахивали листами бумаги, на которых, по-видимому, были запечатлены какие-то страшные тайны, ибо каждый землянин скрывал от остальных, что именно записано на его листе.

Потом бросили куб, небольшой, но, видно, наделенный скрытой силой, и все пятеро смотрели на него во все глаза, когда он упал с громким стуком на одну из своих граней; больше с этим кубом не произошло ничего. Опять поднялся крик, в ночном воздухе снова звучала непонятная речь землян, а сами они, поглядывая каждый на свой лист, начали снова переставлять на столе маленькие фигурки.

Инопланетянин перестал смотреть и, опустившись под окном на землю, погрузился во мрак.

Планета оказалась невообразимо странной.

Научится ли он сам когда-нибудь этому ритуалу, доведется ли ему бросать такой куб, примут ли его как равного? По земным мерам времени он прожил уже десять миллионов лет, и где он только за это время не бывал, но ничего более непонятного он не видел нигде.

Ошеломленный, он крадучись двинулся к огороду: мозгу его было необходимо отдохнуть на грядках, среди овощей. Ему и раньше случалось заглядывать в окна земных жилищ, но никогда прежде он не ощущал так ярко диковинность рождающихся у землян мыслей.

«Но ведь это всего лишь дети», — сказал огурец.

Из груди старого ботаника вырвался стон. Если мыслительные волны, которые он принимал, исходили от детей землян, каковы же они должны быть у взрослых! Справится ли он с их расшифровкой?

Опустив голову, нахлывшись, он сидел на земле возле кочана капусты.

Все кончено. Пусть земляне придут утром, схватят его и сделают из него чучело.

Чтобы взбодрить себя, Мэри приняла душ. Потом, накрутив на голову полотенце, стала на поролоновый коврик, из которого их пес Харви вырвал зубами ключья.

Она вытерлась, надела кимоно из синтетического шелка, наложила на лицо невероятно дорогостоящий крем для смягчения кожи и мысленно попросила у всевышнего для себя покой.

Но покой тут же нарушил Харви: в своем уединении на заднем крыльце он зашелся вдруг в неистовом лае.

— Харви! — закричала Мэри в окошко ванной. — Замолчи!

Пес до смешного подозрительно относился ко всему, что двигалось в темноте; от этого у Мэри было чувство, будто округа буквально кишит преступниками. Если бы Харви лаял только на преступников, он бы, безусловно, был полезен.

Но пес лаял на фургончик, доставляющий на дом пиццы, на самолеты, на еле видимые в небе спутники и страдал, опасаясь она, «психическим расстройством с галлюцинациями».

А уж болезненным пристрастием к поролоновым коврикам — наверняка.

Дело, которым ей предстояло сейчас заняться, не вызвало у нее никакого восторга, но деваться было некуда, надо было взять себя в руки и все сделать.

Она отворила дверь в комнату Эллиота.

Комната была завалена всяким бесполезным хламом, который того гляди начнет гнить. Типичная комната мальчишки. Затолкать бы ее в переносную яму.

Мэри взялась за дело.

Что-то выкинуть, что-то разложить по местам; космические корабли подвесила к потолку, баскетбольный мяч закатила в чулан. Непонятно, зачем Эллиоту дорожный знак? Во всяком случае, учитывая, что дети растут без отца, а он вообще какой-то унылый и его как магнитом притягивают к себе эти Ходячие Мертвяки, с психикой у Эллиота явно не все в порядке.

А может, это период такой, и только? — Эллиот!... — позвала она его.

Разумеется, ей никто не ответил.

— Эллиот! — закричала она истошно и этим наверняка подняла себе кровяное давление и углубила еще больше морщины вокруг рта, которые неизбежно появляются от постоянного крика.

Шаги Эллиота прогрохотали по лестнице. И вот он уже стоит в проеме двери, все его четыре фута; иногда они радуют глаз, но сейчас, когда он исподлобья смотрит на то, что она сделала с его коллекцией хлама, эти четыре фута ее глаз совсем не радуют.

— Посмотри, Эллиот, как хорошо теперь выглядит твоя комната.

— Ага, только теперь мне в ней ничего не найти.

— Нет грязных тарелок, одежда убрана. Кровать застелена. На столе порядок.

— Ладно, ладно.
— Считается, что комната любого человека должна выглядеть именно так.
— Почему?
— Потому что мы не должны жить в мусорной яме. Договорились?
— Ага, договорились.
— Это от твоего отца?— Мэри показала на письмо, лежащее на столе; сколько раз она видела этот почерк на неоплаченных счетах, которые ей приходили.— Что он пишет?
— Ничего.
— Понятно.— Она перевела разговор на другую тему:— Ты не хочешь покрасить комнату заново? Краска уже облупилась.
— Конечно, хочу.
— В какой цвет?
— В черный.
— Замечательно. Признак душевного здоровья.
— Мне нравится черный цвет. Он мой любимый.
— Ты опять носишь. Почему ты перестал носить очки?
— Мэри!— донесся снизу голос Хозяина Подземелий.— Передают твою любимую песню!
Двигаясь в такт музыке, Мэри пошла вслед за Эллиотом вниз.
— Твой отец приглашает тебя с Майклом у него погостить?
— На День Благодарения.
— На День Благодарения? Но ведь он прекрасно знает, что в День Благодарения вы со мной.
Но разве относился их отец когда-нибудь серьезно к чему бы то ни было? Только, пожалуй, к необходимости подливать магазинные счета— не сосчитать шариковых ручек, которые он на это извел. Все покупал части для мотоцикла.
Несется сейчас где-нибудь сломя голову на своем мотоцикле, мотор ревет, в лунном свете блестят глаза под тяжелыми веками... Она вздохнула. Что сделаешь, такой уж он есть.
Инопланетянин распластался на земле между грядок, и за ботвой его не стало видно.
«Бояться нечего,— сказал помидор.— Это всего лишь фургончик с пиццами».
Что такое «фургончик с пиццами»? Нет, лучше пока побыть здесь, за ботвой.
Фургончик остановился перед домом. Дверь дома открылась, и из нее вышел молодой землянин.
«Это Эллиот,— сказал зеленый горошек.— Он здесь живет».
Инопланетянин чуть приподнялся и посмотрел. Землянин выше его, но ненамного. Однако ноги у землянина до смешного длинные, а живот не свисает красиво до земли, как у представителей некоторых других, более высоких форм жизни, но смотреть на него все-таки не очень страшно.
Эллиот пошел по асфальтированному въезду и исчез за поворотом.
«Иди в ту сторону,— сказал помидор.— Когда он пойдет назад, ты его хорошо рассмотришь».
А как же собака?..
«Собаку привязали,— успокоил его помидор.— За то, что она изгрызла сапоги Мэри».
Он вылез из огорода и пошел туда, куда сказал помидор. Но тут фургончик, разворачиваясь, осветил фарами весь двор, и инопланетянина охватил ужас; метнувшись к ограде, он вцепился в калитку и начал через нее перелезать. Нечаянно он нажал длинным пальцем ноги на щеколду, и калитка открылась во двор.
Юный землянин стоял совсем близко и смотрел в его сторону.
Инопланетянин мгновенно прикрыл рукой свет сердца, соскользнул с калитки на землю, юркнул в сарай, где хранились садовые инструменты, и затаился там, испуганный, закутавшись в облачко тумана.
Он сам загнал себя в ловушку, но в сарае были садовые инструменты, и они были похожи на те, что находились у них на корабле,— садоводство есть садоводство. Он схватил вилы и приготовился защищаться. Пусть знают: с галактическим ботаником, если загнать его в угол, шутки плохи.
«Не проткни себе ногу»,— сказал в маленьком горшке плющ.
До инопланетянина докатилась волна тревоги из сада, от апельсинового дерева: юный землянин сорвал с дерева плод.
Через мгновение апельсин, влетев в сарай, ударил инопланетянина в грудь.
Маленький, древний, тот покачнулся и сел от удара на свой большой мягкий зад.
Чтобы в маститого ученого кинули апельсин? Неслыханно!
Рассерженный, он длинной сильной рукой схватил апельсин и швырнул его назад, в ночь.
Землянин издал крик и убежал.
— Мама! Помогите!
Игроки повскакивали на ноги. Мэри похолодела. Что еще на этот раз?

— Там кто-то есть!— завопил Эллиот, врываясь в кухню. Он сразу захлопнул за собой дверь и запер ее изнутри.
Чувствуя внезапную слабость во всем теле, Мэри посмотрела на «Подземелья и драконы» на кухонном столе и очень пожалела, что у нее нет большой переносной ямы, куда вместились бы не только она, но и ее дети. Что ей делать?
— ...в сарае!— захлебывался Эллиот.— Оттуда бросили в меня апельсин!
— У-ууии,— паясничая, завыл Тайлер, нынешний Хозяин Подземелий,— как страшно!
Мальчишки, позабыв про игру, ринулись к двери, однако Мэри преградила им путь.
— Подождите. Оставайтесь все здесь.
Но они пролезли боком мимо нее, открыли дверь и кинулись во двор, к сараю.
Вцепившись в Эллиота и не отпуская его, она последовала за ними.
— Кого ты видел?
— Не знаю, он там, внутри.
Эллиот показал на сарай.
Она осветила внутрь фонариком— ничего, только горшки, удобрения, мотыги, лопаты.
— Тут никого нет.
Послышался голос Майкла:
— Кто-то открыл калитку!
— Смотрите, какие следы!— прокричал, бросаясь к калитке, Хозяин Подземелий.

Их невнятный неблагозвучный язык звучал для него абракадаброй, но их самих древний путешественник хорошо видел из своего нового укрытия на песчаном склоне холма за домом. Пятеро были дети, а с ними...
Что это за удивительное существо?
Свет-сердца снова начал вспыхивать, и инопланетянин постеснялся прикрыть его.
Чтобы получше рассмотреть сопровождающее детей гибкое существо, которое было намного выше его ростом, он заковылял назад к дому так быстро, как только мог.
Увы, нос у этого похожего на иву существа не как раздавленная броссельская капуста, да и очертания совсем не те, что у него... Наверно, мать этих детей.
Где же их отец, огромный и сильный?
«Она его выгнала несколько лет назад»,— ответили ему с грядки зеленые бобы.

Тревога, похоже, оказалась ложной, но на всякий случай Мэри загнала детей в дом.
— Кто-то там был, мам, кланюсь.
Тайлер фыркнул насмешливо.
Чувствуя себя ужасно, смертельно усталая, Мэри потащилась к лестнице. Сейчас она ляжет, положит на глаза примочки из трав и начнет считать игуан.
На верхней площадке она повернулась и сказала:
— Покончите с пиццей— и по домам.
В ответ она услышала глухое урчание.
Споткнувшись на пороге, она шагнула в комнату и повалилась как подкошенная на постель.
Еще один веселый вечер в жизни разведенной женщины.
Страхи, потрясения и Бродячие Мертвяки.
Она положила на глаза примочки из трав и обратила невидящий взгляд к потолку.
Оттуда в ответ будто кто-то на нее посмотрел.
Понятно: разгулялись нервы.
И если этот проклятый пес не замолчит, она оставит его где-нибудь на обочине дороги с запиской в пасти.
Она сделала глубокий вдох и начала считать своих игуан, а те проходили мимо, не отрывая почему-то ног от земли и дружелюбно на нее посматривая.

«Подземелья и драконы» перебрались в комнату для игр; играли все, кроме Эллиота, он почему-то стеснялся и ушел к себе. Он заснул и видел теперь тревожащие, странные сны: линии, сходясь под углом, образовывали огромные схемы пространственной перспективы и очерчивали контуры дверей, все новых и новых, и эти двери вели... в космос. Он пробегал сквозь них, но дверям не было конца.
Надо сказать, что тревогу испытывал не он один: Харви перегрыз наконец веревку и сбегал со своего поста на заднем крыльце. Он проскользнул в комнату Эллиота и подошел к кровати, внимательно осмотрел спящего Эллиота, потом его полуботинки: может, съест их? Нет, себе дороже. Но как-то неуютно сейчас; совсем неплохо было бы развлечься. Полаял на луну, но никакого удовольствия не получил. Что-то странное появилось у них во дворе, и шерсть у Харви от этого стояла торчком, а сам он временами негромко поскуливал. Что же там такое? Непонятно. Без особого усердия он начал, негромко причмокивая, себя вылизывать, потом внезапно услышал звук, который уже слышал до этого.
Эллиот услышал тоже и приподнялся в кровати.
Харви зарычал, ошетинился, его взгляд испуганно заматался. Очень захотелось укубить кого-нибудь, но

кусать было некого, и он затрусил рядом с Эллиотом из спальни вниз по лестнице к черному ходу— на задний двор.

А не первой молодости существо из космоса, поспав на песчаном склоне, встало и направилось опять к дому.

Во всех окнах было темно. Он нашел калитку, на ней щеколду, нажал на нее пальцем ноги, как, очевидно, полагалось нажимать, и вошел в калитку так, как вошел бы землянин. Однако его напоминающая очертаниями грушу тень на залитой лунным светом лужайке напомнила ему, что он и земляне далеко не одно и то же. По какой-то причине животы землян не обрели в процессе развития той приятной направленной книзу округленности, которая отличала его живот, не стали животами основательными, связанными, так сказать, самым непосредственным образом с местностью. Мышцы землян, и в том числе мышцы живота, были натянуты на решетку из костей так туго, что, казалось, еще немного— и разорвутся.

То ли дело он: центр тяжести у него расположен низко, поэтому тело у него устойчивое, а сам он склонен к созерцательности.

Размышляя об этом, он заковылял через двор туда, где росли овощи: было абсолютно необходимо еще раз увидеться с ними и обсудить свои дальнейшие планы. Но его нога наступила на металлический конец мотыги, и ее черенок, мгновенно поднявшись, стукнул его по лбу.

Инопланетянин издал вопль и повалился навзничь, а потом нырнул в кукурузу, росшую рядом; в эту минуту распахнулась задняя дверь дома, и оттуда выскочил тот же молодой землянин, а с ним съехившийся от страха пес.

Светя фонариком, Эллиот кинулся через двор к сараю и направил свет внутрь.

Снова холодный луч остановился, вздрагивая, на садовых инструментах; Харви прыгнул в него и вцепился зубами в мешок с торфом, и хотя настроение у пса после этого заметно улучшилось, пасть у него теперь была набита мхом. Ввергнутый в немоту, он заметался, бросаясь на тени.

В это время старый ботаник в кукурузе прикинул к земле, крепко сжимая в руке большой огурец, приговоровившись драться.

Стебли кукурузы раздвинулись, показалось лицо мальчика; мальчик пронзительно закричал и бросился ничком на землю.

Космический гость, пятясь, вылез из кукурузы и, шлепая по земле большими ступнями, заспешил к калитке.

— Не уходи!
В голосе мальчика было тепло, такое, какое бывает в голосах молодых растений, и старый ботаник обернулся.

Их взгляды встретились.
Пес носился по кругу, лаял, из пасти у него вылетали куски мха.

«Какое странное питание!»— подумал престарелый ученый. Зубы Харви поблескивали в лунном свете, но мальчик схватил собаку за ошейник и крикнул опять:

— Не уходи!
Однако старый ботаник уже выходил за калитку, во мрак ночи.

Мэри проснулась, примочки из трав по-прежнему лежали на ее веках, и почему-то ей показалось, будто дом не стоит прямо, а опрокинулся набок. Она встала, надела халат и вышла в коридор.

Из комнаты для игр доносились детские голоса. Ее малютки... Она вздохнула. Уже подходя, она услышала голоса Тайлера, Стива и Грега, которым было сказано идти домой. Конечно, как и следовало ожидать, ее словами пренебрегли. И, конечно, они остались ночевать в ее доме.
Терпение ее иссякло.

Она закуталась в халат и приготовилась перейти в наступление, но дверь была наполовину открыта и внутри в такт тихой музыке вспыхивал красный свет: работало их самодельное светомузыкальное устройство.

Действует успокаивающе, нельзя не признать. И вообще... в этом есть что-то творческое, ведь так?

И тут, вихрем взлетев по ступенькам и промчавшись мимо нее, в комнату ворвался Эллиот:

— Ребята!.. Я видел на заднем дворе чудище!
— Чудище? Ха-ха!
— Это... домово! Фуа в три ростом, руки длинные-длинные! Он сидел в кукурузе.

— Закрой дверь, а то мама проснется.
Дверь закрылась. Мэри побрела в свою комнату. Дом вовсе не перевернулся, перевернулось в голове у Эллиота. Перевернулось вверх дном.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.

Я

бродил по пустынным галереям Лесной оперы, главной сцены международного фестиваля песни в польском курортном городке Сопоте. Балтийский ветер доносил пряные запахи близкого моря, шум прибоя. Стоило закрыть глаза, в рокоте волн угадывались характерные звуки заполненного зрителями зала. Чуть больше месяца оставалось до начала фестиваля, а подготовка к песенному форуму шла полным ходом. Устанавливали аппаратуру техники, оформляли сцену художники, подключали гигантские прожектора осветители. Один из рабочих, узнав, что я журналист из Москвы, вытащил из кармана спецовки фотографию Аллы Пугачевой с автографом певицы. «Она покорила Сопот!» — рассказывал свидетель триумфа советской исполнительницы. — «Если хотите знать, — продолжал он, — такой же успех ожидает и вашу Анне Вески, которая собирается выйти на эту сцену...»

В своем прогнозе он не ошибся. Анне Вески увезла из Сопота в августе минувшего года не одну, а сразу две награды. Международное жюри, возглавляемое известным музыкантом, руководителем оркестра радио и телевидения в Лодзи Генриком Дебихом, вручило советской певице награду за первое место в конкурсе на соискание Гран при фестиваля (успех выпал на долю песни «Надежда не угасает» эстонского композитора Кустаса Кикерпу на слова Валли Ойявере в аранжировке Тыниса Кырвыца), а также приз за лучшее исполнение польской песни («Полька» Катаржины Гертнер с эстонским текстом Хенно Кэо). В польской печати отмечались прекрасные

актерские способности — помните телефильм «Снежные напевы» таллинской студии и другие фильмы, с успехом демонстрировавшиеся по Центральному телевидению?

Ровно пять лет назад имя Анне Вески впервые прозвучало в популярной таллинской радиопрограмме с несколько неожиданным названием «Два такта вперед». Своим участием в этом своеобразном конкурсе для начинающих Анне обязана друзьям, именно они уговорили послать на радио заявку. Начинала она с ансамблем «Мобиле», затем перешла в «Витамин», а сейчас ее коллектив носит название «Немо». Почему выбрано имя популярного героя Жюль Верна? «Известный французский писатель однажды сказал своему племяннику: «Больше всего на свете я люблю море, музыку и свободу». Эти личные пристрастия Жюль Верн передал своему и моему любимому герою капитану Немо...» — говорит Анне.

В песнях Вески особая интонация, о человеческих чувствах она говорит собственным, неповторимым языком. Ей удается так исполнить хорошо известную песню из репертуара других исполнителей, что та сразу становится популярной. Так произошло с песней «Позади крутой поворот» Игоря Саруханова... Узкими рамками одного стиля Анне себя не ограничивает. «Не люблю однообразия», — честно признается

она. И потому в ее сегодняшнем репертуаре полный светлой грусти блюз «Я знаю все тени лета», шуточная мелодия «Юлий Цезарь», романтическая баллада «Все позади» и рок-н-ролл «Озорной день».

«Не исполнять песни с чужими стихами — самой сочинять!» — это убеждение Анне выразилось в последнем ее диске-гиганте, выпущенном фирмой «Мелодия». Вески написала слова к мелодиям «Кружится мир» и «Не говори». А поскольку пластинка стала оригинальным подарком к собственному дню рождения, от имени мужской половины эстонских исполнителей галантный жест сделал Тынис Мяги — принес накануне записи ноты и слова песенки «Не люблю капризных», которая по желанию певицы и открывает альбом.

...Мы встретились с Анне в спорткомплексе «Олимпийский». «Трудно петь в таких огромных залах?» — спрашиваю ее. «Чувство, ни с чем не сравнимое!» И признается, что во время XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов летом этого года также хотела бы петь перед таким и даже большим числом зрителей. «На таких концертах мы едины, — заключает собеседница. — А единство — всепобеждающая сила».

Владимир КОВАЛЕВ

АННЕ ВЕСКИ: «И ИЩЕ НАС ПЕСНЯ» Знакомый голос

вокальные данные «эстонского соловья», умение Анне держаться на сцене, гражданская наполненность и интересные аранжировки исполненных ею мелодий.

Музыка окружала ее с малых лет. Вместе с родителями пела в хоре — это искусство в Эстонии в особом почете. В музыкальном училище училась игре на фортепьяно, и, казалось, дальнейший путь тоже музыкальный. Анне, однако, неожиданно для всех поступает в... Политехнический институт. И хотя является солисткой в самодеятельном ансамбле института «Мобиле», даже выезжает на свои первые гастроли в Румынию, на профессиональную сцену не торопится. «Мне казалось, профессионал должен обладать особым мироощущением; одно дело, когда музыка для тебя развлечение, отдых, совсем иное, когда она становится работой...» — говорила Анне во время нашей встречи спустя несколько лет. Разговор состоялся после первого концерта Анне Вески в Москве, она пела со сцены Государственного театра эстрады в сопровождении ансамбля «Витамин». Пела, уже работая солисткой Таллинской государственной филармонии, имея в активе гастроли по стране и за рубежом, выступления по радио и в программах телевидения. «И все-таки в Москве я словно беру очередную высоту, как спортсмен...» — улыбается Анне. Кажется, будто репертуар ее неисчерпаем, записаны несколько долгоиграющих пластинок на эстонском и русском языках, проявились и незаурядные

